КРАЕВЕД ПРИАНГАРЬЯ
Журнал краеведов Приангарья

№ 2' 2017

№ 2' 2017

Содержание

Николай Николаев.
Куда приводят дороги Иркутской области? 3

ТУЛУНСКАЯ ИСТОРИЯ

Юбилей

Александр Никитин.
К 110-летию основания Тулунской государственной селекционной станции и ее поселка 6

Исторический сюжет

Светлана Баженова.
Тулун — тайны старого города 15
Юрий Баландин.
Исчезнувшие деревни земли Тулунской 24

Персона

Инна Краснова.
Традиции благотворительности и меценатства на Тулунской земле 41
Максим Сафиулин. Стихи 47

Память

Михаил Денискин.
36 секунд одного мига… 49

БРАТСКАЯ ИСТОРИЯ

История современности

Елена Савицкая. Ангарская деревня — «души моей прекрасный уголок» 54

Исторический сюжет

Владимир Скращук.
Иркутский самиздат: открыты новые страницы 60
Ольга Фокина. Стихи 67

История современности

Виктор Бронштейн.
Ольхонский прорыв Даши Намдакова 69

Артефакт

Игорь Жидиль.
Ангинский железоделательный завод 76

Исторический профиль

Станислав Гольдфарб.
Новый начальник края 82

ЧЕРЕМХОВСКАЯ ИСТОРИЯ

Юбилей

Ольга Сокольникова.
В Черемуховой пади 104

Черембасс

Ольга Сокольникова.
Через тернии — к звездам! 113
Город на угле 127

Артефакт

Михаил Рожков.
«Глазковский некрополь» — удивительное рядом 139

Учредитель и издатель

Редколлегия:

Председатель Н. П. Николаев,
Председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям

С. Гольдфарб,
(заместитель председателя),
д.и.н., профессор Иркутского государственного университета, член общественной палаты г. Иркутска

А. Петров,
(ответственный секретарь),
помощник депутата Государственной Думы РФ

А. Елизарьев,
главный редактор еженедельника «СМ №1»

Ю. Зуляр,
д.и.н., профессор

В. Шахеров,
д.и.н., профессор

М. Синчурина,
к.п.н., доцент факультета сервиса и рекламы Иркутского государственного университета

Редактор-составитель
С. Гольдфарб

КУДА ПРИВОДЯТ ДОРОГИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ?

Иркутская область — уникальный регион: здесь мультикультурность дает настолько необычный сплав, что диву даешься. Вот «сибирский Париж» — Иркутск, вот «маленький Питер» — Ангарск, вот Тургеневка — село, где обычаи и уклад жизни белорусов хранятся едва ли не лучше, чем в самой Беларуси. Традиционные эвенкийские, бурятские поселения и здесь же, по соседству — татарские, украинские. Люди бережно сохраняют память своего рода, села, города, приумножая историю всего региона.

Мультикультурность — не единственная особенность этой земли. Ее история уходит вглубь веков и тысячелетий. Это один из старейших островов цивилизации на территории России и древнейший — во всей Восточной Сибири. Едешь из одного конца Иркутской области в другой — из Иркутска, например, через Качугский район, Верхоленск, через Жигалово, Магистральный в село Казачинское, и оказываешься будто в машине времени. Иркутск — современный большой город, устремленный в будущее, отъехали — Верхоленск, который по возрасту старше областной столицы лет на двадцать, а то и больше. Именно отсюда шло освоение Прибайкалья казаками, здесь до сих пор сохранился один из самых старых православных храмов Восточной Сибири.

Проезжаешь немного от Верхоленска, и вот из XVII века ты попадаешь в IV тысячелетие до нашей эры: это знаменитые Шишкинские писаницы, которым те-

перь присвоен статус памятников мировой культуры. Самые древние рисунки, возраст которых до шести тысяч лет, изображают фигуры животных, обитающих в этих краях и сейчас — оленей, лосей. Есть петроглифы III – начала I тысячелетия до новой эры, на них байкальская нерпа, медведи, олени, быки, странные мифические животные и фигурки людей с лучами над головами. Это — одна из богатейших коллекций древнего искусства в мире, здесь на скальном массиве размещено больше 1 700 изображений. И все это ты можешь увидеть своими глазами, прикоснувшись к удивительной истории Прибайкалья.

Едем дальше по той же дороге: Ковыктинское месторождение. Это — вопрос недалекого будущего, энергетическая и сырьевая основа экономики макрорегиона в XXI веке. Как и всякий глобальный экономический проект, Ковыкта стянет в определенную географическую точку новые технологии, специалистов, создаст инфраструктуру бизнеса и жизнедеятельности.

Дальше по дороге, в сотне километров сквозь тайгу — БАМ, поселок Магистральный. И это тоже наша история, в которой было место тысячам судеб замечательных людей, поехавших по зову страны осваивать новые земли.

Конечный пункт — село Казачинское, расположенное в одном из самых красивых мест Сибири, на берегу реки Киренги.

И во всех селах, деревнях, поселках по этому фантастическому пути есть люди, бережно хранящие древнюю или совсем молодую историю своего поселения.

А сколько таких путей? Из Иркутска, например, на Ольхон — через Усть-Ордынский Бурятский округ с его замечательными живыми традициями, гостеприимством, широкими праздниками Сагаалган, Сурхарбан, Ёрдынскими играми.

На самом Ольхоне когда-то родилось одно из мощнейших краеведческих движений Иркутской области, его основателем стал учитель из Хужира Николай Ревякин. Начиная с 50-х годов прошлого века он вместе со своими учениками участвовал во всех научных экспедициях, проводившихся на Ольхоне, состоял членом Общества охраны природы и действительным членом Русского географического общества. Под руководством Николая Ревякина ребята изучали природу острова Ольхон, этнографические, археологические памятники. С кружком Ревякина сотрудничали ведущие ученые археологи и этнографы Сибири — академики Обручев, Окладников, преподаватели Иркутского госуниверситета. Кружок Ревякина открыл более 20 новых памятников археологии. Итоги его работы — не только научные открытия, но и замечательная, многосторонняя просветительская деятельность: благодаря Ревякину в Хужире появился музей, которому был присвоен статус государственного, а в начале 2000-х годов в Иркутской области стала проводиться ежегодная областная музейная научно-практическая конференция «Ревякинские чтения», в которой участвовали музеи, учреждения культуры и образования из разных районов Иркутской области. Сейчас этот проект угас, но, будем надеяться, краеведение возродится.

Дело не только в потребности самих людей лучше узнать историю своего края, хотя и это очень важно и заслуживает огромного уважения. Мир меняется, меняется уклад жизни современного человека, открываются новые окна возможностей. Так, например, в нашу эпоху глобальной экономики, крупных сельскохозяйственных холдингов смысл крестьянского труда становится другим, не таким, каким он был сто, пятьдесят и даже тридцать лет назад. Теперь речь идет уже не об эффективном массовом производстве сельскохозяйственной продукции, а об экологическом продукте, о дополнительных услугах. Напри-

мер, по всему миру набирает обороты такая сфера бизнеса и самозанятости, как сельский туризм: жители городов на выходные, на каникулы едут на отдых в села, где и хорошая экология, и здоровая кухня, и прогулки на свежем воздухе.

И в этой сфере деятельности, особенно у нас, рядом с Байкалом, скрыт огромный потенциал развития. Поэтому наша команда Краеведа Прибайкалья совместно с областным Союзом сельских женин и Ассоциацией муниципальных образований Иркутской области предлагает Приангарью включиться в проект «Ассоциация самых красивых деревень России». Мы недавно провели переговоры с учредителями Ассоциации и в течение июля–августа хотим подготовить список поселений Иркутской области на соискание звания Самых красивых деревень России.

Ассоциация была создана в 2014 году, в 2016 году она вошла в Федерацию самых красивых деревень Земли. Она объединяет сельские населенные пункты, обладающие выдающимся культурным и природным наследием, население которых стремится его использовать для организации новых привлекательных рабочих мест через развитие устойчивого и ответственного туризма. Целью Ассоциации является сохранение и эффективное использование культурно-исторического и природного наследия, развитие человеческого потенциала села.

Что дает членство в Ассоциации? В первую очередь, оно позволяет использовать такие инструменты развития, как продвижение и маркетинг (содействие в разработке плана территориального маркетинга; участие в выставках; реклама и продвижение в СМИ; каталоги, брошюры, альбомы; участие в праздниках; сайты), Университет самых красивых деревень (курсы переподготовки — совместно с ведущими учебными и научными заведениями России; на базе модулей программы ЕС ТЕМПУС проекта «Переподготовка кадров в сфере устойчивого развития сельских территорий»; разработка практических рекомендаций — встречи с экспертами, профессиональные консультации, проведение конференций, педагогические фермы для детей и молодежи), грантовая поддержка инициатив населения (Фонд поддержки инициатив СКДР).

В Иркутской области сохранилось много старинных самобытных сельских поселений с уникальным укладом, живыми традициями, богатой историей. Их по праву можно считать одними из красивейших в России, но о них мало кто знает. Сейчас у нас есть возможность рассказать о них не только на всю нашу страну, но и на весь мир.

Еще один важный момент: стимул к развитию получат не только те наши поселения, которые войдут в Ассоциацию, но и близлежащие, ведь современный турист не сидит на месте, он стремится посмотреть, а что по соседству, какие еще есть поблизости природные или исторические достопримечательности. Можно формировать целые маршруты для путешествий и в них включать как можно больше поселений.

И в этом плане важна история, краеведение, ведь это — интеллектуальное, духовное наполнение хорошего путешествия. А дорог, по которым можно путешествовать, в Иркутской области много. Из края в край, из века в век: дорогами ли курыкан — от одной их стены-крепости к другой, дорогами ли казаков, декабристов или первостроителей.

Николай Николаев,
депутат Государственной Думы
Российской Федерации.

Александр Никитин

К 110-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ ТУЛУНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕЛЕКЦИОННОЙ СТАНЦИИ И ЕЕ ПОСЕЛКА

До революций в Иркутской губернии не было большого опыта возделывания хлебов, а многовековой опыт земледелия европейской России здесь был неприемлем. Для разведения многих сельскохозяйственных культур первым препятствием являлись поздние весенние заморозки, которые убивали нежные всходы растений. Оттягивая время посева к середине июня, к тому времени, когда минует опасность заморозков, растению оставляли так мало теплых дней, что оно не успевало созреть и погибало с приходом осенних заморозков. Ведь каждый сорт требует для себя определенных условий и, чтобы получить хороший урожай, нужно иметь для каждой местности свой сорт.

Земледелие Восточной Сибири нуждалось в скороспелых, хорошо приспособленных к местным условиям и дающих высокий урожай сортах. И такие сорта можно получать только путем селекции. Практическую помощь развитию местного земледелия могло оказать сельскохозяйственное опытное учреждение.

Поэтому в те годы от Урала до Дальнего Востока переселенческое управление создавало сеть опытных полей и ферм. В их числе в 1907 году в Тулуне на берегу горной красавицы-реки Ии, несущей свои воды с Саянского хребта, была основана Тулунская опытная ферма.

Участок был выделен из государственной лесной дачи. Руководство фермой осуществляло Управление Землеустройством и Переселением в Иркутской губернии. Особого положения об опытном поле не принималось. Можно сказать, что Тулун не был случайно выбранным местом: здесь безморозный период по многолетним данным составлял 74 дня, последние возвратные весенние заморозки нередко бывали в середине июня, а в отдельные годы и позже. А осенью уже в середине августа посевы то и дело страдают от ранних осенних заморозков.

Правомерен вопрос: почему же выбор пал на столь суровый уголок Иркутской области, раскинувшейся на площади 782 тыс. км? Иркутская область, как, впрочем, и некоторые другие регионы Сибири, относится к территории с ненормальным агроклиматическим зонированием. Сегодня известно, что в Нижне-Илимском районе, расположенном севернее на 300 км Тулунского, гораздо благоприятнее условия, чем в районе села Икей. Дело в том, что в долине северной реки Илим складываются лучшие условия в течение лета, и здесь за счет теплоотдачи реки осенью дольше длится безморозный период, а на юге Тулунского района в предгорьях Саянских гор, где находится Икей, срабатывает своего рода экран. Холодные массы воздуха с севера доходят до Саянских гор и, не перевалив через хребет, растекаются у его подножия, выхолаживая эту территорию.

Первым управляющим Тулунской опытной фермы был отставной офицер, разорившийся орловский помещик преклонного возраста Иван Семенович Турбин.

О нем, к сожалению, мало что известно.

Управляющий опытной фермой в 1907 году получил в свое распоряжение 509 десятин всех земель, в том числе 30

Селекционеры на берегу Ии. Слева направо: старший специалист по селекции К. М. Крамм, химик В. Г. Дубов, садовод В. И. Провозко, заведующий экономическим отделом К. Н. Миротворцев, заведующий селекционным отделом Б. И. Мясников, заведующий огородным отделом А. К. Доганюк, практикантка Е. И. Черных, заместитель директора И. Г. Быков, директор К. А. Антропов, заведующий отделом практической ботаники и химизации растений А. И. Потапов

десятин пашни. Сюда вошли земли тулунских крестьян: заимки Нестерова, Аверьянова, Ермакова и Екимовича. В штате числилось лишь 7 человек (сам Турбин, помощник по хозяйству Арханский, трое рабочих, конюх и сторож). Имелся отличный для того времени машинный инвентарь на 700 рублей, но лаборатории не было. На ферму был перенесен и метеопост, который до этого находился на железнодорожной станции.

Расходы по возведению построек до 1910 года достигли 18 500 рублей. За пять лет было построено: три дома, казарма, конюшня, амбар, подвал, рига, баня. К постройке были привлечены жители из соседнего села Иннокентьевск, лесоматериалы тоже закупались у жителей этого села. Метеорологические приборы находились в квартире у заведующего. А в библиотеке были представлены полное собрание энциклопедии русского сельского хозяйства и некоторые сельскохозяйственные журналы за 1909 год. На новом месте надо было развернуть работы по размножению и распространению новых сортов растений и пород сельскохозяйственных животных, изучению и демонстрации крестьянам окрестных деревень новых по тому времени сельхозмашин и инвентаря.

Но организация опытного дела на упрощенных методах, а не на строго научной основе привела к бесплодной потере времени и не дала результатов в работе. За пять лет (1907–1912 гг.) опытная ферма производила пробные посевы привозных сортов разных культур, применяла машинный инвентарь, которого не было в крестьянских хозяйствах. Не имея определенной программы деятельности и поддержки местных властей, ферма фактически не выполняла функций опытного учреждения с научно-исследовательским характером. В те годы предпринимались попытки отдельных переселенцев сеять озимую пшеницу, но они всегда оканчивались неудачей. Оказалось, что такие пробы проводились и на Тулунской ферме.

Через несколько лет поля фермы оказались в сильной степени засоренными. Урожай основной культуры — овса — составлял менее 6 центнеров с гектара, в

которых половина — семена сорных растений. В организации опытной фермы как культурного хозяйства крестьяне видели пример, как не следует вести хлебопашество.

Уже в отчете за 1909 год, заведующий Тулунской опытной фермой Иван Семенович Турбин писал: «Обратить ферму в показательное учреждение будет стоить дорого и без пользы для крестьян. Мое мнение таково, что ферма должна стремиться выпускать на рынок требуемые сорта хлебов... и выводить скороспелые сорта... чтобы не быть в зависимости от влияния климата и погоды».

Вот что пишет Турбин в отчете уже за 1911 год: «Я полагаю, что ферма не может служить показательным учреждением... За четыре года существования фермы... ни одного крестьянина не приезжало для этой цели»

Земледелие губернии выдвигало такие насущные вопросы, как потребность в скороспелых сортах и агротехнике их возделывания. Надо было выявить наиболее пригодные сорта, изучить различные виды удобрений, вредителей и болезни сельскохозяйственных растений и меры защиты от них. Особенно остро встал вопрос о посевных семенах у местного населения после тяжелого для восточносибирского земледелия 1912 года, когда большая часть посевов Сибири пострадала от заморозков в конце июля и начале августа. Многие крестьяне остались без хлеба.

Новый этап в работе фермы наступил с приходом в 1913 году молодого агронома Переселенческого управления Иркутской губернии Виктора Евграфовича Писарева и его помощников агрономов Павла Семеновича Попова и В. В. Виноградова. Тулунская опытная ферма в 1913 году была переименована в опытное поле.

В июне 1912 г. произошло событие, которое позже Виктор Евграфович оценил с известной долей юмора: «...если бы не заработал Катман (или Катмай — вулкан на Аляске в восточной части Алеутской вулканической дуги), я не стал бы селекционером». При извержении вулкана было выброшено огромное количество пепла, распространившегося и над Восточной Сибирью, что привело к резкому сокращению солнечных лучей и к небывало ранним для региона заморозкам. В результате почти все посевы погибли и только самые скороспелые формы успели дать семена, на основе которых В. Е. Писарев начал селекцию.

Но вернемся на наше опытное поле. В. Е. Писарев составил план работы Тулунского опытного поля. И осенью 1913 года Совет по опытному полю губернии утвердил этот план, который послужил началом научной работы.

С 1913 по 1915 год работал на опытном поле Петр Кузьмич Костыро со своим другом Погодой Александром. Они сажали деревья и принимали участие в строительстве на территории усадьбы.

Петр Кузьмич вспоминал: «К нам явился молодой человек в кожаной тужурке, среднего роста, с гордо поднятой головой. Рабочие здоровались с ним, прикладывая руку к головному убору. По полям он ходил всегда пешком».

В 1913 году началась постройка двухэтажного лабораторного здания.

В 1914 году был заложен опытный сад с плодовыми деревьями и ягодными кустарниками.

А опытный огород заложен в 1916 г.

На организацию, строительство, на содержание персонала из местных средств и средств министерства земледелия на 1915–1917 годы было отпущено 50 тысяч рублей.

Добавим, что в это время метеопункт становится агрометеостанцией, оставаясь подразделением опытного поля. Станция получает в только что построенном лабораторном корпусе большое отдельное помещение, в саду напротив располагается площадка для наружных метеонаблюдений. В таком виде Тулунская агрометеостанция просуществовала до 1952 года.

В 1916 г Виктор Евграфович издает свой 350-страничный труд «Тулунское

опытное поле». По отзыву академика Н. И. Вавилова, в этом «образцовом в смысле комплексного охвата вопросов сельского хозяйства» труде среди многих других нашли отражение и вопросы происхождения культурных растений Восточной Сибири.

В. Е. Писарев первым начал применять теплицы в практике отечественной селекции. В солнечные дни второй половины зимы в тулунских оранжереях, вырубленных в базальтовых скалах на южном склоне каньона протекающей по территории станции горной реки Ии, проводили гибридизацию пшеницы и в тот же год выращивали первое поколение гибридов. Для ускорения селекции Писаревым применялись и другие новшества: так, для изучения морозостойкости была сконструирована специальная холодильная установка.

В годы гражданской войны, в 1918—1919 гг., финансирование станции было крайне низким. Сибирь была оторвана от центра при Колчаке, и станция неоднократно находилась под угрозой ликвидации. Лишь благодаря героическим усилиям ее работников станция была сохранена как опытное учреждение и выполнила работы, имеющие важное значение для земледелия Иркутской области.

Широкая программа деятельности, разработанная и проведенная Писаревым, не вмещалась в рамки «опытного поля». По мере развертывания исследований назревал вопрос о преобразовании его в опытное учреждение высокого уровня. В январе 1918 года Тулунское опытное поле было преобразовано в опытную станцию губернского значения. А в конце 1918 г. В. Е. Писарев по вызову сельхозотдела Центросибири поехал в Иркутск с задачей восстановить краевую агрономическую службу, одновременно руководя опытной станцией. На месте осталась его жена, которая продолжала работу по селекции.

В эти годы Писарев, наблюдая тяжелое положение крестьянства — заросшие поля, безденежье, был в отчаянии. К тому же он боялся, как бы колчаковские солдаты не скормили исходный материал и сорта своим лошадям. Ведь железная дорога располагалась в пяти километрах от опытного поля.

В 1919 году часть отделов станции перенесена под Иркутск, на их базе была организована областная сельскохозяйственная опытная станция.

1920 год. Еще идет гражданская война. Виктор Евграфович выезжает в Омск и участвует в совещании по сельскохозяйственному опытному делу, где встречается с выдающимся селекционером, руководителем Западно-Сибирской областной селекционной станции им. Н. Л. Скалозубова, профессором Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства В. В. Талановым и вместе с ним едет в Москву на Совет по опытному делу, а затем и в Саратов на организованный Н. И. Вавиловым Всероссийский съезд по селекции и семеноводству. На этом съезде В. Е. Писарев выступает с докладом. Там он встретился с виднейшими селекционерами, в том числе с Н. И. Вавиловым. Тогда они обменялись подарками. Вавилов вручил сибиряку семена скороспелых пшениц, собранных им на Памире, а Писарев — книгу «Тулунское Опытное поле», первый свой большой научный труд.

В 1920 г. после окончания Иркутской гимназии начинала свою рабочую биографию на Тулунской опытной станции в качестве работницы отдела селекции Надежда Львовна Удольская. В. Е. Писарев — крупный ученый с широким кругозором, его исследования заинтересовали Н. Л. Удольскую, что в последующем сыграло решающую роль при выборе ею специальности. В будущем она — крупный селекционер, физиолог растений, генетик, член-корреспондент Академии наук Казахской ССР, профессор, заслуженный деятель науки Казахской ССР. Ей было присвоено почетное звание Заслуженного деятеля науки Казахской ССР, она избрана членом-корреспондентом АН КазССР, награждена

Орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалями Советского Союза.

Можно отметить, что в 1920–1921 гг. начинал свой трудовой путь и работал лаборантом на Тулунской с.-х. опытной станции будущий доктор с.-х. наук, академик ВАСХНИЛ и видный ученый в области генетики, селекции и семеноводства с.-х. культур Кузьмин Валентин Петрович.

В 1920 г. на станции стали впервые заниматься гибридизацией овса. Семеноводческая работа с пшеницей на станции начата с 1921 г. размножением пшеницы «Балаганка». А для чистоты и массового размножения закладывались маточные питомники.

Весной 1921 года Виктор Евграфович переходит в отдел по прикладной ботанике и селекции Сельскохозяйственного ученого комитета (ОПБиС СХУК) Наркомзема, который на тот момент возглавлял Н. И. Вавилов. Тулунскую станцию возглавил К. А. Антропов, который ей руководил с 1921-го по 1925 г.

За период работы на Тулунской опытной станции В. Е. Писарев вывел различные ценные сорта сельскохозяйственных культур.

Добавим, что с 1913 по 1924 г. Виктором Евграфовичем было написано и опубликовано 25 работ, основанных на научных данных как Тулунской станции, так и на данных по Иркутской области.

Первая мировая война и годы Гражданской войны затормозили развитие селекционной работы в стране, широко развернувшейся при новой советской власти. В 1921 г. была организована государственная система семеноводства — Госсемкультура. Подход к организации семеноводства как к делу государственной важности способствовало развитию селекционной работы. И это притом, что за годы Гражданской войны и разрухи страна потеряла практически весь сортовой материал. Для восстановления разрушенного сельского хозяйства стране были необходимы новые высокопродуктивные сорта.

С 1924-го по 1929 г. на станции проводились повторные опыты по срокам посева. В 1923 г. началась семеноводческая работа с горохом, овсом. С 1922 года работы по селекции и агротехнике получили достаточно широкий размах. В марте 1922 года на областном совещании были обсуждены задачи опытных учреждений и определены районы их деятельности. С этого времени на станции значительно расширился объем исследовательских работ. В 20-х годах стали издаваться труды

ученых, работавших на опытной станции.

В 1922 г. при станции был упразднен отдел полеводства и все работы этого отдела были перенесены на Баяндаевское опытное поле.

С 1925-го по 1927-й директором станции становится И. Г. Быков. В 1927 г. — К. К. Крамм, а в 1928–1929 гг. — А. Д. Мансуров.

В Тулунском краеведческом музее хранится брошюра, изданная агросекцией Тулунского округа в 1927 году «Значение селекции и сорта», автор Б. И. Мясников. В предисловии говорится, что «настоящая брошюра была написана в 1925 году для раздачи ее населению на сельскохозяйственных выставках, как пособие для экскурсантов при изучении селекционного дела». Автор пишет: «Выведение нового сорта не так уже просто, как это нам кажется с первого взгляда, и делается это не в один-два года, а проходит целый ряд лет, прежде чем найдется то, что хотя бы приблизительно хотел получить селекционер».

В двадцатых годах станция активно пропагандировала свои сорта на многочисленных собраниях и выставках сельхозпродукции. В это же время новые сорта выдавались на испытание крестьянам-корреспондентам. Таким образом, было просчитано, что смена старых сортов крестьянами Восточной Сибири на сорта Тулунской станции увеличит прибавку урожая в среднем на 30%. Для того, чтобы иметь представление о селекции, мы приведем некоторые данные объема работ, произведенных опытной станцией за 1925 г.: в изучении было 684 вида пшеницы, 485 — овса, картофеля — 208, проса 52 вида. В питомниках было 2 976 видов разных культур, под которые было занято 3 743 делянки. Отметим, что в это время в Тулунском и Иркутском округах и Госсемкультуре не имелось средств для испытания семян и определения района посадки сорта. Все работы велись на средства Тулунской опытной станции.

В это время в поселке станции появился магазин, несколько жилых домов, деревянные овощехранилище и зерносклад.

С 1924-го по 1930 год селекционерами было опубликовано 20 различных работ.

Советское правительство понимало, что при принятом курсе на индустриализацию и коллективизацию увеличивающееся за счет крестьян население городов без механизации сельского хозяйства не прокормить. Так, более 30% индивидуальных хозяйств не имело инструмента и рабочего скота для обработки земли, а низкий уровень агротехники мелкого индивидуального хозяйства не имел дальнейших перспектив роста. В 1928 году 9,8% посевных площадей вспахивалось сохой, сев на три четверти был ручным, уборка хлебов на 44% производилась серпом и косой, обмолот на 40,7% производился немеханическими способами — цепами и другими инструментами. Уже в конце двадцатых годов были выпущены первые советские трактора, а в 30-х годах проходила массовая механизация сельского хозяйства.

В 1930 г. Селекционная станция закупила для своих нужд американский трактор «Фордзон», собранный в СССР. Это был маленький трактор, но он существенно помогал на полях станции, так как все виды работ в то время выполнялись с помощью лошадей. Через некоторое время на станции появился и гусеничный трактор.

Комбайнов тогда еще не было. Первыми трактористами на станции были братья Лютиковы, позднее — Илья Шально и Кирилл Исаакович Побойня. Директором станции с 1929-го по 1932 год был Аркадий Аркадьевич Гусельников, который всячески старался как-то помочь рабочим выжить: продавал лошадей, доставал черные бобы, их варили для еды работающим на станции. В 1933 году он был осужден как враг народа. В этом же году на станцию вдруг обратили внимание и стали выделять деньги на зарплату, а также немалые средства для строительства. В апреле 1933 г. на станцию приезжает Маркин Ва-

силий Степанович, который стал заведующим отделом селекции пшеницы. Как раз в это время на станции начали проводить работу над выведением известных сортов пшеницы «Тулун-14», «Иркутская-49» и «Скала».

Сюда потянулись из разных мест люди — из Ишидея, Бурхуна, Илира, Тангуя и других сел. Прибыло более 40 человек. В 1933 году встал вопрос об открытии школы. Первая школа поселка находилась в маленьком домике. Он стоял на месте спортзала нынешней школы. Когда строили новую, то дом перенесли по адресу Мичурина № 12, в нем сейчас живут Сергей и Татьяна Черепковы. В 1935 г. построили новую школу. Часть ее занимала столовая, где бесплатно кормили учеников, ее сейчас называют «барак». Когда ее открывали, играл духовой оркестр, музыкантами были охранники с железнодорожного моста через Ию.

Жена Маркина Прасковья Евдокимовна Епихина стала первым учителем только что открытой школы. В первый класс пришло учиться более 40 человек.

В эти годы открываются детский сад и ясли.

30-е годы отметились еще и обилием репрессий, доносов и жаждой наживы за чужой счет. Не миновала этого и наша станция.

В эти годы были репрессированы:

Аркадий Аркадьевич Гусельников — директор опытной станции;

Маркин Василий Степанович в 1937 г. — Зав. отделом селекции пшеницы;

Зиновий Перелыгин в 1937 г.;

Матвей Долгих в 1937 г.;

Михайловский (репрессирован);

Карпенко (репрессирован);

Русинов (репрессирован);

Краснощёков (репрессирован);

Казанцев в 1935 г. (репрессирован);

Старицын в 1935 г. (репрессирован);

Подкосова Клавдия Яковлевна в 1944 г — рабочая;

Омелич Филипп Дмитриевич в 1938 г. — зам. директора по научной части;

Колгин Иван Степанович в 1938 г. — техник.

И это еще не полный список.

Менялись часто в это время директора станции, за пять лет сменилось 5 руководителей:

1933-1935 гг. — В. П. Сидорович;

1935-1936 гг. — С. Лавенецкий;

1936-1937 гг. — Ф. П. Русских;

1937-1938 гг. — Е. А. Глухих;

1938 г. — Виктор Степанович Мусатов.

И, наконец, появилась долгожданная стабильность в руководстве станции в лице ее нового директора Бориса Анатольевича Малиновского, который руководил станцией 16 лет — с 1938-го по 1954 г. Ему было присвоено почетное звание Герой Социалистического Труда.

29 июля 1937 г. Постановлением Совнаркома СССР Тулунская опытная станция была преобразована в Тулунскую государственную селекционную станцию.

До 1937 г. семеноводческая работа в широком плане на станции почти не велась, что отрывало научное учреждение от сельскохозяйственного производства. С этого года было уделено большое внимание семеноводству. Выращивание элиты сосредоточивается на самой станции, а площади семеноводческих посевов начинают быстро расти. Одновременно рос и поселок селекционной станции. Увеличивалась численность населения. В это предвоенное десятилетие прибыли в поселок около 30 семей.

В 1936 г. в Иркутске была издана книга «Перспективные сорта основных сельхозкультур для Предбайкалья». Эта книга — коллективный труд научных сотрудников Тулунской селекционной станции, ее создавали В. С. Маркин, В. А. Михайловский, А. И. Казанцев. Она показывала перспективные сорта станции и предназначалась для популяризации массового использования сортов колхозами.

В результате работы станции в период с 1921-го по 1937 г. были доведены до конкурсного испытания несколько пер-

спективных сортов пшеницы, а также активно проводились другие исследования.

За период с 1937-го по 1940 г. станцией было продолжено изучение разных сортов и лучшие из них в 1938 г. были переданы в государственное испытание. Часть этих сортов в 1942 г. вошла в сорторайонирование по области.

В 1937 г. поступили две автомашины Горьковского автозавода «полуторки». Шоферами на них работали братья Комлевы — Павел и Григорий. Обновились на станции также машины для сортировки и очистки зерна: веялки, сортировки, триера. Для уборки хлебов поступили жаткилобогрейки, а для обмолота снопов — молотилки.

Из воспоминаний селекционера В. П. Костыро о жизни поселка в предвоенные годы: «В 1937 г. я пошел учиться в первый класс. Учила меня П. Е. Епихина. В других классах учителем был Василий Иванович Камаев… он был очень злым и бил линейкой. Уже ближе к зиме школу переводят в старое здание лаборатории, где занимались в две смены. Здесь уже меня во 2-м и 4-м классе учил Василий Ефимович Чернышев или Черешнев — точно не помню. Это был высокий, красивый, молодой человек, очень строгий и в то же время очень добрый.

Позже школу расширили, сделали два класса наверху и два внизу, и занятия стали проводиться в одну смену. А там, где сначала был класс, сделали клуб. Он там и оставался, пока не сгорел. В одной из комнат здания почти до конца 1951 г. находилась метеостанция.

В 3-м классе меня уже учил Василий Дмитриевич Рощихин. Это был добрейший человек. Бывало, мы, ребятишки, его чем-то обижали, а он только улыбался. Впоследствии, уже сам став дедом, я часто встречал его в Тулуне, и мы вспоминали то доброе, старое время. Жизнь на станции кипела ключом. В школе комсомольцы проводили с нами занятия в разных кружках: ПВХО и БГСО (будь готов к химической и санитарной обороне), а со старшими — ГТО и ГСО и, кроме того, учили стрелять и давали значки «Ворошиловский стрелок». Правительство и многие взрослые, в частности и мой отец, чувствовали, что война с немцами будет!

Женщины, мужчины и все комсомольцы активно участвовали в художественной самодеятельности. Ставили пьесы, концерты, танцы, игры. Играли в волейбол, крокет, лапту и качались на круговой качели. Во всех затеях и кружках были заводилами Генрих Янович Калласс, С. П. Захватаев, Иван Васильевич Табачинский, Н. А. Макарова, Ф. М. Мирощина, Ф. П. Захватаев, Ольга Кравченко, Евдокия Алексеевна Краева, два брата Комлевы Павел и Григорий, Иван Колгин, Елена Ефименко, Н. Кучмин, Надя Бородачева, Клара Елпатова, Николай Вайтович, Катя Кирещенок и многие другие. Впоследствии некоторые из них были посажены в тюрьму или погибли на фронте. Помню еще учительниц в других классах: Е. А. Мельник, Е. В. Шептанову, В. Л. Прушинскую, Шевченко В., Анастасию Сергеевну (фамилию забыл) и пионервожатую Максимову Раю. В середине 30-х гг. строится большое кирпичное двухэтажное здание для проведения научных работ и в старое научное здание (будущий клуб) переходит полностью школа».

В эти годы на заимках Ермаковке, Екимовке, около урочища Угуй тогда были еще жилые дома. Там работали и жили рабочие. В это время уже делали посевы на участке Даган, там проживали семьи Медведских, Лемешевых и др., была баня, общежитие, жилые дома, ток. На самой селекции был свой кирпичный заводик, рядом с нефтебазой, где пустырь за последним домом по ул. Мичурина справа. Там же были старые гаражи. До постройки гаражей были жилой дом и барак. Где были фермы, там был с обеих сторон от дороги фруктовый сад, очень богатый. Рядом находились теплицы для научных экспериментов. Где сейчас находятся двухэтажные дома по ул. Мичурина, 25 и 27, тут были огороды. Магазин находился по ул. Мичу-

рина в доме № 37. Затем магазин располагался в маленьком деревянном домике на месте двора новой школы. Старые жилые дома, самые первые (верхняя часть ул. Мичурина) — это где раньше жила Придатко Е. Е., где жил Витя Камышанов, где сейчас живет Луза Львова, где жили Ударцева и Пахорукова. Фермы располагались, где сейчас водонапорная башня. В центре (на месте Термички) стоял большой деревянный чан. В него из ручья по желобу текла вода. Воду развозили в бочках по квартирам за небольшую плату. Небольшая тепличка была за конторой. За бараками не было никаких улиц. Сразу был лес. Ягоды и грибы были прямо рядом. Воду брали под горой, из ручья, что около речки, за домом Егоренковых. Старожилы говорят, что жить было интересно, люди не жаловались, о болезнях не говорили, хотя были женщины в годах. В клубе были концерты, их давали свои «артисты»: Лиза Драгунова, Феня Мирошина, сестры Костыро. Баня была под горой, ниже современной котельной, там, где стояла наша последняя баня. Был медпункт. Напротив конторы был посажен и заложен фруктовый сад.

В 30-е годы XX в. была необходимость увеличения производства семян, поэтому станции дали под г. Черемхово в пос. Малиновка сортоучасток, который просуществовал в составе станции до 50-х гг.

Следующий этап жизни станции и поселка проходил в военные и послевоенные годы.

Светлана Баженова

Тулун – тайны старого города

Культурный уровень Тулуна всегда был довольно высок. Тулун дал стране выдающегося ученого-этнографа Г. С. Виноградова, драматурга Павла Нилина, художника Виктора Хлебникова, академика Академии космонавтики Роальда Кремнёва и многих других известных людей. В Тулуне и по сей день издается множество авторских книг и альбомов, художники и фотографы открывают зрителям свои миры. А ведь и в стародавние времена это был славный город и жизнь здесь была насыщенной.

С одной стороны Тулун пересекает Транссибирская железнодорожная магистраль, с другой — в направлении с юга на север — город делит река Ия. В пределах городской черты река делает два крутых поворота, образуя полукольцо, от которого, по одной из версий, город и получил свое весьма необычное название (от созвучного с «тулун» бурятского слова, обозначающего «мешок»). Есть и более поэтические версии названия: от якутского «толон» — долина и тюркского «тулун» — полная луна до санскритского «туле» — потайное место.

Топонимы также говорят о своей глубокой древности. В бурятском языке нет перевода названий ни Ея, ни Ия, ни Хияй, ни Холба (река Ия в Саянах берет начало именно из слияния рек Хияй и Холба). Это говорит о древности и загадочности рождения имени Ия. В японском языке есть слово «хияй» 大分日間がたっている оно означает фразу : «с тех пор прошло много времени; это было давно», еще одно толкование этого слова — ひあい【悲哀】(хиай) — горе, печаль.

В татарском языке слово «ия» имеет два значения: хозяин, владелец, обладатель и миф, дух. Морфема «ия» присутствует в татарских словах, переводимых как леший, водяной.

Женское имя Ия, по мнению лингвистов, имеет греческие корни и означает «фиалка». Это очень редкое имя, так как в нем нет ни одной согласной буквы, поэтому в характере его обладательницы кроется огромная энергия. Ия постоянно полна эмоций и переживаний, которые не умеет сдерживать. Что ж, очень похоже.

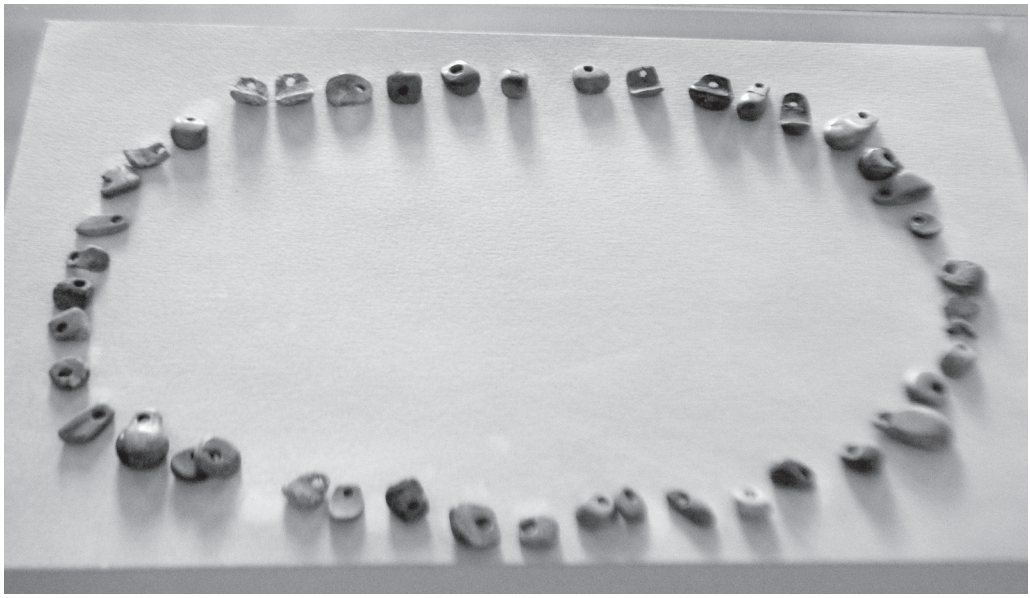
Есть у сочетания «ия» еще одно удивительное свойство: многие географические названия в русском языке заканчиваются на «ия» — Германия, Франция, Япония, Голландия, Швеция, Норвегия… Это означает одно — что имя у нашей реки очень древнее и очень непростое. И к бурятской истории и культуре не имеет никакого отношения.

Левый берег реки Ия изобилует свидетельствами жизни древних племен. В 1989 году была проведена археологическая разведка долины реки Ия и ее притоков от села Икей до села Бурхун, которая выявила 24 памятника, датируемых от палеолита до железного века.

Древние поселения на реке Ия

Тулунская земля таит в своих недрах невероятные тайны. Анализ археологических находок в долине реки Ия говорит о том, что здесь люди жили очень давно, десятки тысяч лет назад.

Имеются данные о находках, собранных в районе села Иннокентьевск в 1923 году основателем Иркутской археологической школы Бернгардом Петри. В 1930–1931 гг. в окрестностях сел Гадалей и Бадар исследования проводил археолог и антрополог Михаил Герасимов. В 1964 году группа учащихся под руководством этнографа и историка Владимира Свинина по руслу реки Ия до села Илир выявила 9 стоянок первобытных людей (эпоха ме-



золита). Одна из таких стоянок, возрастом более 10 тысяч лет, обнаружена на восточном склоне горы Паромная (д. Малый Кокучей). Здесь в вымоине оврага и шурфах найдено большое количество колотого камня со следами ручной обработки, маленький нуклеус-ядрище (Нуклеус (ядрище) — кусок камня (кремния, обсидиана, яшмы или другой породы), с которого скалывались, отжимались отщепы или пластинки для изготовления орудий или вкладышей для них. В мезолите нуклеусы часто имели вид карандаша, на котором грани образовывались негативами от скалывания пластин, в неолите более типичны призматические нуклеусы).

Стоянки неолитической эпохи были обнаружены выше железнодорожного моста в селе Иннокентьевск, также в местности Угуй, вблизи села Афанасьево, на берегу реки Курзанка, в деревнях Пороги и Малый Кокучей. Было найдено большое количество глиняной круглодонной посуды с разнообразными орнаментами, заготовки каменных топоров, скребки, скрёбла для работы по дереву, кости, каменные наконечники стрел, ножевидные пластины, украшения, костяной гарпун.

О переходном времени от каменного к железному веку — эпохе бронзы — имеются только косвенные свидетельства: глиняная посуда с необычным для неолита орнаментом, повторяющая швы бронзового литья.

Памятники железного века открыты в местности Якимовка в четырех километрах от села Иннокентьевск на скальных выходах горы Паромной у деревни Малый Кокучей. У села Бурхун обнаружены стоянки с остатками глиняных сосудов, уже

плоскодонных, остатки железоплавильного производства в виде шлаков, обломки воздухоплавильных трубок, кости домашних животных. В местности Якимовка на одном из скальных выходов траппа обнаружено высеченное изображение идола: на большом камне высотой около четырех метров и шириной около двух метров несколькими сколами намечены брови, нос, рот и вышлифована борода. Другой, не менее интересный памятник обнаружен у деревни Малый Кокучей: схематическое изображение шамана и надпись на древне-тюркском языке.

В долине реки Ия и ее притоков насчитывается более 90 памятников древности. Кроме предметов охоты и быта были найдены кости животных доледникового периода: шерстистого носорога, сибирского быка, бивни мамонта.

Материалы палеолитического облика (чопперы, скрёбла, сколы) были собраны на левом берегу реки Икей между деревнями Харантей и Владимировка.

Каменные изделия мезолитического облика были собраны на стоянках у Иннокентьевска, железнодорожного моста в Тулуне, ниже села Нижний Манут в местности Смолокурня.

При шурфовочных работах и сборе подъемного материала на стоянках у бывшей деревни Пороги, у сел Икей, Гадалей, Иннокентьевск обнаружены археологические находки: сетчатая и шнуровая керамика, украшенная орнаментом, наконечники стрел, скребки, проколки, относящиеся к периоду неолита.

Археологические находки у сёл Пороги, Икей, Евдокимово, Тракто-Курзан (обломки глиняной посуды, каменные ножи, скребки) датируются эпохой бронзы, раннежелезным веком.

В полевой сезон 1990 года на участке Кокучейские пороги – Илир были обнаружены 39 стоянок и один могильник. Могильник был впервые обнаружен в долине реки Ия. Он содержал богатый погребальный инвентарь: костяные подвески, бусы, наконечники стрел, игольники, тесла. Примерный возраст — четыре тысячи лет.

История Тулуна началась с завоевания

История Тулуна, как свидетельствуют записи местных историков, началась с завоевания. В район реки Ии, где исконно жили буряты-скотоводы, русские пришли примерно в 1652 г. из Нижнеудинского острога, чтобы наказать непокорных бурят, отказавшихся платить ясак. «В 1649 году буряты возмутились и перебили ка-

заков «Покровского городка», посланных к ним для ясачного сбора. После этого «в великом числе» собрались они у реки Ия в улусе Тулам с намерением оказать русским сопротивление силою. В 1652 году красноярский воевода Андрей Бунаков снарядил против бурят поход под начальством Кирилла Бунакова. Поход закончился для русских весьма удачно».

Первые упоминания о Тулуне относятся к 1735 году. Известный путешественник и исследователь Иоанн Георг, путешествуя по Сибири, оставил упоминание в своих путевых записках о данном населенном пункте: «3 марта 1735 года еще до обеда, в 8 часов утра, мы прибыли из Удинска в деревню Тулун, после того, как проехали по редкому большой частью сосновому лесу. Эта деревня лежит на реке Ия, в ней 10 домов и управляется она из Илимска».

Шерстобоев В. Н. в «Илимской пашне» вот что писал о Тулуне: «Деревня Тулуновская входила в состав Илимского уезда в 1730–1743 годах, но без оформления этого каким-либо указом. Как незаметно она попала в ведение Илимска, так же незаметно она перешла в ведение Иркутска, с которым ее связывала большая проезжая дорога. Илимск, отстоявший от Тулуновской деревни за 400 верст, назначал туда приказчиков только потому, что первые жители этой деревни являлись выходцами из илимских волостей».

Чернозем, близость тайги, река, богатая рыбой, — все это привлекало русских. Крестьяне, поселившиеся здесь, серьезно расширили запашки, осваивая земельные угодья вокруг деревни, стали строить заимки и вели гоньбу по государственной дороге Красноярск – Иркутск. С 30-х гг. XVIII в. по Сибири создается регулярное почтовое движение. Ямщиков нанимают, и они получают не только деньги, но и пашни, и сенокосы в бесплатное пользование — из феодальной повинности возникает промысел. Почту от Томска через Красноярск до Иркутска учреждал Витус Беринг. В 1762 г. через Тулун проходит Московский тракт. Власти, заботясь об освоении и устроении путей, принудительно заселяли тракт от Красноярска до Тулуна. Для этого крестьян и разночинцев Красноярского и Енисейского уездов, освободив их от уплаты подушной подати и оброка, записывали в ямщики. Благодаря тракту село стало быстро застраиваться и разрастаться. Через реку Ию была устроена паромная переправа. Паром работал круглосуточно — по тракту двигались обозы с товаром, шли солдаты, гнали арестантов, ехали почтовые и пассажирские кареты.

Тулун – это город

Краеведы пишут о старом Тулуне с гордостью: «Тулун — город необыкновенной душевности, его улицы в тополиной метели, деревянные и каменные особняки, узорочье старинных зданий, дома, построенные по радостной купеческой прихоти, а главное — его старожилы, люди, сложившие этот город не только по камешку да по бревнышку, а по его душевной конструкции, по его внутренней нравственной сущности».

Указ Екатерины Второй от 19 октября 1764 г., разделивший Сибирское царство на две губернии, определял: «Конец гу-

бернии Тобольской и начало Иркутской в Тулуне, откуда пойдут к губернскому городу приятные и населенные места, украшающиеся березовыми рощами».

В энциклопедии Брокгауза и Эфрона сказано, что в «селе Тулун до 7 тысяч жителей, более 70 торговых заведений, с оборотом свыше трех миллионов рублей в год» и что «в экономическом отношении Тулун далеко опередил город Нижнеудинск и сделался видным торговым центром, из которого отправляются многие товары, минуя Иркутск, к Ангаре и к пристаням на реке Лене, для потребностей Якутского края. Этим же путем отправляются многочисленные партии рабочих на Ленские золотые промыслы...»

Приезжим и проезжающим надо было где-то остановиться, отдохнуть, поесть. Для этих целей в Тулуне существовали постоялые дворы, их насчитывалось до двадцати. Самыми известными были дворы Распопина Федора и Татарникова Георгия.

Постепенно в селе началась активно развиваться торговля. Тулунские предприниматели того времени нередко заводили торгово-промышленные предприятия и даже выходили в купечество. В отдельных случаях купцы становились крупными капиталистами. Среди самых известных и богатых купцов можно назвать владельцев угольных, мукомольных и др. предприятий П. К. Щелкунова и Я. И. Метелёва.

Отец П. К. Щелкунова начал мелкую торговлю с 1853 года в Тулуне. В 1873 году он вступил в компанию с мелким торговцем, тоже бывшим крестьянином, Я. И. Метелёвым и организовал фирму «Торговый дом Щелкунов и Метелёв» После смерти отца П. К. Щелкунов выделил в 1899 году свой капитал и повел дело самостоятельно, организовав торговое предприятие «П. К. Щелкунов и К» Во время пожара 1922 года сгорели торговый дом и мельница Щелкунова. Кирпичное здание торгового дома и дом Метелёва сохранился до сегодняшних дней: это здание ТЦ «Вавилон» и жилой дом по ул. Советской, 21.

Кроме крупных купцов П. К. Щелкунова, Я. И. Метелёва были более мелкие купцы, такие как Парушинский, Кузнецов, Сычевский, Ржанский (двое последних имели кулинарные магазины), Бояркины, Чудины, Пархоменко, Мурашов, Ямпольский и др.

Наличие большого количества сво-

бодной рабочей силы во времена столыпинской аграрной реформы давало возможность тулунским купцам и предпринимателям пополнять свои предприятия дешевой рабочей силой, это способствовало быстрому развитию сельского хозяйства, ремесленного и кустарного производства, развитию торговли.

Ямщик С. Ф. Виноградов (отец будущего академика Г. С. Виноградова) вспоминал: «Когда я зашел в первый раз на Большую улицу, смотрю и диву даюсь — Тулун называют селом, а кто его знает, может быть, это город? Что ни шаг, то — магазин. Торговые компании: «Швец–Коганович–Ямпольского», «Кузнецова–Бузолина», «Щелкунова–Метелева» и другие. Здания в два этажа. Первые — деревянные, другие два — каменные. В больших окнах — витрины с всевозможным товаром, фруктовая лавка». Семен Федорович не поверил, зашел. В натуре — свежий виноград, лимоны, яблоки. «Не выдержал, спросил: — Торгуете только летом? — Отчего же? — удивился хозяин. — В любое время года можете у нас купить свежие фрукты. Заходите, пожалуйста.

В магазине «Щелкунова–Метелева» люди расходятся по отделам: в гастрономический, бакалейный, кондитерский или в мясной. Потом меня волной покупателей занесло по железной крутой лестнице в галерею, которая опоясывала весь второй этаж. Тут что ни отдел, то — разные товары: пальто, платья, костюмы, мануфактура, ковры, мебель, обувь, золотые вещи...»

В начале декабря 1897 г. тулунчане встречали первый поезд по Транссибу. Село Тулун становится железнодорожным пунктом и превращается в оживленный центр торговли. В село приезжали крестьяне не только из ближайших деревень, но и из отдаленных районов и разных волостей Иркутской губернии за промышленными товарами. Даже Американская международная компания жатвенных машин открыла в Тулуне свой пункт продажи.

С Транссибом в Тулуне появился пролетариат. Остались строители станции Тулун: плотники, столяры, кузнецы и те, кто мог служить на железной дороге. В 1903 г. открываются Тулунские (Велистовские) угольные копи — первое промышленное предприятие старого Тулуна. В 1908 г. копи обслуживало 90 человек. В 1904 г. строится водочный завод (Тулунский винный склад), где тоже был небольшой рабочий коллектив. Кроме того, работал лесопиль-

ный завод, были развиты кустарные промыслы: кузнечный, гончарный, гужевой, мыловаренный и другие.

С началом столыпинской реформы на станции Тулун открывается переселенческий участок. Больничный комплекс этого участка обслуживает население до сих пор. Отсюда, получив назначение, разъезжались переселенцы по тулунской земле, дав жизнь многим деревням и селам. Приток дешевой рабочей силы способствовал быстрому развитию не только сельского хозяйства, но и ремесленного, кустарного производства, торговли.

Тулун был выше по своему культурному уровню, чем другие волостные центры и села Нижнеудинского уезда. В Тулуне в начале XX в. работали мужское училище с пятью годами обучения, женское (ныне — здание музея) и железнодорожное училища. Купцы открывали свои частные школы или становились попечителями школ. Так была открыта частная школа купца Метелёва (ул. Степана Разина, 5 (ныне — музыкальная школа)). По улице Успенской (ныне Красного Октября, 7) открыл частную школу предприниматель Мамаев.

Стараниями тулунских интеллектуалов устраивались воскресные школы для взрослых, проводились беседы по гигиене и санитарии.

В 1913 г. при содействии уроженца Тулуна Георгия Семеновича Виноградова (впоследствии академика — известного этнографа и фольклориста) здесь было открыто отделение Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. В его состав кроме Виноградова вошли: Зисман А. И., А. М. Кубасов, врач И. М. Бутырин, селекционер В. Е. Писарев, учитель Попов, крупный предприниматель Миней Ямпольский и др. Всего 270 человек. Общество существовало на членские взносы и пожертвования. Исключительно путем пожертвования была создана богатая библиотека, в ней насчитывалось 900 книг, а к концу 1914 года уже 1 209. Читальню в 1913 году посещало 289 человек, в 1914 году — 1 294 человека. Был создан музей. Членами этого обществ проводились народные чтения, лекции, доклады. Особо ценились лекции агронома В. Е. Писарева — основателя Тулунской селекционной станции.

Вся общественная жизнь велась в здании купеческого собрания (ныне Дом детского творчества). Строили это здание тулунские купцы как место деловых встреч и увеселения, здесь ставились спектакли и концерты.

Обществом был учрежден и открыт музей, имевший тогда отделы: сельскохозяйственный, этнографии, истории, геологии, палеонтологии, минералогии, флоры и фауны. Появились маленькие отели.

Стремительное развитие Тулуна и превращение его в крупный торгово-промышленный центр Приангарья заставили губернские власти обратиться к правительству с ходатайством о преобразовании села в город. Однако революция и Гражданская война задержали процесс принятия решения.

Известие о февральской революции

и отречении от престола Российского императора Николая II, полученное в Тулуне 4–5 марта, вызвало многолюдные митинги и демонстрации. Советская власть в селе была установлена в январе 1918 г., но просуществовала сравнительно недолго и была ликвидирована в июле того же года в результате мятежа Чехословацкого экспедиционного корпуса.

В период колчаковщины в районе Тулуна развернулось широкое партизанское движение, возглавленное Николаем Ананьевичем Бурловым. Его партизанская дивизия долгое время стоявшая в с. Гуран, находившемся в 25 километрах от Тулуна, контролировала огромный район от села Икей до реки Бирюсы. В селе Гуран был создан кавалерийский эскадрон, впоследствии реорганизованный в 1-й Советский Тулунский кавалерийский добровольческий полк...

Советская власть в Тулуне была восстановлена в начале 1920 г. с приходом 5-й Красной Армии. Вся старая размеренная жизнь рухнула в одночасье: закрылись частные школы, прокатилась волна репрессий, было взорвано чудесное здание трехэтажного кирпичного магазина Щелкунова и Метелёва с ротондой на крыше по ул. Большой. Попытка взорвать храм Покрова Божьей Матери закончилась неудачей: разрушились лишь купола и часть крыши. Тулунчане тайком разобрали имущество церкви, чтобы сохранить и не дать поруганию старинные иконы с драгоценными окладами.

Новая власть в Тулуне открыла свою школу, рабочие клубы, красные уголки. Стали работать самодеятельные организации, были построены баня, амбулатория, консультация, кинотеатр, гостиница, военкомат, железнодорожный клуб. В лишившемся куполов храме открыли МТС. Началась другая веха истории Тулуна.

С 1899 г. Тулунская волость входила в состав Нижнеудинского уезда Иркутской губернии. Постановлением ВЦИК от 27 июля 1922 г. центр уезда был пере-

несен из г. Нижнеудинска в село Тулун. Только в 1922 г. были получены документы о присвоении Тулуну статуса города. Но уже в 1924 г. новая власть лишила его городского статуса и вновь стала считать селом. Дело в том, что большевиков всегда раздражал богатый и вольный Тулун, он не являлся для них опорой, тем более что в период НЭПа здесь активизировались «буржуазные» элементы. Сохранение за Тулуном статуса города могло существенно изменить очень хрупкий в те годы баланс политических сил в регионе.

30-е годы принесли новую волну репрессий, которые совершенно изменили лицо города, его уклад и культурный уро-

Юрий Баландин

Исчезнувшие деревни Земли Тулунской

Расстроить деревню, значит,
Расстроить всю Россию.

Глеб Успенский

Русская деревня! Неостывающая боль, незаживающая рана русского народа. Пережившая голод и массовые репрессии, раскрестьяненная и расказаченная, опустошенная войнами, замордованная «директивами» бюрократов, отлученная от земли и под конец объявленная в большинстве своем «неперспективной», — многострадальная русская деревня нуждается сегодня в нашей помощи и защите.

Ушедшие и уходящие в небытие русские деревни. Сколько их? Какие названия они носили? Кто в них жил? Тихо и незаметно уходят они из нашей памяти. Только за минувшие пятьдесят лет исчезли с лица земли Тулунской более ста деревень. Я ниже постараюсь раскрыть только некоторые причины их исчезновения.

Иногда так складывается жизнь, что помочь деревне нельзя и спасти ее некому. И все же боль потери сильна. Ведь с каждой исчезнувшей деревней теряется часть духовности, культуры, милосердия, нравственности народа, изменяется исторический образ Родины! Как прав Глеб Успенский, сказав: «Расстроить деревню, значит, расстроить всю Россию». Человека хоронят — даты рождения и смерти ставят, фамилию пишут. А деревни стояли века! Их защищали, за них дрались, в них жили, любили, рожали детей. А уходят они при полном молчании. Словно провинились перед нами. Мы не должны похоронить вместе с ними и свою память. Не забыть нам село Добрик, где родился и вырос Протасюк Василий Васильевич — Герой Советского Союза. Село Бурмай Усть-Кульского сельского Совета, где от бандитской пули погиб участник гражданской войны, командир партизанского отряда Ян Карлович Шляппо. Разве можно забыть родину Почетного гражданина Тулунского района, бывшего председателя райисполкома Мищенко Дмитрия Полеоновича — село, в котором он родился и вырос, Кольцовую Степь? Сейчас только приходится сожалеть о том, что стерто с лица земли это село. Какие добрые здесь жили люди, настоящие хлеборобы, пахари, приветливые и хлебосольные. Деревня Калярты, о которой можно сказать словами всем известной песни: «Деревня моя, деревянная, дальняя… стояла в веснушках черемухи над рекой…» Старые Ключи, где когда-то бродил всю ночь одинокий гармонист и девушкам спать не давал. И еще много других исчезнувших и исчезающих деревень.

Сегодня в районе 85 населенных пунктов. Наиболее крупные из них — это Алгатуй, в котором проживает 1 447 человек, село Шерагул — 1 413 человек, Будагово — 1 345 человек, Икей — 1 278 человек, Котик — 1 221 человек. Исчезающие деревни: Натка — 1 человек, Ингут — 1 человек, Козухом — 2 человека, Малый Утайчик — 4 человека, Верхний Манут — 4 человека. Можно назвать еще ряд уходящих в небытие деревень, но это уже потом.

Председатель Совета Министров царского правительства 1906 года Петр Аркадьевич Столыпин говорил: «Главное богатство и мощь государства не в казне и в казенном имуществе, а в богатеющем и крепком населении». Чтобы лучше понять, когда и в какие времена появлялись деревни на земле Тулунской, давайте совершим экскурс в историю нашего края. Тысячи тулунчан, проживающих сегодня на земле тулунской, — это прямые потомки тех, кто в начале века переселился сюда из центральных губерний России, Белоруссии и Украины. Свыше пятнадцати тысяч

человек обрели в то время вторую родину в нашем районе, поселившись в более чем 130 населенных пунктах. К сожалению, многие из них навсегда исчезли с лица земли, и только некоторым удалось выжить и выстоять под жестокими ударами судьбы, став крупными селами нашего района.

Переселенцы

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа…
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза…

Сергей Есенин

В начале нашего века бесперспективность общинного землепользования все более и более становится очевидной не только государственным деятелям, но и определенной части крестьян. В западных губерниях уже в 60-е годы XIX столетия стали все шире распространяться не только надельное землепользование, но и расселение крестьян на хутора. Этот процесс медленно, но неуклонно продвигался на восток, к нам, в Сибирь. До появления Транссибирской железнодорожной магистрали Московский тракт (кандальный путь) был единственным средством транспортных и почтовых сообщений. Царское правительство и сибирская губернская канцелярия заботились об освоении и устроении путей, стремились заселить тракт от Красноярска до Тулунской слободы.

В 1762 году Сенатом было повелено «заселить пространство от Геусского острога (Колывань) до Иркутского рубежа, до села Тулун, ямщиками, переводя таковых из-под Верхотурья». Иркутская канцелярия предлагала разные проекты освоения этого дикого и малонаселенного участка за счет переселения крестьян с низовьев Енисея и Ангары.

Сенат, учитывая малочисленность сибирского населения, приказал направить сюда «ссылаемых за придерзости от помещиков».

Именным указом от 17 октября 1799 года Сенату было повелено заселить между Байкалом и Ангарою, Нерчинском и Кяхтою десять тысяч душ. Что касается Московского тракта на участке от Тобольска к Иркутску, то здесь предлагалось «Водворить переселенцев… особенно в Нижнеудинском округе».

По докладу министра внутренних дел 29 июня 1808 года было учреждено новое положение для поселения в Сибири. В Иркутской губернии для этого отводились места в Нижнеудинском уезде. «В последнем, кроме бывших 769 душ, назначено поселить еще 1 000 душ…»

Таким образом, на примере этого района, представляющего лишь частичку Восточной Сибири, мы видим, как в XVII–XVIII веках обширная территория на востоке России заселялась русскими крестьянами. Это способствовало тому, что большая часть Сибири сделалась русской по своему населению, особенно черноземные районы.

Открытие движения по Транссибирской железной дороге внесло существенные коррективы в переселенческое дело. Передвижение ускорилось, упростилось, стало значительно дешевле. Проезд по железной дороге стоил переселенцу всего четвертую часть обычного тарифа, дети до десятилетнего возраста провозились бесплатно. По таким же расценкам ехали ходоки туда и обратно. Переселенцы перевозились в теплушках, т. е. в специально оборудованных товарных вагонах. Впрочем, оборудование это состояло только из нар и железной печки. Было тесно, в вагон набивалось до тридцати, сорока человек, душно, грязно. Был риск заболеть и вообще не выдержать дороги, что и случалось, особенно с детьми. Многие умирали, так и не доехав до места.

Вокруг этих перевозок и, в частности, вагонов-теплушек и по настоящее время очень много разговоров в осуждение Столыпина за бесчеловечные условия передвижения переселенцев. Вагоны даже получили название — «столыпинские».

В 1906 году на станции Тулун открыва-

ется переселенческий участок, это целый комплекс зданий (некоторые сохранились до сих пор), где размещались канцелярия и гостиница, школа и больничный комплекс, который до сих пор обслуживает население. Именно отсюда, получив назначение, разъезжались переселенцы по земле тулунской, давшие жизнь многим деревням и селам Тулунского района.

Улица, на которой находился переселенческий участок, получила свое исторически оправданное название – Переселенческая. В 1963 году 20 ноября решением исполкома Тулунского городского Совета эта улица переименована в улицу имени Станкевича, хотя Станкевич к этой улице никакого отношения не имеет. Родился Всеволод Францевич и жил по переулку Кооперативный, ныне это улица Шмелькова.

Имеется замечательный документ, который свидетельствует о заселении берегов реки Кирей, впадающей в реку Ию. Документ этот называется «Список населенных мест Сибирского края», издан Сибирским краевым исполкомом в городе Новосибирске в 1929 году. В документе сказано: «Заселение берегов реки Кирей практически началось с 1907 года с основания поселения Обжингай русскими переселенцами. Бурятских поселений по реке Кирей не было. Менее чем за двадцать лет на необжитых ранее берегах стало проживать более тысячи человек, при этом основное заселение произошло за 7 лет до 1914 года. Только заселение Алганая, Катюрт, Медвежьего хутора, Няньки и Сохатки произошло после революции. Население занималось охотой, рыболовством, земледелием и скотоводством. Ремесла в основном обеспечивали собственные нужды, товарного производства не было. С 1928 года начались лесозаготовки со сплавом леса по рекам Кирей и Ия до города Тулуна».

Вот список населенных пунктов, которые обосновали переселенцы по берегам реки Кирей:

1. Крутой ключ — 1910 год. 2. Алганай — 1926 год. 3. Ангаул — 1914 год. 4. Баракшин — 1910. 5. Гарь — 1918 год. 6. Беренгин — 1910 год. 7. Гурты — 1911 год. 8. Жидоты — 1912 год. 9. Здравоозерный — 1911. 10. Илдык — 1912 год. 11. Ильмега — 1912 год. 12. Калярды — 1910 год. 13. Катюрты — 1920 год. 14. Кирейская заимка — 1910 год. 15. Кирей — 1909 год. 16. Медвежий хутор — 1910 год. 17. Между Углой — 1926 год. 18. Нянька — 1918 год. 19. Обжингай — 1907 год. 20. Петрашевский — 1912 год. 21. Сохатка — 1923 год. 22. Увалы — 1911 год. 23. Углой — 1911 год. 24. Усть-Кирей — 1908 год.

Всего, по данным переписи, проживало в 223 дворах 1 071 человек. В этих населенных пунктах преобладали жители, приехавшие с Украины.

В материалах данной переписи не упоминаются поселения: Казаки, Карплюки, Филипчуки, Бабичев хутор, Маскаленкин хутор, Донченкин хутор, Проценкин хутор, поселок Тагна, Васильевская заимка, Кривуша, Горошкина Гора, Скиба (Шерахун). Вероятнее всего, заселение их шло в более позднее время, возможно, раскулаченными либо не желающими вступать в колхозы.

В настоящее время практически не используются названия бывших поселений: Гарь, село Кирей, Медвежий хутор, Питрашевский хутор.

Количество населенных пунктов в Тулунском районе составляло:

1911 г. — 126.

1929 г. — 441.

1966 г. — 127.

1991 г. — 88.

2006 г. — 85.

Надо отметить, что в 1924–1930 гг. Тулунский район был самым большим по числу населения Иркутской губернии после Иркутского уезда. Об этом же говорит писатель Борис Черных в своем произведении «Старые колодцы». В этом же сборнике сказано, что в Тулунском районе имеется 441 населенный пункт. Населенные пункты делились следующим образом:

1. Село — 16
2. Деревни — 11

3. Поселок — 108
4. Выселки — 9
5. Улусы — 2
6. Заимки — 159
7. Хутора — 59
8. Мельницы — 15
9. Ж/д будки — 22
10. Ж/д полуказармы — 13.

Население составляло 56 249 человек. Вот некоторые данные о численности населения по населенным пунктам:

Села: Гадалей — 957 чел., Мураши — 1 130 чел., Гуран — 1 387 чел., Заусаево — 743 чел., Икей — 1 305 чел., Мугун — 1 504 чел., Никитаево — 695 чел., Одон — 446 чел., Перфилово — 1 134 чел., Трактово-Курзан — 740 чел., Умыган — 1 120 чел., Шерагул — 1 573 чел., Нижний Бурбук — 557 чел.

Деревни: Евдокимово — 364 чел., Ермаки — 319 чел., Нижний Манут — 566 чел., Афанасьево — 259 чел., Бадар — 821 чел., Верхний Манут — 182 чел.

Поселки, наиболее крупные: Евгеньевка — 422 чел., Натка — 291 чел., Едогон — 1 225 чел., Утай — 143 чел., Изегол — 665 чел., Караульный — 163 чел., Нурты — 192 чел.

В улусах Кукшин и Шанай проживали буряты, в Кукшине — 78 человек, в Шанае — 148 человек. Надо иметь в виду, что в это время в Тулунский район входили все населенные пункты Тангуйского сельского Совета.

В тяжелейшие военные годы почти все мужское население было мобилизовано на фронт. На хуторах и заимках остались старики, женщины и дети, которым не под силу было вести хозяйство, а получив похоронку с фронта, семья перебиралась на новое место жительства в более крупные населенные пункты, поближе к родственникам. Так самые большие по своей численности населенные пункты, хутора и заимки, а их насчитывалось 218, исчезли навсегда.

Как было сказано выше, в районе были населенные пункты — выселки — 9, это:

1926 год — Новое жилище — 14 человек.

1921 год — Радионовский — 78 человек.

Зимник, Владимирского с/Совета, в котором проживало 14 человек.

1926 год — Александровский — 126 человек, Мугунского с/Совета.

1926 год — Ярошева Полянка — 60 человек, Мугунского с/Совета.

1925 год — Вершина — 18 человек, Нюринский с/Совет.

Со временем исчезли и эти населенные пункты, кроме Мугунской Александровки.

Коллективизация

Мы в колхоз давно вступили
И по-новому живём,
Не серпом мы, как бывало,
А машиною мы жнём.

Н. И. Рождественская

Формально в Сибири почти вся земля принадлежала государству, но фактически в XVII, XVIII и даже еще в XIX веках крестьянское землепользование не было очерчено никакими определенными границами. Крестьяне жили среди казенных земель и пользовались ими по мере своих сил. Немного видоизменились формы фактического владения по мере сгущения населения. Сначала — захватная норма. А. А. Кауфман называл ее «замочной» — сколько занял, где вбил колья, отметив границы участка, все твое.

Крестьянин мог занять и 10, и 20, и 100, и 500 десятин, если, конечно, мог их использовать. И ничто не мешало другому крестьянину захватить столько же, кроме недостатка сил в семье.

На смену захватной форме владения пришла вольная. Каждый имел право только на ту землю, в которую он вкладывал свой труд, и лишь до тех пор, пока он на ней трудился. Бросил землю, ее мог захватить другой.

И, наконец, когда крестьян станови-

лось достаточно много, а плодородных земель мало, тогда переходили к общинному владению землей. Но особенностью сибирской общины было то, что чаще всего под общинный передел попадали сенокосы, но почти никогда не было переделов пашни.

Земля передавалась от отца к сыну, называлась по имени деда или прадеда, говорили: Кузьминская пашня, Никольская заимка и т. д. Сибирский крестьянин чувствовал себя хозяином своей земли, а за это любил ее. В непрестанной борьбе с сибирской природой крестьянин сроднился с ней, и сформировался совершенно новый тип земледельца, непохожий на российского крестьянина. Это был свободный и свободолюбивый, уверенный в своих силах и в своем будущем человек.

Потомков тех, кто заводил первые сибирские пашни, называли крестьянами–старожилами. Это почти 50% всего крестьянского сибирского населения. Остальные были инородцы, казаки и огромное количество столыпинских переселенцев, так и не успевших окончательно стать на ноги до революции. В книге «Земельный вопрос в Сибири» (1919 г.) есть небольшой раздел, посвященный крестьянам–старожилам, где сказано: «Этот самый крестьянин далеко не тот «середняк», который объединяется этим наименованием в России. Он заметно зажиточнее российского и по хозяйственной устойчивости и благосостоянию ближе, пожалуй, к российскому деревенскому кулачеству, чем к «середняку». Автор статьи о старожилах В. Сокольников, давая им характеристику, замечал, что все они склонны рассматривать свои земельные владения как трудовую собственность. Здесь уместно будет вспомнить, что земледелец раньше назывался землевозделывателем, а земледелие не просто промыслом, «но наукой и искусством обработки земли» одновременно.

Но вернемся к переселенцам. Какой удел их ждал здесь, в Сибири, рядом с крестьянином–старожилом? Кто был покрепче, посильнее, быстро заводил свое хозяйство, становился на ноги, а многим это не удавалось и приходилось им идти в батраки к зажиточным местным крестьянам. Так за счет переселенцев пополнялся рынок рабочей силы. Тогда многие бедные крестьяне–переселенцы батрачили в кулацких хозяйствах.

Самой трудной и сложной задачей социалистической революции являлось социалистическое преобразование крестьянских хозяйств путем их добровольного объединения в крупные коллективные хозяйства. Пришло время, когда деревня должна была встать на путь широкого осуществления ленинского кооперативного плана. 15-й съезд партии большевиков провозгласил курс партии на коллективизацию сельского хозяйства.

— Наберитесь терпения, послушайте об истории деревни, вам необходимо это знать. Во второй половине прошлого века (имеется в виду XIX век) царь высылал из России мужиков на устье реки Оки (при впадении Оки в Ангару). А земли там годной под пашню было совсем мало. И ссыльные стали покидать Усть–Окинскую заимку. И это длилось до тысяча девятьсот четырнадцатого года, — дед Андрей приподнял руку, — заметьте, молодой человек! До четырнадцатого! Началась война с Германией. Мужиков взяли в армию. Пахали, сеяли хлеб бабы да старики. В семнадцатом свергли царя с престола. Мать бы его в душу! В России гражданская война. Две власти при одном Отечестве. Неразбериха! Одни в армии белых, другие в армии красных. Раненые приходили домой — одни «белые», другие «красные». Но у тех и у других было одно в голове — пахать! Взяться за плуг и пахать землю.

«Образование колхозов для многих крестьян было совершенно новым явлением, непонятным и необъяснимым. Поэтому среди крестьянства ходили самые невероятные слухи и легенды», — пишет И. З. Черемных в своей книге «Лихолетье».

После 15-го съезда ВКП(б) с еще большим размахом развернулась подго-

товка условий, необходимых для перехода к массовой коллективизации крестьянских хозяйств. Государство усилило снабжение деревни сельскохозяйственными машинами и тракторами (в те годы тракторы главным образом ввозились из-за границы, немного производилось и внутри страны). Для успешного использования трактора нужны сплошные земельные массивы, несовместимые с чересполосицей. Это указывало крестьянам на необходимость объединения их хозяйств.

Коллективизация стала четвертой большой крестьянской реформой в нашей стране. Началась она в 1928–1929 гг.

1929 год — год «великого перелома». Чрезвычайные меры вызвали весной 1929 года крестьянские выступления вплоть до вооруженных. Именовались они не иначе как «кулацкие мятежи». Мощный кулацкий мятеж, или, как его тогда называли, кулацкое восстание, было в Тулунском районе в селе Кордой. Об этом мятеже хорошо написал иркутский писатель Виктор Владимирович Киселев в своей книге «Кордойская быль» (Москва, «Молодая гвардия», 1975 г.) и в сборнике рассказов и очерков о милиции «Покой нам только снится».

Летом 1929 года И. В. Сталин провозгласил лозунг «сплошной коллективизации», видя в этом единственную форму кооперации в сельском хозяйстве, считая, что этим процессом можно управлять по своей воле, определяя сроки с точностью до месяца. Колхозы существовали в трех формах: коммуны, артели, ТОЗы (товарищества по совместной обработке земли).

7 ноября 1929 года в газете «Правда» публикуется статья И. В. Сталина под названием «Год великого перелома». В ней говорилось, что крестьяне пошли в колхозы, «пошли целыми деревнями, волостями и районами». Не удивительно, что при таком принципе «добровольности» колхозы появлялись в большом количестве. За отказ вступать в колхоз человека лишали избирательного права и раскулачивали, т. е. конфисковали имущество и лишали свободы. В том же году Сталин провозглашает лозунг ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. С этого года запрещалось принимать в колхозы кулацкие семьи. Основной формой колхозного строительства признавалась сельскохозяйственная артель как наиболее отвечавшая интересам подавляющего числа крестьянства.

Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года явилось важной вехой в осуществлении ленинского кооперативного плана. Оно зафиксировало коренной поворот в сторону колхозов основных масс трудящегося крестьянства важнейших сельскохозяйственных районов; определило в качестве основной формы колхозного движения сельскохозяйственную артель и закрепило переход к новой политике в отношении кулачества — к политике его ликвидации как класса на базе сплошной коллективизации.

Кулачество проявило себя ярым врагом Советской власти, встав на путь организованной борьбы против социалистических мероприятий Советского государства. Особенно активно стало выступать кулачество накануне и в период массового колхозного движения. По далеко не полным данным, в 1928 году было зарегистрировано 1 440 террористических актов кулачества. Оно всячески противодействовало строительству социализма, пытаясь сорвать проведение коллективизации сельского хозяйства. Кулачество возлагало большие надежды на внешнюю интервенцию, было связано с зарубежными контрреволюционными центрами и иностранными разведками. Все это говорило о напряженности политической обстановки в деревне. Сопротивление кулачества настолько возросло, что социалистическое строительство вообще, а в деревне особенно, было поставлено под угрозу. Не разгромив классового врага — кулачество, нельзя было успешно строить социализм.

Из сохранившихся старых газет и документов нам известно, какие колхозы были образованы в Тулунском районе.

Только сразу надо оговориться. Что очень часто на первом этапе коллективизации было так, что в одной деревне образовывались сразу по два, а то и по три колхоза и каждый имел свое название. Потом эти колхозы объединялись, получая совершенно новое название. Итак, в 1934 году в Тулунском районе были колхозы:

Афанасьево: «им. Зарубина», «2-я пятилетка», «им. 6-го Пленума».

Бада: «Дружный пахарь», «им. Буденного», «им. Ворошилова», «Путь бедняка».

Большая Мальта: «Красное поле», «Красный охотник».

Бурхун: «Тревога», «Красная звездочка», «Боевой Октябрь», «им. Горького», «Путь партизан».

Гуран: «Верный путь», «Путь партизан», «им. Кагановича», «Новая жизнь», «им. «Первого мая», «Вперед».

Владимировка: «Путь Ленина», «Новая жизнь», «Золотой колос», «Шины-Худия».

Карбокарай: «Красная нива».

Евгеньевка: «13 октябрей», «им. Молотова».

Аверьяновка: «Воля», а затем «им. Пушкина».

Едогон: «Путь к коммунизму».

Заусаево: «Смычка», «13 октябрей».

Изегол: «Путь Буденного», «Большевик», «Верный стрелок», «Красная нива», «им. Ворошилова», «им. Калинина».

Икей: «Красный труженик», «им. Калинина», «им. Разумова».

Красносельск: «им. Молотова», «Красный маяк».

Усть–Кульск: «Красный Бурмай», «Темный таежник».

Кардой: «Искра», «Заря».

Кадуй: «Новая жизнь».

Ключи–Барма: «Свобода».

Мугун: «Парижская коммуна», «Труд и воля», «Новая жизнь», «им. Красной Армии».

Никитаево: «Обновленный путь», «Батрак», «Заря».

Нижний Бурбук: «Красный Сибиряк», «им. Сталина», «им. Ворошилова», «Красное знамя», «Красный борец».

Одон: «Красный орел», «Красный пахарь», «Красная полоса», «им. 2-ой пятилетки», «Красный сигнал», «им. Первого мая», «Власть Советов».

Трактокурзан: «Воля», «Рассвет», «Кирпичики».

Умыган: «Верный путь», «Красный колос», «Западный уют», «Красный восток».

Кирей: «Рыбак».

Бадар: «Искра».

Всего на 1934 год в Тулунском районе было образованно 90 колхозов, одни названия исчезали, другие появлялись.

В феврале 1940 года на 15-ой районной партийной конференции был подведен итог коллективизации в районе. Создан 81 колхоз, объединено в них 5 172 двора, или 99,5 процента крестьянских хозяйств. Создано 4 МТС, в которых насчитывалось 209 тракторов, имелся 81 зерновой комбайн, 52 тракторных молотилки, 95 тракторных сеялок, 5 сеновязалок и 36 конных жаток.

Одновременно с образованием колхозов с 1928 года началось широкое строительство совхозов, которые являлись не только фабриками зерна, но и школой организации крупного механизированного производства. В совхозы приезжали тысячи крестьян учиться ведению крупного хозяйства. Совхозы с их машинной техникой оказывали большую помощь делу коллективизации крестьянских хозяйств.

На территории Тулунского района тоже были образованы совхозы. Вот как об этом вспоминает директор совхоза «Сибиряк» М. Е. Вильчинский: «При Советской власти, с организацией крупных совхозов, с их мощной технической базой по тем временам, началось социалистическое преобразование сельского хозяйства. В 1929 году в Тулунском районе на бросовых землях бывших кулацких хозяйств (заимках) был создан Смоленский льносовхоз. В 1931 году Смоленский льносовхоз был разделен на Тулунский и Гуранский. На землях Тулунского совхоза в 1934 году был создан семеноводческий

совхоз «Сибиряк», давший десять Героев Социалистического Труда».

Интересна история создания первого совхоза в Тулунском районе. Во-первых, создатель Тулунского краеведческого музея Гущин П. Ф. в своей брошюре «Тулун — частица нашей Родины» пишет, что колхоз Заусаево был создан в 1925 году Прохором Денисовым и его сыном Иваном. А свидетель тех событий, работавший в то время учителем в Заусаевской школе, Воронов Николай Иванович пишет, что колхоз был организован в 1928 году. И в то время созданное коллективное хозяйство называлось коммуной «Смычка».

Николай Иванович пишет: «В селе Заусаево была парторганизация, состоявшая из трех человек: Милковский Андрей — председатель сельсовета, Попов — сторож с ж/д переезда и Денисов Прохор — рабочий строящегося на станции Тулун элеватора. Коммунисту Денисову Прохору было поручено организовать в селе сельскохозяйственную коммуну. В селе имелось 165 дворов, жители в основной своей массе были зажиточные. И вполне понятно, что расширять и укреплять коммуну было трудно, учитывая, что партъячейка была малочисленной. И кулацкие элементы зачастую в принимаемых решениях на общем собрании брали верх. Сколько пришлось первым коммунарам пережить и перенести насмешек и злословия от тех, кто был против коллективизации. Однако коммуна жила, набирала силу. Об этом свидетельствует архивный документ того времени».

«5 октября 1929 года Пленум Заусаевского сельского Совета одобрил постановление высших органов власти о коллективизации на территории нашего сельского Совета. Провести разъяснительную кампанию среди населения, иметь результат не менее 100% всего населения». Коммуна «Смычка», как рассказывал Воронов Н. И., просуществовала три года, а потом слилась с соседним колхозом в селе Евгеньевка «13 октябрей».

Надо отметить, что в трудное и опасное время Прохору Денисову помогали в колхозном строительстве в Заусаево его сын Иван, одаренный природным умом и организаторскими способностями, впоследствии ставший полковником Советской Армии, коммунисты села и сочувствующие колхозному строю крестьяне при полной поддержке районного комитета партии и райисполкома.

Вообще семья Денисовых была в селе заметная, особенная. Второй сын Прохора Петр стал инженером, дочь Александра — врачом, сын Алексей — машинистом. Жена, Татьяна Елизарьевна, делегатом от Тулунского района Первого Всесоюзного съезда колхозников.

Неперспективные деревни

Молюсь на русскую Матеру,
Как на икону, и прошу:
Не отдавай себя разору,
Насилию и грабежу!

Владимир Скиф

В районе в послевоенное время насчитывалось около 200 населенных пунктов (список деревень прилагается). Но к концу 1950-х годов уже решалась судьба многих деревень в далекой Москве. Там руководством страны было принято решение об укреплении колхозов и ликвидации неперспективных деревень. Закрутилось в который раз колесо аграрной реформы. Так, в соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР №166 от 2 апреля 1957 года началось укрупнение колхозов и ликвидация неперспективных деревень. Стали исчезать с лица тулунской земли многие небольшие деревушки.

Дальнейшему «вымиранию» деревень способствовала аграрная политика КПСС, в основу который легли решения мартовского 1965 года Пленума ЦК КПСС. Большое значение партия придавала специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межколхозной кооперации и агропромышленной интеграции.

Здесь надо учесть, что к этому времени появились дороги с твердым покрытием, связывающие населенные пункты, телефонизация сел, автомобильное сообщение. Поэтому процесс укрупнения центральных усадеб колхозов пошел быстрыми темпами, что привело к неизбежному «вымиранию» деревень. (Список исчезнувших деревень прилагается).

Исчезли деревни:

Арандай, Амуситский участок, Астра, Алакшай, Белая Зима (Харанты), Бакатуй, Бахандей, Бурмай, Большой Углой, Буслайка ЛЗУ, Бадалейское бурятское ведомство: Иннокентьевский улус, Никольский улус, Кукшин, Кукшанай, Шанайский улус. Деревни: Восход, Воробьи, Валерьяновка, Доган — участок, Добрик, Ерекейское, Евгеньевка, Ёда новая, Усть–Ёда, Журавлинка (Журавлинское), Жерекейское, Здравоозерный (Здорово–Озерный), Зангарык, Ирсым, Иинск, Ингут большой, Ингут малый, Ильдятский участок, Ключи, Калиновка, Караульный, Кагат, Катарбей, Козухом, Кольцовая Степь, Кургашей, Катынь, Кара–Угун, Когайтей, Калярты, Кирейский, Кедрово–Таежное, Кандарыкское, Кокучей Большой, Кокучей Малый, Кандратюков хутор, Каразей, Карасай, Крутой ключ, Казаки, Красносельск, Кандазык, Ключи–Барминское (Ключебарменское), Левый Гарьен, Милыр, Малый Одер, Муксур, Мурашевская, Макарьевское, Неверовка, Нурты (первоначальное название Нуртей), Новые Ключи, Новостройка — участок, Новая Натка, Орик, Обь — участок, Правый Гарьен, Половинное, Подгаеж, Пороги, Посторонне–Курзанское, Соблук, Средний Гарьен, Северная дача, Старые Ключи, Солнечный, Сергеевск, Сергеней, Тальяны, Тултуй, Тюринга, Тамбовская, Усть–Нюра, Участок Гавань, Угнай, Усть–Ишидей, Унгул, Усть Орик, Усть–Ут, Ут, Усть–Кирбит, Ундрик, Усть–Кирей, Харлатейский участок, Харагол, Черный Ключ, Ядонгуй. В 2013 году при лесном пожаре сгорели деревни Ингут и Козухом.

К 1992 году в Тулунском районе были такие крупные колхозы как:

«Знамя Ленина» — Гуран
им. Калинина — Бурхун
им. Кирова — Афанасьево
«Россия» — Бадар
им. Чапаева — Шерагул
«Путь Ильича» — Гадалей
им. Парижской коммуны — Мугун
«Верный путь» — Умыган
«Коммунист» — Едогон
«Рассвет» — Икеей
«Приречный» — Владимировка
«Новая жизнь» — Усть–Кульск

25 декабря 1990 года был принят Закон РФ «О предприятиях и предпринимательской деятельности», который положил начало ликвидации колхозов, ввел новое понятие сельхозпредприятий, а именно — «Товарищество с ограниченной ответственностью». С этого периода началась перерегистрация (будем читать — ликвидация) колхозов в «Коллективные сельскохозяйственные предприятия — товарищества с ограниченной ответственностью».

1 января 1995 года вступил в силу Гражданский Кодекс Российской Федерации, отменивший указанный выше Закон, и коллективные сельскохозяйственные предприятия стали приводить свои учредительные документы в соответствие с ГК РФ. Поскольку Гражданский Кодекс предоставил предприятиям возможность избрать различные формы собственности, такие как Общество с ограниченной ответственностью, Закрытые акционерные общества, то есть то, что мы имеем сегодня.

Начался процесс ликвидации колхозной модели. За несколько лет колхозы были ликвидированы совсем. Редактор газеты «Наша жизнь в Присаянском крае», номер от 31 декабря 1998 г., в статье: «Вчера — колхозы, сегодня — КСХП, а завтра…» размышляет о том, какое сельхозпредприятие лучше. Сегодня мы имеем сельхозпредприятия под кодовыми названиями ЗАО, СПК, ОПХ, КФХ, ООО.

Вместо колхозов образованы 44 хозяйства с различной формой собствен-

ности. Девять коллективных хозяйств: закрытое акционерное общество (ЗАО) «Монолит», «Этанол», «Тулунская хлебная компания», СПК «Едогон», СПК «Бурхунский», ОПХ «Сибиряк», ООО «Нива» и другие; и одиннадцать крестьянских фермерских хозяйств — Л. М. Кравцова, «Столяров», «Черепков», «Колос», «Майор» — представляют крупные хозяйства. Двадцать четыре мелких крестьянских фермерских хозяйства, производящих сельскохозяйственную продукцию.

В светлой грусти о былом

Если вскормлен деревенским…
И во сне, как наяву,
До сих пор я взором детским
В деревеньке той живу.

Иван Кожемяченко

«Печальная участь постигла многие деревни, — пишет Любовь Московенко, — их посчитали неперспективными и закрыли, попросту стерли с лица земли. Но они живут в душах людей то светлыми и радостными воспоминаниями, то горестными раздумьями. Они напоминают о себе незарубцевавшимися ранами ям, оставшихся на местах домов, кое-где остатками битого кирпича и стекла, догнивающими изгородями, заброшенными, но не забытыми кладбищами. Многие жители этих сел добрым словом вспомнят прошлое житье–бытье, прочитав названия деревень: Натка, Новая деревня, Евгеньевка, Красные Выселки, Воробьи… Натка пострадала напрасно. Ведь Евгеньевка и Натка были расположены друг от друга километрах в двух. Но торопливое было то время, бездумное. Некому было разбираться в том, что действительно изжило себя, а что поддержать надо. Многие деревни под одну вывеску свели: «неперспективные». Только душу человека ни под какие вывески не подвести. Болит она, душа-то, когда приходится бывать в некогда родных местах, болит во сне, когда видятся давно пережитые мгновения, милые сердцу незабываемые картины замученной природы. Случайно ли, намеренно окажется кто-то в забытом, стертом с лица земли селении, но обязательно подойдет к месту, где стоял его дом. Постоит, отрешившись от всего, вспомнит былое время. И таким оно ему покажется бесконечно далеким и светлым, и такое хорошее, овеянное грустью, посетит утомленную душу, что сердце зайдется и нежданная слеза, скатившись со щеки, упадет на зарастающую бурьяном и молодым лесом землю».

«Белоруссия, где проживал мой отец в период послереволюционных лет, — пишет Иван Андреевич Кожемяченко, — была в числе отсталых. Не только по своему экономическому развитию, но и вся та стесненность крестьянских хозяйств не позволяла мужику–труженику развернуться по-настоящему, соразмерно своим силам и жить так, как ему диктовали его способности. В 1926 году Сибирь продолжала принимать переселенцев. По согласию переселенцев их группировали в специальные поезда и оправляли на вольные сибирские земли. Мой отец, смолоду мечтавший прочно встать на земле настоящим хозяином, не колеблясь в решении, вместе с домом продал все свое немудрящее хозяйство и поехал в Сибирь, чтобы найти свое место в жизни. Мне и теперь вспоминается его рассказ о радости, сопутствующей ему по сибирским просторам того времени. Когда находился еще в поезде, он впервые за всю свою жизнь увидел столько лесного богатства и величайших массивов неухоженной никем и не занятой вольной земли.

Вот с таким воодушевленным настроением и приехали мы в Тулунский район. Здесь, в четырех километрах от станции Будагово, нам был предложен земельный надел. Урочище называлось Валерьяновка. Еще в Тулуне отцу предложили купить в этом урочище домик, хоть он был и недостроенным, но на первых порах всю судьбу решала крыша над головой. В одном ряду с этим домиком стояло еще несколько не совсем приглядных, как

бы на скорую руку поставленных жилищ. Купил отец коня, корову и для приплода одну свиноматку... Раскорчевав поле, нужно было распахивать целик, а для нашего Карчика, хоть он был отменно здоров, одному ему была не под силу эта трудоемкая служба. Оказалось, что коренные сибиряки очень хорошие люди. В первый год в помощь нашему Карчику не отказывали лошадей для вспашки целинной земли, а также выручали зерном для посева, да и мало ли в чем необходимом.

Урожай, по словам отца, на разработанной земле был на славу. Хватило рассчитаться с долгами, и надежный запас зерна был засыпан в сусеки. В теплой и просторной, срубленной из круглого леса на долгие годы, избе, под балалайку, а позднее — и под гармошку устраивались азартные пляски, танцы. Плясали шестерку, кадриль, казачка, ливониху; танцевали вальс, коробочку, да и многое другое… Деревня росла, богатела.

Наступил 1930 год. Как гром с ясного неба прокатились слухи среди населения о коллективизации. Пережили и коллективизацию, и раскулачивание.

А потом… со временем деревеньку Валерьяновку определили как неперспективную и разволокли ее по бревнышку. После чего еще года два напоминали о существовании той деревеньки останки печных труб. А теперь и того нету. Никаких следов не осталось под дико растущим бурьяном на том клочке земли, пропитанном трудовым потом, где когда-то входила в цветущий период настоящая крестьянская жизнь».

Натка

«С незапамятных времен несет свои кристально чистые воды говорливая и торопливая на перекатах, спокойная и степенная на заводях, до сих пор мало кому известная, даже среди местных жителей, таежная речка Натка.

Теперь трудно предположить, кому из бурят, кочевавших здесь в давние времена по бескрайним сибирским просторам и оказавшихся на берегу этой речки, пришла в голову мысль дать ей, на первый взгляд, странное название — Наадхэ, или Надха, что в переводе на русский язык означает «игрушка».

Может быть, он сравнил ее с игрушкой, залюбовавшись радужным многоцветьем в лучах восходящего солнца или игрой серебристых хариусов, которые, как ни странно, до сих пор водятся в этих местах, и, будучи в душе поэтом, нарек ее этим именем? Как знать. Так и сохранилось это название до сих пор. Правда, поселившись затем в этих местах, русские земледельцы переименовали его на свой лад, как им удобнее было произносить, и теперь на всех географических картах эта речка носит название Натка. (Русские назвали бурятское урочище Тулам по-своему — Тулун — Ю. Б.)

Много воды утекло с тех пор, много событий радостных и трагических произошло в тех местах. Люди издавна селились на берегах Натки, изобиловавшей рыбой, окруженной девственными лесами, которые давали им и кров, и пропитание, и тепло. Но пришло время, и люди вынуждены были покинуть эти прекрасные места...»

Так писал Владимир Иванович Шилов в своей статье: «Размышления у источника». И как бы продолжая рассказ Владимира Ивановича, журналист местной газеты Любовь Николаевна Московенко пишет: «Натка была старой деревней, как ее соседние Евгеньевка и Красные Выселки. До того, как она отошла к Утайскому ЛПХ, люди работали в промартели. Из пней изготовляли древесный уголь, скипидар, собирали живицу, делали бочки, сани. С 1950 года жизнь в Натке круто повернула на новое русло: решением Министерства оборонной промышленности в этой деревне организовали лесозаготовительный участок. Рабочие приехали из Горевского ЛЗП Кемеровской области. Промартель свернула свои дела. Желающие перешли на работу в леспромхоз. Рабочую силу нового предприятия пополнили бывшие жители Евгеньевки. Началось основание Утай-

ского леспромхоза. Первозданную тайгу располосовала узкоколейная железная дорога протяженностью почти в 50 километров. По ней вывозили заготовленную древесину. Из года в год наращивали темпы заготовок леса. Если в начале еще как-то соблюдали технологию лесосечных работ, направленную на сохранение подроста, то потом пустили все под сплошную рубку без соблюдения лесовозных правил.

Пользовались бы по-хозяйски, рачительно, может быть, и вправду не иссякли бы лесные богатства, а так все пошло прахом. Вывелись грибные места и пострадали ягодные. А идет это от неразумного хозяйствования, от нежелания заглянуть хоть немного вперед: с чем сами остаемся, что детям и внукам своим оставляем, ведь пустеет земля на глазах».

А сейчас давайте послушаем удивительно интересный рассказ нашего известного земляка, поэта и прозаика Николая Рютина.

«Давно это было, настолько давно, что далеко не каждый знает историю возникновения поселка, который с давних пор прочно вписался в неповторимый ландшафт древних седых Саян. Одна лишь Ия–красавица — вечный свидетель всего здесь происходящего! Ей ли не помнить тех рыбаков, которые скользили по ее прозрачному лону на своих утлых долбленках? Она их кормила, поила, радовала. В любое время дня и ночи веселым своим лепетом как бы заставляла убедиться в том, что не только щедра и величава, но и нужна людям, поселившимся примерно в 25-ти километрах от Аршана, где еще до революции жили охотники. Урочище называется Ирсым.

По свидетельству старожилов, заселение происходило одновременно. Начинали строиться Аршан и Ирсым. Основные поселенцы были из России. Видимо, не зря изрек пророческие слова великий Ломоносов, что «Могущество России прирастать будет Сибирью». Очевидно, эта дальновидная истина пролегла красной нитью в Указе русского императора Николая Второго. По этому Указу люди имели полное право поселяться в любом уголке необъятной Сибири для ее освоения. Сибирские земли таили в своих недрах и на поверхности несметные богатства. Люди ехали в края запаутиненных стволов, в самую глушь, в самые дебри, в самую глубинку зеленого великолепия. Росли первые постройки. Дома были из кряжистого, добротного леса, в основном лиственничные. Первое время занимались охотой, рыбалкой. Благодать в этом отношении была чрезвычайно огромна. Изобилию не было предела! Люди не ограничивали себя ни в чем, пользовались дарами природы разумно и в меру.

Попробуем дать простор своему воображению. О чем думал и помышлял простой русский мужик, раскорчевывая площади леса для посевов, вдыхая пьянящий аромат прелых листьев? Прежде всего думал мужик о земле–кормилице, которая под каждым вывернутым корчом жирно чернела, сулила богатый урожай. Много веков прели и гнили листья, сучья и дерева, наращивая плодородный слой. Тяжелый крестьянский труд был в радость и по плечу для ирсымцев. Им ли не знать, не ведать поэзию благородного труда, вечной любви и уважения к земле, которая не замедлит воздать сторицей за все страдания. Истово крестясь, засучив рукава, люди принимались за дело. Пахали, сеяли рожь, гречиху, садили картошку и все необходимое, что может служить пищей, разнообразить обеденный стол».

Многим тулунчанам широко известно имя ученого-этнографа Виноградова Георгия Семеновича. Жизнь сибирской деревни во всех ее многогранных проявлениях на долгие годы стала предметом исследования ученого. Его активными помощниками были Иннокентий и Николай Татариновы, братья супруги Г. С. Виноградова.

Из воспоминаний Николая Татаринова: «Интересуясь краем, мы решили внести свою лепту в его изучение. Для

этого поставили своей ближайшей целью собрать этнографический материал по вопросам быта, хозяйства, промысла, художественных ремесел, устного народного творчества, а также собрать сведения о хозяйственных орудиях и предметах домашнего обихода: одежде, верованиях, обрядах и играх, преимущественно детских. Вся экскурсия длилась 7-8 суток. Передвижение в пути было на лошади и пешим порядком. Встречая на своем пути населенные пункты, мы задерживались и собирали тот или иной этнографический материал. Наш маршрут был таков: Тулун, село Перфилово, переселенческий участок Едогон Икейской волости и поселение Ирсым у подножия горы Сублук. 1913 год». Вот такая информация хранится в Тулунском краеведческом музее. Но для нас эта информация сегодня равна нулю. Потому что собранного материала нет. Мы не имеем никаких данных о том, что именно удалось собрать членам этой экспедиции. Ничего об этом не написал ни сам Виноградов, ни Татариновы. А как бы сегодня нам было интересно узнать, что представляли из себя эти населенные пункты: Ирсым, Едогон, Аршан, Перфилово.

Ирсым постигла та же участь, что десятки других деревень: оказался он неперспективным и навсегда исчез с земли тулунской, только остался в благодарной памяти тех, кто обильно поливал потом богатую и плодородную присаянскую землю.

Для них последний час настал

От Едогона до Ингута дорога хорошая, накатанная, поэтому доехали мы быстро. В том, что я без проблем добрался до этого села, надо сказать большое спасибо директору Едогонской школы Зыбайловой Надежде Сазоновне и ее мужу Геннадию Петровичу. Добрые, отзывчивые люди, низкий поклон им за то, что помогали мне встретиться с жителями вымирающих деревень. Помогли мне увидеть своими глазами тот ужас, о котором сегодня в официальной прессе не пишут и не говорят.

Искать тот единственный жилой дом в Ингуте, который остался от некогда цветущего села, нам не пришлось. Подъезжая к бывшей деревне, мы увидели, как из трубы одного-единственного дома идет дымок. Остановились. Заходим с Петровичем в ограду. Снег разметен, в ограде порядок. Заходим в дом. Всюду лежат чистые половики. Возле печки сидит бабушка и вяжет носки.

— Здравствуйте, баба Маша! — поздоровались мы с Петровичем. Баба Маша, продолжая свою работу, спрашивает нас: «А вы откуда и чьи вы будете?»

Петрович говорит: «А вы Сазоновну знаете?»

— Сазоновну? Это директора-то школы? А как же не знаю, знаю.

— Так я ее муж, Геннадий.

— А, вот теперь узнала, проходите, садитесь.

Я назвал свое имя и объяснил цель своего визита.

Только тогда баба Маша отложила свое вязание и подсела ко мне поближе. Я стал задавать вопросы, а баба Маша охотно отвечала на них.

— В Ингуте живу с 1960 года, деревня была большая, богатый был колхоз, потом мы объединились с Одоном. Всю войну работала, лес заготавливала вручную. Работала в колхозе: и пахала сама, и сеяла, и косила, и хлеб сама убирала. Все здесь так жили. Моя мать умерла рано, остались на моих руках пять братишек и сестренок. Я их вырастила, подняла на ноги, а потом уже сама вышла замуж за Евтушкова Алексея, он был участником войны, пришел весь израненный, контуженный и поэтому вскоре умер. Был у нас один сын, Виктор, царствие ему небесное, умер. Осталась я одна. Одна живу в селе, все поразъехались. Тяжело вздохнула Мария Калиновна, а потом и говорит:

— Вот умру и хоронить некому будет.

— Баба Маша, простите, а сколько вам лет? — спрашиваю я.

— Родилась я 2 августа 1920 года, вот и считай ныне уже будет 86 лет.

— Ну, а как же вы в такие годы живете одна? — удивляюсь я.

— Есть добрые люди у нас, не все сволочи, — отвечает Мария Калиновна. — За хлебом и продуктами езжу в Одон. Спасибо, шофер, который возит хлеб в Одон, всегда остановится возле моего дома, подождет, когда я выйду, и свозит меня. Дай Бог ему здоровья. Живет в Одоне один хороший человек, Николай Черепков. Вот он привозит мне воду и дрова. Вот так и живу, пенсию получаю маленькую, на всем экономлю.

Дальше Мария Калиновна стала перечислять всех своих близких, дальних родственников, кого как звать, где живут. Я только удивлялся — какая хорошая память у бабушки.

Потом долго сокрушалась баба Маша, говорила с горечью и возмущением о том, что стало с колхозом и деревней.

— Я вот своими этими руками раскорчевывала эти поля, готовили всей деревней землю к посеву, земля плодородная, урожаи на все были хорошие, а теперь посмотрите — все кругом заросло бурьяном да сосняком. Что же это делается-то, все разрушили проклятые…

В этом нас не надо было убеждать, мы с Петровичем, действительно, видели только заросшие бурьяном поля.

— Здесь у меня похоронены отец, братья, муж и меня здесь похоронят.

И, как бы услышав последние бабкины слова, на колени ей запрыгнул кот по кличке Рыжик, любимец Марии Калиновны, замурлыкал так нежно, ласкаясь к хозяйке, словно хотел сказать: «Не надо, не умирай, а я-то как буду жить?» Мурлыканье Рыжика мы поняли без перевода.

Непрошеная слеза скатилась по морщинистой щеке бабы Маши. И вдруг она запела, запела таким чистым, напевным голосом, совершенно правильно выводила мотив песни, чему мы с Петровичем очень удивились:

Хлеба — налево, хлеба — направо,

Хлеба — на счастье, хлеба — на славу,

Бескрайних спелых нив

Здесь ласковый разлив,

Здесь солнечных хлебов моих держава.

Обратно домой мы ехали молча. Каждый думал о своем, но больше всего о том, что увидели и услышали от последней жительницы села Ингут. Запомнились ее глаза, когда она запела песню. Столько в них было тоски, ностальгии по ушедшему безвозвратно для нее времени.

На следующий день мы с Надеждой Сазоновной отправились в деревню Козухом. В Икее пересели на УАЗик, так как до Козухома дороги нет. От голдунской сворotки машина продвигалась еле-еле. Была когда-то дорога, но сейчас остались от нее одни ямы да колдобины, занесенные снегом. Искать жителей деревни нам не пришлось. Приехав в деревню, сразу увидели два жилых дома, возле которых стояли две коровы. Заходим в дом… ба, да перед нами стоит сам хозяин, маленький, сгорбленный, наш бывший коллега — директор Голдунской школы Новиков Николай Иванович.

— Николай Иванович, — спрашиваем его, — ты нас узнаешь?

Николай Иванович долго смотрел на нас, потом заулыбался и говорит: «Конечно, узнал, еще бы не узнать, ведь сколько лет отработали вместе».

Хозяин любезно пригласил нас пройти в комнату, мы сели на табуретки.

— Николай Иванович, — обращаюсь я к нему, — расскажите, как вы здесь, в этой глуши живете?

Николай Иванович улыбается и говорит: «Вот так и живу, сами видите. Живу один, вот уже 75 годков стукнуло. Два года назад умерла жена, вот и живу один. Дети — две дочери и один сын живут далеко: в Усть-Илимске, Ангарске, Тулуне. Я живу здесь с 1945 года. Здесь и умирать буду. Эх, какая красивая деревня была! Улица широкая, чистая, вся в зелени.

— Да, — вступает в разговор Надежда Сазоновна. — Я много раз сюда приезжала, деревня, действительно, на удивле-

ние была очень красивой, по-есенински: «Хаты — в ризах образа…», особенно в мае-июне домов почти не видно, буйно цвели под окнами черемуха, яблони, сирень, акация. По чистой зеленой улице ходили только куры да гуси.

— Держу корову да телочку, — продолжает свой рассказ Николай Иванович. — Получаю небольшую пенсию, покупаю сено да дрова, благо, что вода рядом в колодце. А за продуктами ходит в Голдун вот моя соседка. В дверях стояла женщина неопределенного возраста. Я пригласил ее пройти и сесть с нами.

— Вас как зовут? — спрашиваю ее.

— Зина, — тихо ответила она, — Шишова Зинаида Егоровна. Вот мы с Николаем Ивановичем вдвоем здесь и живем, я его соседка. Помогаю ему по хозяйству, ведь он совсем больной, радикулит замучил. Хожу ему за продуктами в Голдун.

Зина оказалась не такой уж тихой, как нам показалось сразу. Разговорилась.

— Был колхоз, — продолжает она свой рассказ, — было все: и работа, и школа, и магазин, а сейчас все уничтожили, развалили. Вы обратили внимание, когда ехали сюда — лес кругом вырубили, поля позаросли бурьяном.

Зина говорила все быстрей и быстрей, словно боялась, что ее разговор прервут и больше не будут слушать. Но мы внимательно слушали.

— Вот держу свое хозяйство, — говорит Зинаида Егоровна, — тем и живу. Продам мясо, куплю что-нибудь из еды да какую одежонку, вот так и живем. Поддерживаем друг друга с Николаем Ивановичем, а так мы больше никому не нужны.

Она долго еще говорила о том, что было в деревне и что осталось от нее. Вскоре, через два года, во время весеннего лесного пожара деревня Козухом сгорела вся.

Ехали обратно молча, каждый из нас думал о своем. Благодаря высокой проходимости УАЗика мы выехали на тракт, преодолев самый трудный участок дороги. Кругом — одна пустота. Лес, действительно, весь вырублен, а на полях густыми метелками торчал из-под снега бурьян. Шофер пояснил мне: вот здесь была деревня Гарбокарай, видите, остались только пеньки да поваленная изгородь.

Дальше наш путь лежал на Талхан, к дому бывшего председателя колхоза Садкову Василию Васильевичу. Встретил он нас очень радушно. Его хозяйка, Мария Сергеевна, провела нас в горницу, усадила на широкую лавку, что стояла у стены.

Смотрю на Василия Васильевича, а он смотрит на меня, да так удивленно, мол, какого черта по такому морозу приехали?

Я начал разговор, спрашиваю:

— Василий Васильевич, расскажите, пожалуйста, о себе.

Немного подумав, мой собеседник начал свой рассказ:

— Родился я здесь, в Талхане, в 1926 году, вот нынче отмечу свое 80-летие.

— А когда появился Талхан?

— По-моему, где-то в 1908 или 1910 году, основали его переселенцы: русские с центральных губерний, украинцы, белорусы. С 1952 года по 1955 учился в Иркутске в школе председателей колхозов, учились по институтской программе, получил диплом агронома. Работал председателем колхоза здесь, в Талхане, колхоз назывался "Красный пахарь", колхоз был сильный, богатый, урожай зерновых получали по 40–45 центнеров с га. Потом к нам присоединили Харагол, колхоз "Красный сигнал", Алакшай, колхоз им. Первого Мая. Было и зерновое хозяйство, и животноводство, большая свиноферма, птицеферма, были овцы, пасеки. Жили богато. Потом нас объединили с колхозом "Коммунист". С детских лет я помогал родителям раскорчевывать лес, готовили поля к посеву. А сейчас снова эти поля заброшены, зарастают сосняком (мы обратили на это внимание, когда ехали сюда). Больно сердцу смотреть на весь этот развал и запустение. Когда-то Талхан был многолюдной деревней, а теперь осталось нас пять семей. Нет ни магазина, ни почты, ни школы — все уничтожили. Занимаемся только своим

хозяйством, этим и живем. Нет ни больницы, ни телефона. Если что с кем случится, все бегут ко мне за помощью, у меня есть старенькая машинешка, вот и вожу людей в Едогон — то в больницу или на почту, в магазин.

Уезжать никуда не собираюсь, здесь родился, здесь и умру. Мария Сергеевна добавляет: «Умрет мой дед, и я сразу умру. Совместную жизнь прожили мы с ним очень дружно. Нас разлучала только проклятая война. Имеем троих детей, десять внуков, шесть правнуков».

— Василий Васильевич, — спрашиваю я хозяина дома, — а вы знаете, как слово Талхан переводится с бурятского языка на русский?

Василий Васильевич подумал и ответил: «Честно признаться — нет».

— А переводится это название так, — сказал я, — Талхан — хлеб, мука. Очевидно, не зря буряты так назвали эти хлебные места. Как-то приехал сын в гости и стоит у крыльца, улыбается, мы зовем его в дом, а он песню затянул, и такую душевную:

Как живешь ты, отчий дом,
В светлой грусти о былом?
Я у дома, у крыльца родного
Встречи жду и вновь пою:
Здравствуй, милый, отчий дом!
Будь за нас спокоен.
Днем и ночью — ты всегда, всегда со мной.

И такая душевная боль нас взяла, слезы сами так и катятся. Это были слезы радости встречи и слезы оттого, что все колхозное пошло прахом, все уничтожено, все медленно умирает вокруг.

Недавно я вычитал в местной газете информацию с районного праздника урожая. Автор статьи пишет: «Так до бесконечности продолжаться не может. Мы надеемся, что намеченное губернатором области совещание руководителей аграрного сектора позволит добиться существенной господдержки крестьян. Только некоторым крестьянам все-таки, непонятно слово «господдержка». Господь поможет или все-таки государство? Как нам известно из истории, государство всегда и везде стремилось драть с крестьянина семь шкур».

Другой автор пишет: «Законодательство Иркутской области будет со своей стороны всячески способствовать внедрению программ развития села, и в этом направлении работа ведется серьезная и постоянная».

Это заявление уже обнадеживает. Возможно, и вправду наше село приобретет «второе дыхание» и вернет себе былую силу. Но пока в это верится с большим трудом.

Заключение

Земля жива! Ты многим ей обязан,
В любой беде и в радости любой
Ты пуповиной собственною связан
С ее дорогой и с ее судьбой.

Владимир Скиф

Несколько лет назад краеведы Икейской средней школы создали туристско-краеведческую экспедицию «Поиск», которая работает под девизом: «Люби и знай свой край родной!» Главная задача экспедиции — изучение истории родного края, история исчезнувших сел, изучение традиций и обычаев односельчан.

О своей работе на страницах местных газет ребята писали: «Поисковая группа встречалась со старожилами исчезнувших сел Черный Ключ, Кольцовая Степь, Правый и Левый Гарьены, которые проживают сейчас в селе Икей. После этого наша краеведческая экспедиция «Поиск» отправилась в поход по местам исчезнувших деревень. Нашими экскурсоводами были бывшие жители этих деревень. Многое мы узнали из рассказов тех, чье детство и юность, молодые годы и вся трудовая жизнь крестьянина–земледельца прошла в процветающих деревнях. О деревне Черный Ключ рассказал Евсеенко А. А., Духова А. М. — о деревне Левый Гарьен, Доронина В. Д. — о деревне Кольцовая Степь.

На кладбище деревни Левый Гарьен мы увидели непривычные надгробные па-

мятники, выточенные из камня. Необычные надписи привлекли наше внимание: «Памятникъ отъ любящіх дитей Александъ и Григорія здесь покоітся Варвара Алексеіівна Баскакова, умерла 1905 г. 28 января отроду 68 лет». Это было аж первое захоронение.

Люди исчезнувших сел, с кем нам приходилось беседовать, очень сожалели о том, что вынуждены были покинуть родные места. Нам очень понравилось и то, как разговаривают они, употребляя в своей речи непонятные нам слова: тата, шула, прасла, шукай и другие. Ребята фотографировали и зарисовывали места исчезнувших сел».

В этой работе имеются приложения — списки населенных мест с начала 20 века и по сегодняшний день.

Есть скорбный список навсегда исчезнувших деревень, и этот список пополняется новыми названиями. Давайте попробуем раскрыть хотя бы несколько причин вымирания деревень.

Это ликвидация колхозов, резкое сокращение площадей пахотной земли — поля зарастают бурьяном, березняком и молодым сосняком.

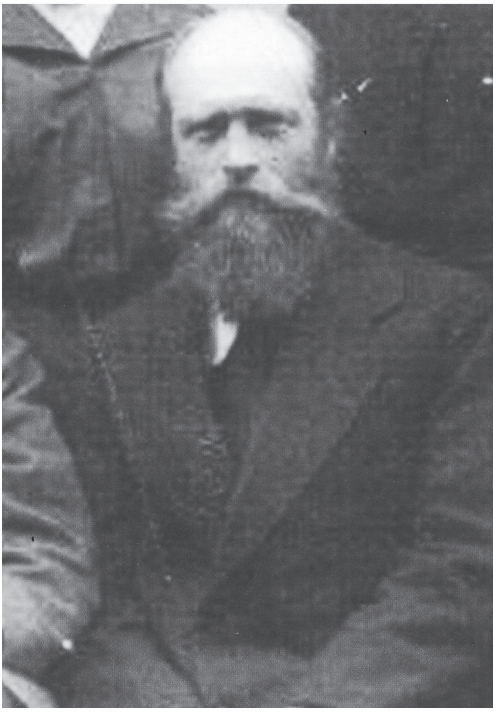
Ликвидированы стада крупного рогатого скота, т. е. резко сократилось животноводство, ликвидированы свинофермы, птицефермы, пасеки и коневодство.

Закрываются детские сады, школы, фельдшерско-акушерские пункты, больницы, клубы и библиотеки.

Это далеко не полный перечень причин вымирания деревень. Люди остались без работы, а значит, без средств к существованию. Они вынуждены покидать родные места и уезжать в поисках лучшей доли. Уходят, уезжают люди, и, хоть болит у них душа, все равно уходят. Но если мы не можем спасти гибнущую деревню, то в наших силах сохранить память о ней. Как же прав был Глеб Успенский, сказав: «Расстроить деревню, значит, расстроить всю Россию».

Ирина Краснова

Традиции благотворительности и меценатства на тулунской земле



Традиции благотворительности и меценатства в России складывались на протяжении нескольких веков. Издавна на Руси купцы были представителями самой образованной, информированной, коммуникабельной части общества. Имена многих купцов стали известны потому, что они — меценаты и благотворители — оказывали помощь деятелям искусств: художникам, поэтам, писателям.

На огромных просторах России Тулун всего лишь маленький населенный пункт — село. Вот как рассказывается о Тулуне в книге «Описание пути от Иркутска до Москвы, составленное в 1846 г.»: «Тулуновское селение устроено по отлогости горы, на левом берегу реки Ии, вытекающей из западной стороны Саянских гор и впадающей с левой стороны в р. Ангару. Ия довольно значительная и рыбная река, протекает на пространстве около 300 верст. В Тулуновском селении две деревянные церкви и до 500 домов. Это одно из лучших и богатейших селений Нижнеудинского округа. Находясь в центре Округа, селение это по многолюдности и устройству своему во всех отношениях соответствовало бы значению Окружного города» .

В Тулуне существовало значительное число торговых компаний, заводов, фабрик, принадлежащих: Яннау И. М. (пивоваренный завод), Маурину Александру Александровичу, Чернову и Долгих (воды квасоваренные). Также известны фамилии Воронова Егора Михайловича, Глушкова Дмитрия Федоровича, братьев Кузнецовых, которые вели торговлю разными товарами, Щелкунова и Метелёва, владельцев «Тулуновского Торгового Товарищества».

Основной капитал пивоваренного завода Ивана Мартыновича Яннау в 1908 году — 20 000 рублей, за год выработано было 5 000 ведер пива, оборот — 12 000 рублей, прибыль – 1 800 рублей .

Кроме того, в черте города функционировали кирпичный, лесопильный (принадлежал Торговому дому Щелкунова и Метелёва) заводы, паровая мукомольная мельница, сапожные и швейные мастерские, крупорушки, производилось мыло и конфеты. Крендельная и пряничная фабрика Торгового дома Щелкунова и Метелёва, основной капитал которой составлял 20 000 рублей, в 1908 году выработала 521 пуд сушки и 373 пуда пряников, оборот — 13 972 рубля, прибыль 699 рублей .

Имя купца первой гильдии Петра Карповича Щелкунова в истории Иркут-

ской губернии известно по широкому размаху торговли, строительству торговых домов и магазинов в городах и селах от Нижнеудинска до Киренска, включая Иркутск, Кимельтей, Мишелёвку, Тулун и Черемхово. Это был, говоря нынешним языком, амбициозный и образованный предприниматель–бизнесмен. Но наряду с непременным желанием всякого бизнесмена получить высокую прибыль и приростить капитал Щелкунов проявил выдающиеся склонности к просвещению детей и подростков и подготовке специалистов среднего звена, штейгеров, счетоводов и техников для угледобывающих предприятий, рудников.

Петр Карпович был незаурядным, широко мыслящим человеком государственного масштаба. Купец и промышленник, и, в равной степени, патриот своего отечества, он понимал промышленное развитие края как созидание, как процесс комплексного развития во благо и на перспективу.

Щелкунов родился в деревне Яр Пермской губернии в 1876 году и к тридцати годам уже имел солидный капитал. Торговля мануфактурой и разными промышленными товарами, видимо, не удовлетворяла молодого купца. Он объединил капитал с другим купцом, Метелёвым, и занялся производством фарфоровых изделий на Хайтинском заводе. Вместе они вошли в село Черемховское, построили большой универмаг «Торговый дом Метелёва и Щелкунова». Когда строили, Петр Карпович увидел вокруг села угольные копи, познакомился с владельцами рудников, изучил данные о залегании угольных пластов и промышленных запасах каменного угля. И вступил на путь углепромышленника, построил рудник недалеко от станции Черемхово. Конечно, он был увлечен перспективами молодой отрасли на фоне бурного технического прогресса на Западе, в Германии, Англии и Америке. Он читал столичные и заграничные журналы, проспекты электрических машин, паровых котлов, электровозов и вагонеток для доставки угля под землей и на поверхности. Имея финансовые возможности, он хотел создать здесь, на девственной целине крестьянской общины, промышленное производство всего, что необходимо для рудника и работников, для строительства и жизни.

Село Тулун также являлось обладателем угольных месторождений, поэтому сфера интересов Щелкунова простиралась и на Тулун, впрочем, как и на другие города Иркутской губернии.

Всему деловому Иркутску был известен Торговый дом Щелкунова и Метелёва, который наряду с торговлей пивом занимался продажей хайтинского фарфора, предметов электротехники, огнеупорного кирпича, мануфактуры, скобяных изделий и галантереи.

Упоминание о доме купца Метелёва, состоявшем из нескольких строений на улице Большой, № 3-5, встречается в различных хрониках и промышленных ежегодниках дореволюционного Иркутска 147 раз!

Вместе с Щелкуновым Яков Ефимыч Метелёв впервые в городе оснастил свои магазины огнями электрического освещения и сделал электрическую рекламу своему бизнесу. Ему же принадлежит идея подсветки витрин магазинов в ночное время суток. Яков Ефимыч учредил стипендию для наиболее успешных и предприимчивых студентов, поощрял журналистов, писавших о сибирской промышленности в местной прессе. Яков Ефимыч совместно с купцом Щелкуновым организовал целую сеть реализации товаров, скупку сырья, продажу готовых гастрономических изделий. Их лавки и витрины заполняли центральную часть города. Но наибольшую популярность в народе Ефимыч получил за содержание чайной в собственном доме на улице Большой.

Сведений о личной жизни Ефимыча сохранилось немного. Кроме выше приведенного известно, что он был приветливым хозяином и радушным ресторатором. А в начале XX века Ефимыч с известней-

шими пивоварами Иркутска, такими как Доренберг, Чижевский, Сошников, Белоголовый, Зицерман, занимался реализацией местного пива даже на международной арене.

Тулунским купцам также была не чужда благотворительная деятельность.

Так, в 1910 году на средства купцов села Тулун было построено здание «Общественного собрания» как место для собраний, проведения всякого рода торжеств, спектаклей, лекций. Вся общественная жизнь села проходила в стенах этого здания. Таким образом, мы видим, что высокий культурный уровень села имел под собой значительное основание.

Здание это, в основном, сохранило тот облик, что и в первые годы. И более ста лет стоит клуб, служит тулунчанам. А после революции 1917 года клуб стали называть народным домом, сокращенно — нардом (пятого января 1918 года здесь проходил первый волостной съезд Советов), позже клубом имени Октябрьской революции — КОР. Работала здесь юношеская секция, руководил которой Захар Дорфман. В кружках, созданных при клубе, активно участвовали учителя, врачи, работники учреждений и организаций, ремесленники. Особо активными были члены драматического кружка: ставились спектакли революционной тематики, антирелигиозные, а также и классический репертуар, читались лекции. А так как в городе не было кинотеатра, то здесь демонстрировались первые кинофильмы.

Были в Тулуне свои меценаты, оказавшие помощь в становлении образования в селе. Купцы становились почетными блюстителями школ, училищ.

Почетным блюстителем Тулуновского мужского училища в 1879 году генерал-адъютантом Федотовым был утвержден купец Овчинников, 1891 году почетным блюстителем училища стал купец Иван Иванович Щербаков. В 1893 году, когда здание двухклассного училища совершенно обветшало, купец второй гильдии И. И. Щербаков пожертвовал на строительство нового здания школы три тысячи, в то время это были огромные деньги.

Во время проведения столыпинской аграрной реформы многим стало ясно, что без грамотных людей невозможно поднять сельское хозяйство, развивать промышленность. Услышав призыв передовых людей России к переустройству народного образования, тулунские предприниматели становятся не только почетными блюстителями школ, но и открывают на свои средства частные школы. Так, были открыты частные школы купцов Метелёва и Мамаева. Существовала и частная школа полковника Павловского.

В 1898 году открывается Посторонне–Курзанская школа, а почетным блюстителем назначается крестьянин Ефрем Иванович Метелёв (родственник того самого Метелёва).

Основателем железнодорожной школы на ст. Тулун был инженер Дмитрий Клаасович Нюберг, начальник участка пути сибирской железной дороги. Знали его человеком большой энергии, прогрессивных взглядов. Он и его супруга Софья Николаевна пользовались большим уважением у тулунчан. Софья Николаевна — высокообразованная женщина для своего времени, окончила московскую гимназию и вместе с мужем приехала в Сибирь. По замыслу Д. К. Нюберга, школа должна была обучать детей железнодорожников станции Тулун, а также полустанков и постов участков пути, находящихся под его ведомством.

Стройматериалом для здания послужили бревна большого амбара богатого тулунского купца Метелёва. В 1899 году школа распахнула свои двери. Софья Николаевна вела уроки музыки и рукоделия, а Дмитрий Клаасович славился неугомонным затейником многих интересных познавательных игр. По инициативе супругов в школе была создана отличная библиотека. Позднее Д. К. Нюберг стал почетным блюстителем этой школы.

Неуклонно увеличивающееся население Тулуна и близлежащих сел (за счет

переселенческого движения) диктовало необходимость возведения нового храма. Торговый профиль населения способствовал довольно быстрому сбору средств на возведение каменного храма и заказу проекта епархиальному архитектору А. С. Покровскому. Храм был заложен неподалеку от деревянной Покровской церкви на возвышении и был хорошо виден со всех сторон. В клировых ведомостях за 1913 г. указано, что церковь каменная, трехпридельная, в виде креста, с колокольней, связанной со зданием храма. Престолов в ней три: главный — в честь Покрова Пресвятой Богородицы, южный — в честь Пресвятые и Живоначальные Троицы, северный — во имя Св. Иннокентия. Освящение церкви состоялось 3 ноября 1913 года.

Васильев Михаил Иванович родился в 1926 году и проживал по ул. Покровской (Советской). Он вспоминал, что около церкви было кладбище. В основном на этом кладбище хоронили духовенство и тех купцов–благотворителей, которые вложили собственные денежные средства в возведение Покровской церкви.

С 1913 по 1926 гг. в селе действовал Тулуновский отдел «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта». Его учредителями были местные учителя (в том числе и Г. С. Виноградов), священники, мелкие

чиновники, все те, кто видел в изучении родного края одну из форм общественной деятельности. Назовем их фамилии: Литвинцев, Буторин, Бажин, Красиков, Блаунштейн, Кубасов, Зисман и другие. Они обратились в центральное управление общества при императорской Академии наук в Санкт-Петербурге и в июне 1913 года получили решение об открытии отдела. В «Уставе» указано, что «общество имеет целью содействовать распространению народного образования. Районом своей деятельности общество имеет Нижнеудинский уезд. Для достижения своей цели общество, с соблюдением существующих по данному предмету узаконений и распоряжений правительства, учреждает начальные школы, вечерние, воскресные и профессиональные классы, вечерние курсы для взрослых, а также содействует открытию таковых; устраивает народные библиотеки–читальни; народные чтения; лекции, литературные, музыкальные утра, детские праздники и т. п.; склады книг; ставит народные спектакли и драматические утра и вечера; открывает детские сады и площадки; организует экскурсии» .

В отчете о деятельности Тулуновского отдела «Общества изучения Сибири и улучшения её быта» за 1913 год указано, что деятельность общества выразилась в организации лекций, народных чтений, в создании библиотеки и музея.

«15 августа 1913 г. агрономом В. Е. Писаревым был прочитана лекция на тему «Что такое опытные поля и зачем их устраивают». 27 октября и 10 ноября были устроены литературные чтения для народа. На первом читались рассказы Толстого «Два старика» и «Много ли человеку земли нужно», на втором — рассказ Серафимовича «В бурю» и рассказ Андреева «На станции». Чтения сопровождались картинами волшебного фонаря, выписанными из Иркутского общества Народных чтений. Посещаемость лекций и чтений выразилась в следующих цифрах: на лекции Писарева присутствовало 100 человек; на первом чтении — 145 человек, из коих мужчин — 66, женщин — 26, детей — 53; на втором — 155 человек: мужчин — 49, женщин — 26, детей — 80. Отсюда можно заключить, что потребность в народных чтениях давно назрела».

Библиотечная секция имела своей задачей создание библиотеки при отделе «Общества изучения Сибири и улучшения её быта». После пожертвования различными лицами до 300 экземпляров книг и предоставления библиотек Общественного собрания и книг из своих домашних библиотек служащими Торгового дома «Щелкунов и Метелёв» секция приступила к работе. Торговый дом также передал право на получение нескольких журналов: «Вестник приказчика», «Русское богатство», «Современный мир», «Новая жизнь», «Нива», «Новый журнал для всех».

Деятельность Общества осуществлялась на членские взносы и пожертвования, которые были израсходованы на устройство народных чтений, лекции для тулунчан и др.

Имена многих благотворителей не сохранила история, но их дела не

были забыты и принесли свои плоды.

В статье «Ёлка» Павел Федорович Гущин, основатель Тулунского краеведческого музея, вспоминает о таком случае, произошедшем с ним в далеком детстве:

«Учительница сказала: «Дети, сегодня к нам придут гости…»

И вот вошел гость. Офицер. Высокий, молодой, статный. При сабле и аксельбантах, золотых погонах, при шпорах и лампасах. Вошел и сказал:

— Здравствуйте, дети!

А потом сел и закурил. Мы были удивлены, что Антонина Леонтьевна не делала ему замечание: ну разве в классе курят?

Повторяли таблицу умножения. Посидев минут десять, гость сказал: «Ребята, я достаточно богат, чтобы сделать для вас елку».

«Елка! Елка! « — закричали мы радостно.

Шло время. Мы знали, что офицер и наша учительница ездили в Канск за елочными игрушками, знали, что они покупали разное на подарки у здешних купцов, знали, что наш офицер с денщиком делают картонные коробки.

Накануне Нового года, придя в школу, мы обнаружили в одной из комнат много красивых коробок, покрытых золоченой бумагой (для мальчиков) и серебряной (для девочек). Разглядывая довольно объемные коробки, мы заметили, что сверху в каждую вклеено стекло и под стеклом фамилия. В коробках были орехи: грецкие, волоцкие, фисташки, кедровые лежали слой за слоем. Был слой дорогих конфет. Запах от них стоял по всей школе. Затем лежали слой пряников, книга, игрушки и какая-нибудь вещь: рукавички, шарфик, ремень или другое. В каждой упаковке — пожелание хорошо учиться и иметь добрых друзей; это все мы узнали позже, получив подарки.

И вот, наконец, елка! Собрались учителя и гости. Наш офицер танцевал, пел, играл на гитаре, Антонину Леонтьевну он объявил своей невестой. Каждого из нас поцеловал и вручил подарок. Извозчики развезли нас по домам. Начался 1919 год.

Об этом далеком дорогом детстве напоминает подаренная мне книга Элизе Реклю «Земля и люди». Великолепная, с богатыми иллюстрациями, добротно изданная. Книга эта сыграла в моей жизни большую роль. Много раз я ее перечитывал. Она заставила меня полюбить географию и как-то предопределила мою будущую профессию.

Наступил 1920 год. Войска Советской республики теснили белых. В один из февральских дней наш знакомый вбежал в класс, снял полушубок, надел его на Антонину Леонтьевну и увез ее на вокзал. С тех пор мы их не видели.

70 лет прошло, но остался в памяти поступок этого офицера, доставившего своей елкой радость детям рабочих в тяжелые годы гражданской войны».

Для большинства меценатов благотворительность стала практически образом жизни, чертой характера. Благодеяния осуществлялись людьми, которые не были деятелями искусства и образования, но благодаря им многое в нашей жизни изменилось в лучшую сторону.

Максим Сафиулин

Мой белый город, как глоток свободы

Мой белый город, как глоток свободы,
Я полной грудью им одним дышу,
И пусть летят стремглав за годом годы,
Его покинуть вовсе не спешу.

И пусть друзья, с кем прежде жили рядом,
Зовут меня в другие города,
Но он один моим зовётся кладом,
И только он в душе моей всегда.

Мне дорог воздух, синь реки и неба,
Простор тайги, красоты лет и зим…
Он для меня, мой город, корка хлеба —
Такой простой, но как необходим.

Тебя, мой милый город, не покину,
Ведь не поняв, когда и почему,
Моей души забрал ты половину,
А пол-души мне, право, ни к чему.

Мой город

Мой город маленький, но важный
В тайге родился и живет.
О нем и слышал-то не каждый,
Но тот, кто знает, тот поймет.

Мой город был рожден от песен,
От свиста ветра и костра.
Он чист, приятен и чудесен…
А как чудесна Ангара!

Река — красавица Сибири!
Байкала дочь… Волшебный вид!
Другой такой нет больше в мире!
Она любого вдохновит.

Мой Усть-Илим — прекрасный город!
К нему я всей душой стремлюсь.
Он с детских лет мне очень дорог,
Ему лишь верен остаюсь!

ПРЕКРАСЕН ТЫ, МОЙ КРАЙ СИБИРСКИЙ!

Прекрасен ты, мой край сибирский!
Твои бескрайние леса,
Твой чистый воздух, климат близкий
И птиц родные голоса!

Я с малых лет горжусь тобою!
Силен, велик мой славный край!
Своей любви к тебе не скрою!
Крепись, расти и процветай!

И пусть земля рождает сосны,
Пусть кедры вольные поют,
Приятны будут зимы, вёсны,
В тайге порядок и уют.

А небо… Чудо, что за небо!
Сродни лишь детская слеза…
Его я помню, где б я не был,
Как мамы милые глаза.

Михаил Денискин

36 секунд одного мига...

Иркутские летчики совершили подвиг, который сразу был засекречен

Гелий Михайлович Куркай

Россияне постарше еще помнят слова популярной в СССР песни: «Будет людям счастье, счастье на века, у советской власти сила велика…» И действительно, у той власти сила была такой, что все СМИ вертелись лишь в одну сторону — нужную самой власти.

Об открытиях, достижениях и рекордах трубили на весь мир. Как и про сбитый самолет-шпион США, но молчок — о том, что первой ракетой при этом ошибочно сбили свой самолет. Молчали газеты и про расстрел митингующих в Новочеркасске, и про закупки зерна в Канаде, и про авиакатастрофы.

Но есть самое мощное СМИ — народная молва: шепотом, на ухо, с оглядкой, обрастая выдуманными подробностями. Тем летним днем эхо взрыва с авиазавода до Иркутска не донеслось. Да и взрыва-то не было (топливо в разбившемся самолете почти закончилось). Но слух о несчастье просочился через стены режимного предприятия. Не зная истины, горожане говорили о том в полголоса. А после, кажется, и забыли.

Что ж, люди есть люди: я не вправе никого упрекать. Мой журналистский долг — напомнить о том далеком трагическом событии. Попробуем восстановить его детально…

В 1970 году по заказу правительства Иркутский авиазавод стал строить самолеты МИГ-23УБ (учебно-боевой). Это была модификация сверхзвукового истребителя третьего поколения — машина с изменяемой стреловидностью крыла, двухместная, оборудованная спаренным управлением (на летчицком слэнге — «спарка»), предназначенная для обучения военных летчиков, однако способная выполнять и боевые задачи.

«Изделие», по воспоминаниям ветеранов-самолетостроителей, было «тяжелым». Не по весу (хотя взлетная масса немалая — более 15 тонн), а по сложности многих систем, изготовление которых заводчанам пришлось осваивать впервые. Поначалу непросто давался самолет и испытателям. Тем не менее, все отработали отлично, и за восемь лет ИАЗ выпустил 1 008 таких самолетов. Правда, один из них так и не прибыл к заказчику…

8 июня 1972 года в Иркутске было солнечно, плюс 24, небо ясное, видимость — 10 километров. В 14 часов 22 минуты учебно-боевой МИГ-23УБ с радиопозывным «477-й» оторвался от бетонки и ушел

Виктор Федорович Новиков

в синеву. Командир — старший летчик-испытатель 1 класса Г. Куркай, во второй кабине — летчик-испытатель 3 класса В. Новиков.

Кто эти люди?

Виктор Федорович Новиков, 1941 года рождения, окончил Харьковское высшее военное училище летчиков. С 1968 года — в авиапроме. По окончании учебы в школе летчиков-испытателей летно-исследовательского института (ЛИИ) направлен на Иркутский авиазавод. К сожалению, об этом человеке более узнать ничего не удалось…

Гелий Михайлович Куркай родился в 1930 году, окончил Борисоглебское военное училище летчиков. В авиапроме — с 29 июня 1959 года, специализацию прошел в школе летчиков-испытателей в 1960 году. Работал в КБ Яковлева, облетал 41 тип машин. Общий налет — 3 261 час, из них 2 216 — испытательные (уже здесь, в Иркутске, на МИГ-23УБ налетал 163 часа и 44 минуты).

Специалист ценный, начальство за таких держится обеими руками. Но он все же перевелся в Иркутск из Москвы (кто-то причиной предполагал неурядицы в личной жизни). И еще здравствуют люди, которые помнят Солнечного — так с греческого языка переводится редкое у нас имя Гелий.

Он был душой компании: остроумно шутил, превосходно пел и играл на гитаре. Разбирался в живописи: его квартиру украшали картины. Собирал хорошие книги. После работы спешил в заводской Дом культуры: азартно играл в спектаклях драмкружка, подолгу просиживал в читальном зале. И сюда его влекла страсть не только к книгам: красавица-библиотекарь вскоре стала Маргаритой Куркай, после у них родилась Леночка, а в 1970 году — сынишка Женя…

Заслуженный летчик-испытатель СССР Геннадий Егорович Буланов вспоминает:

— За три года совместной работы мы хорошо узнали друг друга, но оставались только товарищами: внешне общительный Куркай держал всех на определенном расстоянии. Возможно, эта своеобразная отстраненность — черта творческих людей: Гелий писал стихи. Мне он был искренне интересен, я очень хотел подружиться с ним. Кажется, и он почувствовал ко мне доверие: часто читал мне стихи из тетрадки, которую хранил в служебной кабинке. А потом я стал своим человеком в их семье…

Он был инструктором для всего летного состава и его уважали за внимательное отношение к людям. Однажды заметил директору завода Виктору Афанасьевичу Максимовскому, что в помещении летно-испытательной станции нет чего-то, что помогало бы снимать психологические нагрузки после полетов. Максимовский вспомнил, что у испытателей Воронежского авиазавода стоят пальмы — одну из них он выпросил и привез спецрейсом. Тогда у наших «лисовцев», когда их вызывали на разбор полетов, появилась поговорка: «Пошли под пальму — получать втык...»

Вскоре на завод прибыл еще один испытатель — Виктор Новиков. Меня на-

Самолет МИГ-23УБ

значили его инструктором. В начале 1972 года мы облетывали новый самолет. В это время Новиков болел, и ему надо было наверстывать упущенное. А у меня — отпуск. Куркай тогда сказал: «Отдыхай, Егорыч, отпуск в нашей работе — это святое. А с Новиковым займусь я…»

Почти час носился МИГ над безлюдными Саянами — в специально отведенной воздушной зоне. Выполнив задание, развернулись — домой. В это время сменился ветер и диспетчер бортам, находящимся в небе, задал другой посадочный курс — 320 градусов (это, условно говоря, со стороны города).

В 15 часов 15 минут экипаж начинает визуально выстраивать заход на посадку — по классической схеме, которая в авиации называется «коробочкой». Как и положено, перед третьим разворотом самолет выпустил шасси, после четвертого разворота — закрылки.

15 ч. 18 м. Летчик — руководителю полетов: «Я 477-й, на прямой, к посадке готов».

Через три минуты самолет проходит над дальним приводным радиомаяком (ДПРМ заводского аэродрома расположен в районе автобусной остановки «Узловая»). Высота 325 метров.

Именно в этот момент двигатель перестал подчиняться людям: он самовольно сбросил мощность. Некоторым шоферам, особенно водителям большегрузных машин, известно неприятное ощущение, когда педалью энергично даешь «прогазовку», а мотор не тянет. Наверное, то же испытал Куркай, двигая РУД (рычаг управления двигателем) на «максимал».

60-я минута полета стала отщелкивать экипажу последние секунды…

15 ч. 21 м. 7 с. Первый летчик — второму: «Что за ё…? Максимальные обороты…»

Летчики пытаются выяснить причину падения тяги (на записи голоса звучат неразборчиво). Эти два человека, стиснутые ремнями, наглухо запертые в кабине, набитой приборами, тумблерами, ручками, встретили беду профессионально — без паники: они продолжали работать.

15 ч. 21 м. 10 с. Руководитель: «477, проход дальнего, до полосы три с половиной километра, на курсе, глиссаде, посадку разрешаю».

15 ч. 21 м. 14 с. Первый летчик: «Понял!»

15 ч. 21 м. 16 с. Второй летчик: «Ага!» (убедившись, что тяги нет)…

Красивое французское слово «глиссада» означает «скольжение». А в авиации это еще и траектория снижения. Непослушный, с трудом удерживаемый рулями на курсе, МИГ уже был на глиссаде — он

не падал, но полого скользил. Внизу мелькали дома и улицы заводского поселка. Очевидцы задирали головы: самолет несся необычно низко, и гул двигателя был странным, с каким-то присвистом…

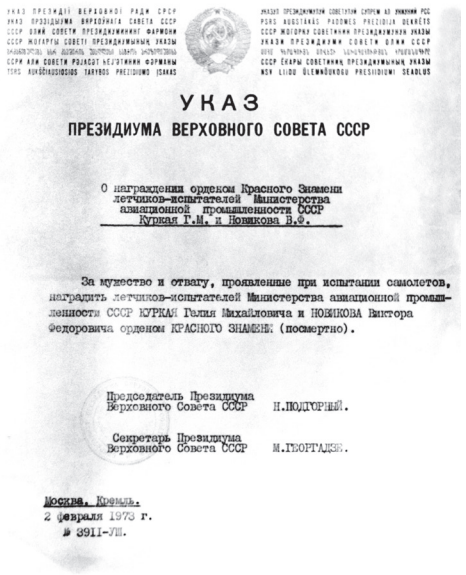
Из служебной характеристики Г. М. Куркая:

«…За время работы проявил себя как высококвалифицированный, технически грамотный, дисциплинированный, волевой. Летает с большим желанием. В сложных метеоусловиях быстро ориентируется, принимает грамотные решения, действует уверенно и решительно. Неоднократно поощрялся за храбрость и выдержку, проявленные в критических ситуациях. Как правило, первые испытательные полеты новых самолетов поручаются ему. Он умело анализирует результаты испытаний…»

Радио: летчики что-то говорят друг другу — неразборчиво.

Руководитель: «Низко идете, низко, низко!» (на локаторе видно, что самолет идет ниже расчетной глиссады — он теряет высоту)…

15 ч. 21 м. 25 сек. Второй летчик — первому: «Скорость — 300»



УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении орденом Красного Знамени летчиков-испытателей Министерства авиационной промышленности СССР Куркая Г.М. и Новикова В.Ф.

За мужество и отвагу, проявленные при испытании самолетов, наградить летчиков-испытателей Министерства авиационной промышленности СССР КУРКАЯ Галия Михайловича и НОВИКОВА Виктора Федоровича орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ (посмертно).

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М.ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль.
2 февраля 1973 г.
№ 3911-УП.

Указ о награждении

15 ч. 21 м. 27 сек. Первый летчик: «Полностью обороты, ё…»

15 ч. 21 м. 30 сек. Первый летчик: «Сейчас мы где-то п… (упадем)»

На высоте 50 метров и при скорости 280 они проскочили ближний «привод». Впереди — здание цеха высотой почти 11 метров. Далее — деревья. Где-то за ними — спасительная полоса. Куркай изо всех сил пытается хоть чуть-чуть приподнять нос самолета…

15 ч. 22 м. 34 сек. Первый летчик: «Ах, б… перетянуть бы!»

15 ч. 22 м. 35 сек. Второй летчик — первому: «Сигаем?»

15 ч. 22 м. 36 сек. Первый: «Погоди, ни х…»

Когда Новиков предложил прыгать, еще можно было спастись. Наши катапультные кресла не зря называют «умными»: они могут выстрелить летчиков даже в метре от земли, даже если машина идет вверх колесами — кресло «заставит» ее вернуться в нормальное положение и после подбросит людей на нужную высоту. Но цех… Там — люди, много людей: рабочая смена…

Самолет задел колесами и хвостовой частью осветительный фонарь на крыше. Потом стал рубить тополя. Перевернулся и врезался носом в землю. Ни взрыва, ни пожара. Один инженер, ныне пенсионер, тогда срочно прибывший «на яму» (так на слэнге зовется место катастрофы») говорил мне: почему-то запомнился высотный ботинок на дереве…

Из заключения комиссии по расследованию причин катастрофы:

«Действия экипажа были правильными.

Аварийная ситуация развилась до критического состояния в то время, когда самолет находился над территорией завода; летчики проявили героизм и мужество, отказавшись от применения индивидуальных средств спасения, что предотвратило гибель большого количества людей, работавших в это время в цехах завода…»

И не только заводчан. Пройдет вре-

мя — другой экипаж в воздухе попадет в подобную ситуацию. Благодаря роковому полету Куркая-Новикова и отработке действий на земле, летчики сумеют посадить больной МИГ (в дальнейшем завод, выпускавший двигатели, устранил дефект и «двадцать третий» исправно служил в учебных и боевых частях, в том числе и на афганской войне)…

Единственно сохранившаяся здесь фотография Куркая: на груди – орден Трудового Красного знамени, орден «Знак Почета» и медали — (юбилейная «ленинская») «За доблестный труд», «За 10 лет безупречной службы», «40 лет Вооруженных Сил СССР», «50 лет Вооруженных Сил СССР».

А я снова и снова вглядываюсь в лицо. Его глаза смотрят прямо. Слегка иронично. Он бы не простил мне каких-то пафосных слов. И если неверно подобрать и не к месту сказать такое слово — будет стыдно перед мужественными людьми. Они, заводские летчики-испытатели, слушали радиообмен и знали, что ребята еще могут спастись — покинуть обреченную машину. Но тогда она бы рухнула на дома.

Свобода выбора — нередко и с удовольствием мы рассуждаем на эту тему. Но никто с размаху не поручится за себя, потому что до крайнего момента не знает, как поступит он, если за мгновения предстоит выбрать: моя единственная жизнь — такая драгоценная или жизни других людей — тоже драгоценные.

Да, ремесло испытателя — рисковое и опасное. И все же это — работа. Обычными воздушными рабочими они сели в кабину и ушли в полет. Они и работали — проверяли, тестировали машину, пока не проявился дефект. Я не знаю, что в таких случаях предписывают правила. Наверное, они говорят: действовать — по обстановке. И всю тяжесть выбора перекладывают на самого летчика.

А у него — закон: сделать все возможное, чтобы сохранить самолет — иначе как выявишь неисправность? Это — суть их профессии, в которую никто

Памятная стела на месте гибели летчиков

никого силком не тащит: все здесь взвешенно и осознанно. Выходит, как ни крути, а у Куркая и Новикова не было выбора. Да, возможность катапультироваться — формально была. Но выбора — жить или не жить — не было…

Гелий Михайлович Куркай и Виктор Фёдорович Новиков награждены орденом Красного Знамени (посмертно). В заводском музее есть небольшая экспозиция. На месте гибели установлена памятная стела. 8 июня заводчане сюда принесут цветы, вечером товарищи по ремеслу выпьют поминальную чарку.

45 лет — срок немалый. Но и невеликий, если сохранять память. Я спрашивал здешних школьников: не-а, говорят, мы таких даже не знаем...

Елена Савицкая

Ангарская деревня – «Души моей прекрасный уголок»

Ежегодно 18 июня в Братске горожане празднуют День Братска острожного, основанного русским казаком Максимом Перфильевым в 1631 году. Это событие ожидают, готовятся к нему, и оно стало неотъемлемой частью нашего города и его истории.

В 70-х гг. XX в. начальник прославленной в СССР строительной организации «Братскгэсстрой» И. И. Наймушин пригласил Октября Михайловича Леонова и показал ему 40 предметов старинного быта, которые следовало собрать и представить в одном месте с исторической достоверностью в точности.

Решением Братского городского Совета депутатов трудящихся от 27 сентября 1972 года, последующими решениями была одобрена идея создания «Ангарской деревни». Этим же решением под филиал музея определили отдать территорию на мысе Пурсей и передать ее Братскому краеведческому музею в 1972-1973 годах. В 1973–1974 гг. предложение Ивана Наймушина о создании архитектурно-этнографического филиала музея первой очереди — как музея истории освоения Ангары в Восточной Сибири — начало претворяться в жизнь.

Предполагалось осуществить грандиозное дело: вывезти памятники архитектуры, а также фрагменты диабазовых блоков с наскальными рисунками из зоны затопления Илимской и Братской ГЭС. Для этих целей были созданы группы разведывательных экспедиций из числа сотрудников музея, ученых, и добровольцев–помощников. В экспедициях по обследованию районов Средней и Южной Ангары принимал участие известный ученый А. В. Ополовников.

Организацией обмеров и вывоза памятников деревянного зодчества занимались сотрудники Братского краеведческого музея Г. М. Штеле, Н. Ф. Луканкина и С. Я. Дубынина — ответственный секретарь Братского и Падунского общества охраны памятников истории и культуры.

В основном своем количестве памятники деревянного зодчества Сибири вывозились из деревень Нижняя Шаманка, Подъеланка, из Усть-Илимского, Братского районов, из деревни Горленка и др. Кроме того, был вывезен дом из деревни Гарменка, где жил герой Советского Союза Погодаев С. Б.

Все предназначенные к вывозке избы и хозяйственные постройки были предварительно промаркированы и на

каждом бревне указан свой порядковый номер. Разобранные строения были связаны по несколько бревен в один штабель и подготовлены к вывозу в Братск.

Разборка памятников деревянного зодчества производилась рабочими бригадами «Братскгэсстроя» и леспромхозами. Всего было вывезено 61 строение, в том числе 7 изб, 21 амбар, 7 стаек, 8 навесов, 4 зимовья, 7 бань, 3 мельницы, 2 охотничьих зимовья и 2 амбара. Это 800 кубических метров разобранной древесины, а 5 изб было вывезено целиком. Две усадьбы были сформированы из естественных построек, взятых из других усадебных комплексов.

Кроме того, вместе с разобранными уже памятниками деревянного зодчества в Братск отправляли на баржах предметы материальной и духовной культуры. Среди них были: старинная деревянная мебель, посуда, орудия крестьянского с/х труда, предметы рыбной ловли. Из этих предметов быта предполагалось создать в музее под открытым небом экспозиции таким образом, чтобы было видно, каким материальным достатком обладали различные семьи крестьян на Средней Ангаре.

При формировании будущих коллекций крестьянского быта сотрудники музея старались зафиксировать максимально всё: где, в каком месте стояла та или иная вещь и для чего она была предназначена.

В августе 1973 года на архитектурно-строительном Совете был пересмотрен вариант отвода территории на мысе Пурсей, который посчитали наиболее целесообразным в качестве места для постоянного размещения филиала Братского краеведческого музея под открытым небом: музей должен был разместиться в районе пионерского лагеря «Жарок» с выходом на Братское водохранилище. Площадь территории составляла 35 га в 22 км от трассы «Братск-Падун» в зеленой зоне отдыха горожан. Именно этот участок был рекомендован комиссией Министерства Культуры РСФСР весной 1975 года.

Всю подготовленную для музея территорию осматривали как с земли, так и с воздуха. В зеленой зоне Братского водохранилища это был единственный свободный участок мыса, который полностью соответствовал природно-ландшафтным условиям. Именно здесь был достаточно высокий и удобный склон берега, пологий и живописный таежный рельеф, а рядом водоем, что вполне соответствовало расположению типичной таежной сибирской деревни. И вот решающий исторический момент наконец-то настал!

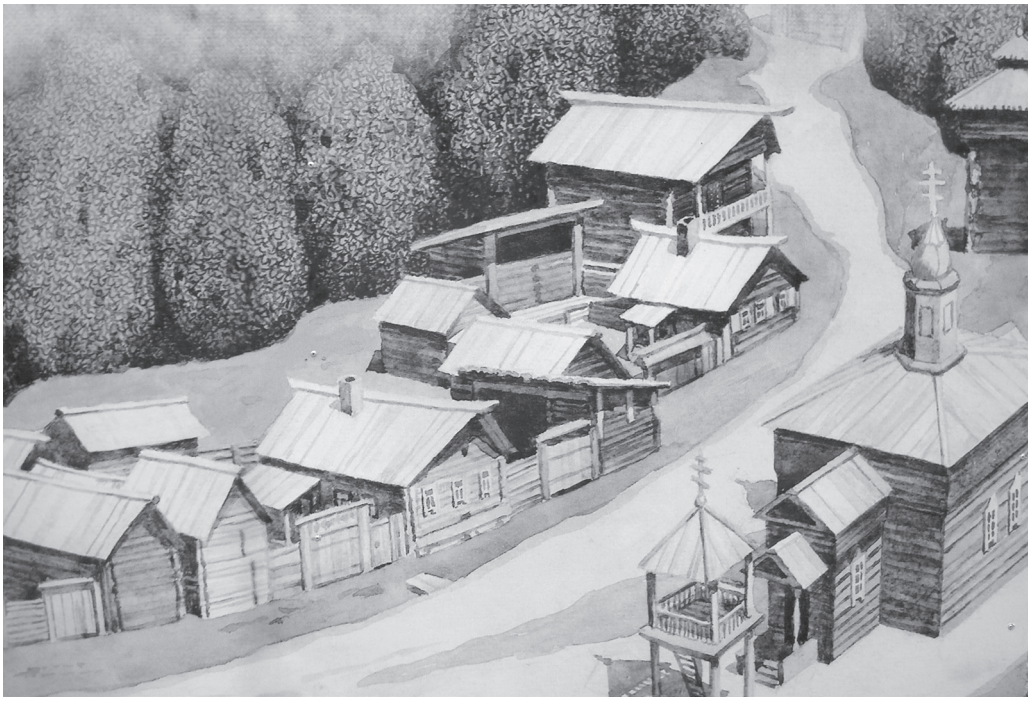
17 июня 1975 года Иркутский областной исполком вынес решение № 351 «О создании архитектурно-этнографического филиала Ангарская деревня».

Одной из первых построек на отведенной для музея территории стал навес, специально сделанный для руководителей города к открытию музейной экспозиции.

Здесь в присутствии председателя Городского исполкома и руководителей города Братска директор историко-краеведческого музея Л .А. Шевгенина торжественно сообщила об открытии нового музея «Ангарская деревня». В своей речи она отметила, что большой вклад в перевозку памятников архитектуры внесли руководитель КБЖБ, фирма «Востсиблесосплав» (Л. П. Щербаков). Они оказывали неоценимую помощь и в вырубке леса для будущей экспозиции музея под открытым небом.

А в 1979 году была построена и отсыпана подъездная дорога к участку строительства нового этнографического музея. Все работы были оплачены заводом БРАЗ.

В 1976–1977 годах были разработаны вся экспозиция музея «Ангарская деревня» и генеральный план. Над его созданием усердно работала группа авторов скансена в составе: О. М. Леонов — руководитель проекта, Б. П. Чуласов — архитектор Братского филиала художественных фондов РСФСР, Н. Ф. Луканкина и другие музейные и научные работники, этнографы, историки, в том числе и науч-



ный руководитель, кандидат археологических наук (в то время) А. В. Ополовников.

В 1977 году проект был окончательно согласован с Министерством культуры РСФСР. В дальнейшем он был принят и одобрен с некоторыми замечаниями и предложениями по небольшой доработке генерального плана. Также был определен и тип музея как архитектурно-этнографический музей-заповедник комплекса «Ангарская деревня».

Весь комплекс экспозиции музея делился на 4 зоны:

Гражданская архитектура русского населения Среднего Приангарья.

Оборонное и культовое зодчество (остроги).

Острожный комплекс, в который должны были входить: 4 сторожевые башни, связанные тыном, проездная башня с амбарами и часовней, приказная и таможенная изба, колокольня, церковь, 3 амбара–житницы, ружейный и винный погреба (по проекту Октября Леонова).

Промыслово-промышленные сооружения с промысловыми и бытовыми предметами ангарских крестьян, а также мельница, кузница, охотничье зимовье с двумя лабазами.

Сектор коренных жителей Восточной Сибири в Среднем Приангарье предусматривал эвенкийское и бурятское (в перспективе) стойбища.

В перспективах дальнейшего долгосрочного развития этнографического музея планировалось создать археологические зоны и целиком улицу из крестьянских усадеб, в которые должны были включить:

— Закрытый павильон по археологии. К нему должны быть привезены уникальные диабазовые блоки «Пасущийся лось» — наскальный рисунок древнего человека времен палеолита, вывезенный из зоны затопления Братского и Усть-Илимского водохранилищ.

— Односторонняя улица длиной 260 метров, которая состояла бы из 7 крестьянских усадеб.

— В конце деревни поставить мангазею — хлебный амбар и острожную башню, сохранившуюся от Братского острога.

— За деревней и поскотиной, идущей по вырубке леса, предполагалось за-

сеять поле рожью до 100 метров. Площадь поля — 12 га.

— Вдоль всей деревни проложить проселочную дорогу с ответвлениями к острогу, церкви, кузнице, мельнице и баням, стоящим на берегу.

— Вся деревня должна была быть огорожена вместе с полем поскотиной — легким деревянным заплотом с входными воротами.

Итак, почти все идеи создания экспозиции в музее–скансен «Ангарская деревня» успешно были постепенно воплощены в жизнь.

В настоящее время производится постоянная (необходимая) реконструкция строений, воссоздается полностью весь комплекс Братского острога со всеми внутренними постройками, чтобы представить максимальную историческую точность этих сооружений.

В основе структуры созданной экспозиции русского сектора музея соблюдается принцип социально-имущественного расслоения крестьян (от самого бедного до самого зажиточного).

Хронология событий показана по возрастанию: конец XIX — начало XX века. Географическое положение территории Ангарской деревни отражено в экспозиции как область Среднего Приангарья и Илимска.

Для поддержания и сохранения старинных деревянных строений на территории Ангарской деревни был создан реставрационный участок. Силами научных сотрудников и общественности города Братска начались работы по созданию в Ангарской деревне эвенкийского сектора. Большой вклад в разработку проекта музейной зоны эвенкийского сектора сделал научный сотрудник музея Геннадий Уткин. Он лично выполнил огромный пласт работы и стал незаменимым консультантом в экскурсионной работе в будущем.

Вывозом памятников архитектуры занималась и научный сотрудник Братского краеведческого музея Наталья Федоровна Луканкина. Под ее личным руководством из деревни Климино и других деревень Братского района были перевезены: готовый амбар и Мангазея. Все правила сохранности экспонатов неукоснительно соблюдались. Но бывали и сложности…

Не сразу удалось перевезти летом 1980 года объекты деревянной архитектуры старой Анзёбы. Деревня была сожжена, и много уникальных строений было, к сожалению, безвозвратно утрачено для истории.

В 1982 году структура музея Ангарская деревня претерпела изменения. После корректировки она стала включать в себя разделы:

Гражданская архитектура и быт русского населения Восточной Сибири.

Крепостное и храмовое зодчество.

Промысловые сооружения: мельничный комплекс, кузница, охотничье-промысловое стойбище.

Жилые и хозяйственные постройки коренного населения Приангарья.

Эвенкийский сектор.

(В проекте) Бурятский сектор.

Предмузейный комплекс сооружений.

Следует добавить, что при создании проекта работники музея основывались на факте оптимального архитектурного облика деревень на Средней Ангаре, исключая при этом «чужие» поселения европейских переселенцев в Восточной Сибири.

С 1986 года было принято решение о ПОЭТАПНОМ строительстве музея по мере обнаружения в Братском и Усть-Илимском районах памятников деревянного зодчества. Одновременно научными сотрудниками Братского краеведческого музея началось тщательное обследование зоны Братского, Усть-Илимского, Чунского районов в поисках нужных экспонатов в бассейне реки Илим, Киренского и Жигаловского районов Иркутской области.

Летом 1986 года первые две усадьбы с полностью готовыми экспозициями были торжественно открыты для по-

сетителей Ангарской деревни. В этом же году произошла и централизация музеев Иркутской области, в результате которой Братский городской музей утратил историко-краеведческий статус.

В 1991 году с оценкой «хорошо» государственная комиссия приняла первую очередь музея. Было отмечено, что такому высокому уровню реставрационных работ могли бы позавидовать даже иркутяне, где на базе Областного музея были построены знаменитые теперь на всю Россию «Тальцы».

Сегодня односторонняя улица Ангарской деревни состоит из четырех усадеб. В 3-й усадьбе размещены экспозиции, которые характеризуют быт малой крестьянской семьи и семьи «среднего достатка». Кроме того, представлены экспозиции в усадьбе «неразделённой семьи-артели». В 4-й усадьбе музейная экспозиция рассказывает посетителям о жизненном укладе населения Средней Ангары.

Михайло-Архангельская церковь с колокольней удивляет частично расписанным внутренним иконостасом. По праздничным дням в ней проходят церковные службы, здесь ярко празднуют все христианские праздники братчане.

Здесь же, на берегу неподалеку можно увидеть бани «по-черному».

Торговый и хлебный амбары — Мангазеи — поражают своим великолепием архитектурной мысли.

В центре деревни, на самом видном месте сегодня красуется полностью восстановленный тын вокруг юго-западной башни Братского острога и удивительные по своей красоте проезжие ворота. С большой любовью сотрудники музея создавали новые экспозиции, которые рассказывают о возрасте острожной башни, об истории основания Брацкой землицы, о приходе первых казачьих отрядов в Восточную Сибирь.

Музей Ангарская деревня никого не оставляет равнодушным. Те, кто приезжают сюда, уезжают с неохотой и очень быстро, по любому поводу стремятся снова погрузиться в эту удивительную, спокой-

но-торжественную атмосферу сибирской истории и природы. Здесь всегда неповторимая благословенная тишина, царство природы и птиц, буйство зелени и благоухающий запах трав, таежных ароматов.

Своей задачей научные сотрудники считают возрождение народных промыслов, проведение русских, сибирских национальных праздников. Ежегодно на территории комплекса Ангарской деревни ярко и весело проходят народные праздники Троица, Масленица, Рождество, Праздник урожая, Праздник молодой картошки и соленого огурца. Каждый год количество праздников приумножается.

Весело, радушно и празднично приветствуют посетителей представители всех национальных диаспор, и особенно, душевно представлено сибирское казачество. Казаки с тщательной достоверностью показывают элементы своей культуры, боевого искусства, джигитовки, различных игр и забав, предлагают попробовать национальные блюда.

Прекрасно проходит праздник русской ухи, где можно полакомиться кухней мастеров своего дела и увидеть ловких и удачливых рыбаков, послушать истории бывалых охотников.

Здесь проводятся специальные занятия с детьми о быте русских крестьян на Средней Ангаре. Посетителям рассказывают об исчезающих растениях Восточной Сибири, о лекарственных травах, зимующих и перелетных птицах и о способах изготовления зимних кормушек.

Благодаря Людмиле Сергеевне Ященко, научному сотруднику Ангарской деревни, был построен специальный объект — избушка. В ней в любое время года можно увидеть, как готовят зерновые кормушки зимующим птицам, попить чай из лесных трав, узнать повадки бурого медведя и других обитателей тайги, научиться экологической культуре и узнать промысловые тайны таежных охотников и рыбаков.

Наконец, каждый год неизменно сюда приезжают после праздника Последнего звонка все выпускники города Братска, чтобы встретить рассвет у родного берега невероятно красивой сибирской Родины и навеки запомнить, что это — наша любимая и прекрасная Сибирь, которая неповторима и которую ласково всегда называют матушкой! Да и как же иначе?!

Ведь это, как сказал известный братский поэт Геннадий Михасенко, заповедная зона:

Музей у Братска есть.
В морском заливе он нашел себе
Приют.
И птицы здесь поют, и шелестят
Деревья,
И домовые там, наверное, живут …

Владимир Скращук

Иркутский самиздат: открыты новые страницы

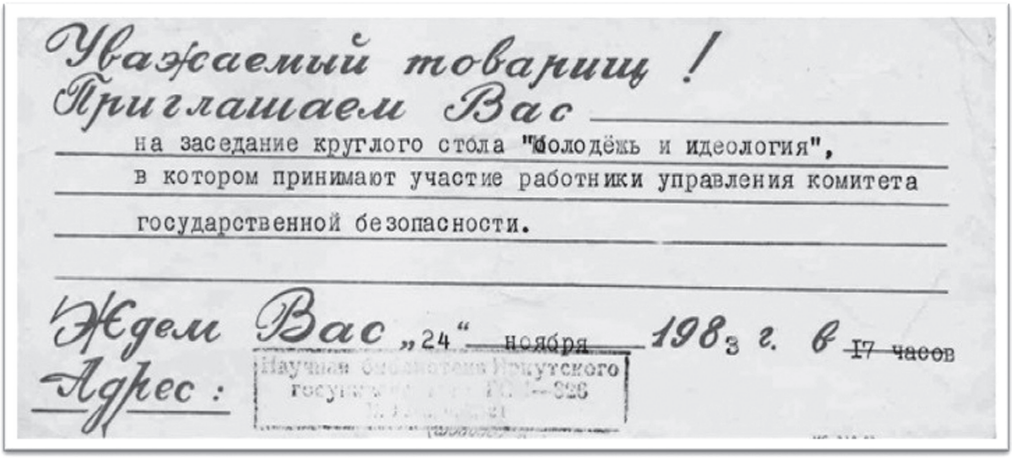
В истории СССР и стран бывшего «советского блока» историки выделяют феномен, не имеющий аналогов ни в каком другом историческом периоде и ни в какой другой общественно-политической системе — массовое изготовление гражданами подпольных изданий, имевших формат от листовки до многотомных книг. Объединив все подобные издания единым термином «самиздат» (1), историки и многочисленные энтузиасты-любители собирают и изучают многочисленные типы и виды самодеятельных альманахов, журналов, бюллетеней и газет, существовавших на протяжении многих десятилетий XX века на всей территории нашей страны.

Иркутский самиздат существовал уже со второй половины 1920-х (2) и получил особенно широкое распространение в период перестройки — с 1987-го по август 1991 года (3). После ликвидации монополии КПСС на государственную идеологию и прекращения преследований за инакомыслие самодеятельные издания продолжают существовать как выразитель интересов и взглядов небольших творческих или политических групп, не имевших доступа к официальным СМИ. В период широкого распространения интернета и социальных сетей самиздат продолжает существование как отдельные артефакты, изготовленные «из любви к искусству».

Наследие диссидентов

История «Вампиловского книжного товарищества», организованного писателем Борисом Ивановичем Черных, считается достаточно хорошо исследованной — сам Черных оставил пространные воспоминания, дополненные материалами дела (4). В 2015 году мне передали для сканирования пригласительный билет на заседание «круглого стола» «Молодежь и идеология», проведенного 24 ноября 1983 года в Научной библиотеке ИГУ («Белый дом»). Организаторами мероприятия выступили сотрудники КГБ, которые только что завершили следствие по делу «Вампиловского товарищества». Логично было предположить, что в Государственном архиве Новейшей истории Иркутской области (в делах партийной организации ИГУ) могли сохраниться какие-то документы о подготовке этого мероприятия, однако их там не оказалось, в протоколах итоговой конференции парткома ИГУ в 1983 году «круглый стол» не упоминается. Есть сведения, что существовала и полная стенограмма заседания, но найти ее у современников событий пока не удалось.

Параллельно с делом «Вампиловского товарищества» органы КГБ провели следствие и передали в суд дело работника рефрижераторной секции ВСЖД Сергея Боровского. Боровский был арестован 1 февраля 1983 года, ему было предъявлено обвинение по ст. 190-1 Уголовного кодекса РСФСР («Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»). По итогам следствия и суда Боровский был осужден 26 августа 1983 года на два года колонии, несмотря на то, что адвокат Иннокентий Иванович Грудинин настаивал на полном оправдании. Документы защиты найдены в архиве Иркутской коллегии адвокатов подшитыми в дело другого адвоката. Полный текст речи адвоката, письмо Грудинина в президиум Иркутской областной коллегии адвокатов (ответ на обвинения председателя Иркутского областного суда М. Чернова), а также биографические справки на Боровского и Грудинина опубликованы в альманахе «Acta Samizdatica / Записки о самиздате» (5).


Уважаемый товарищ!
Приглашаем Вас
на заседание круглого стола "Молодёжь и идеология",
в котором принимают участие работники управления комитета
государственной безопасности.
Ждем Вас „24" ноября 1983 г. в 17 часов
Адрес:
Научная библиотека Иркутского
государственного

Самиздат как литературная школа

Уже известные ранее по названиям и интервью автора газета «Ложь» и журнал «Зеро», изданные Эрастом Юрьевичем Бутаковым в 1990 году, в 2015 году были отсканированы и доступны исследователям по запросу к владельцу. В архиве автора есть не только полные тексты изданий, которые распространялись большими тиражами (несколько сотен экз. «Ложь» и 200 экз. «Зеро» № 0), но и неизданные: «Зеро № 0,1», и материалы, подготовленные для следующего выпуска «Зеро», для которого даже не был выбран номер. Большой интерес для исследователя может представлять тот факт, что в «Зеро» включены рассказы, эссе и стихи иркутских студентов, написанные в 1985–1990 годах. Среди авторов журнала — поэт В. Грицина, журналист С. Предеин, рок-музыкант В. Мазитов, Е. Двинская, К. Орехов. Объем каждого из журналов составляет 60–80 страниц формата А4, в «№ 0,1» для каждого автора нарисована персональная заставка.

В машинописное «Зеро» № 0, изданное «на средства комитета ВЛКСМ Иркутского института народного хозяйства», авторы собрали тексты, накопившиеся за годы студенчества — некоторые эссе, рассказы и стихотворения датированы 1985–1989 годами, часть текстов даже перенесены без всяких правок в виде ксерокопии рукописного оригинала. Вероятно, альманах стал первым — или одним из первых — изданий, опубликовавших стихи Вадима Мазитова (6), лидера единственной иркутской рок-группы «Принцип Неопределенности», пробившейся во всесоюзные хит-парады и включенной в книгу Александра Кушнира «100 магнитоальбомов советского рока» (7).

Подготовленный более тщательно, но так и не увидевший свет «Зеро № 0,1» имел подзаголовок «Литературный альманах субкультурного толка». Редакция постаралась сделать все серьезно и солидно: компьютерный набор, профессиональная верстка и набор, заранее оставлено место под название типографии и тираж. В списке авторов появились не только мужские, но и женские имена (Е. Двинская, Н. Легенькая, Л. Вдо — последние два явно псевдонимы), всего же на 74 страницах поместились публикации восьми авторов, датированные в основном 1990 годом. Пачка листов с подготовительными материалами к следующему номеру состоит из 62 страниц — зачастую неподписанных и датированных уже 1992–1994 годами, хотя встречается текст, подписанный «1983–1988 гг.» Сегодня все это по-прежнему представляет собой определенную ценность как срез неформального литературного творчества людей, ставших впоследствии авторами многочисленных книг (8) и других общественных и культурных проектов.

Православие, самодержавие и переименование улиц

В июне 1990 года в Иркутске был издан первый номер газеты «Ведомости», логотип которой был оформлен в соответствии с правилами дореформенной орфографии. Девизом газеты были выбраны слова Петра Столыпина «Нам нужна великая Россия», а само издание описано как «Информационная губернская газета». При этом в логотипе помещены изображения, напоминающие и немецкий Железный крест, и украинский «тризуб». На том месте, где у советских изданий находились ордена (то есть у левого края листа), редакция поместила не использовавшегося в то время в государственной символике двуглавого орла под имперской короной. Формат газеты — А3, объем 2 полосы, часть текста набрана на машинке, часть — коллаж из газет (в первом выпуске это была «Советская Россия»), в качестве иллюстраций размещены многочисленные рисунки церквей, крестов и двуглавых орлов.

Первый номер, вышедший, по утверждениям редакции, тиражом 800 экземпляров, подготовили Валерий Витвицкий, Роман Днепровский, Игорь Кланюк и Петр Дмитриев. Редакция обещала читателям продолжить «лучшие традиции таких оппозиционных изданий, как «Выбор», «Русский Вестник», «Российские ведомости»», и включила в первый выпуск тексты, посвященные борьбе с «коммунистическими палачами» и их наследием. Самым большим по объему текстом стала речь депутата Верховного Совета РСФСР Виктора Аксючица. Качество печати оказалось крайне низким — сохранившуюся электронную копию можно прочесть только при очень большом увеличении страницы.

Второй номер «Ведомостей» вышел в сентябре 1990 года тиражом 900 экземпляров, причем издание теперь называлось «Газета Иркутской губернии», а из первого состава редакции остался лишь Валерий Витвицкий. Присоединившиеся к нему Владимир Скурихин и Николай Коробкин (проживал в Ангарске) продолжали линию, взятую в первом выпуске газеты: максимум информации о положении дел в Иркутской епархии РПЦ, требования вернуть улицам Иркутска дореволюционные названия, небольшой блок «Хроники» противостояния иркутских неформалов и милиции. Редакция обещала направлять части выручки от тиража на восстановление Храма Христа Спасителя и приглашала платных распространителей — издание действительно можно было купить на традиционном месте встреч иркутских неформалов возле дома № 12 по улице Урицкого.

Третий (октябрь) и четвертый (ноябрь) выпуски «Ведомостей» вышли как «Иркутская губернская газета», при этом четвертый выпуск с новым девизом «Не в силе Бог, а в правде». К четвертому выпуску от прежней редакции остались лишь Витвицкй и Скурихин, а издание от РПЦ Московского патриархата сместилось к идеологии «Русской православной церкви заграницей» и опубликовало «Послание архиерейского собора РПЦ(З)». Примечательно, что часть читателей (если верить обращению «От редакции») сочла чрезмерной критику в адрес КПСС в трех

первых номерах, и редакция вынуждена была объяснять, что разделяет «рядовых плательщиков партвзносов и элиту». Формально сотрудники редакции не заявляли о принадлежности газеты какой-либо партии, однако некоторые из них были сначала членами объединения «Верность», а затем покинули его и перешли в группу Российского Христианского Демократического движения (у газеты и группы РХДД в Иркутске был один и тот же контактный телефон).

В личном архиве общественного активиста Максима Воронцова найден бюллетень Иркутского монархического центра «Держава». Формат — стандартный для изданий небольших групп А5, объем — нестандартные 18 страниц (9), текст набран на компьютере, есть ксерокопированные вставки писем и документов. Издание датировано августом 1993 года, приурочено к 380-летию со дня воцарения Михаила Романова и установлению династии Романовых. Среди сотрудников можно назвать иркутского журналиста и «председателя Монархического центра» Р. Днепровского, А. Осколкова, Г. Илюшкова и Н. Северова — другие имена в издании не упоминаются.

Наряду с «Вестником общества Верность» (1989 год) и газетой «Иркутские губернские ведомости» бюллетень «Держава» относится к сравнительно узкой группе православно-монархических изданий, которые утратили свое значение после того, как в РСФСР и РФ прекратилось преследование по идеологическим принципам, а все идеи и тексты можно было опубликовать в газетах «Земля» и «Русский Восток». В среде монархистов имелись различные течения — авторы «Державы», например, считали законной наследницей Марию Владимировну и крайне негативно относились к сторонникам других претендентов на престол.

Журнал открывается пространным репортажем с митинга-молебна, проведенного иркутскими монархистами 17 июня 1993 года — в 75-ю годовщину расстрела императора Николая II и его семьи в Екатеринбурге. Автор не упустил момент высказать свое негативное отношение к тому факту, что президентом РФ на тот момент был Борис Ельцин, который принимал непосредственное участие в сносе Ипатьевского дома, а заодно потребовал восстановить памятник императору Александру III и все дореволюционные названия улиц в Иркутске. Впрочем, сложная и путаная картина мира российских монархистов в начале 1990-х допускала и требование признать «Императорский Дом Романовых» правящим де-юре, и преклонение перед бойцами и командирами Красной Армии, защитившими «Москву и Россию» от гитлеровской Германии.

Иркутский Монархический
Центр.
г. Иркутск,
от Рождества Христова
год 1993-й, месяц август.

1

ДЕРЖАВА

МИЛОСТЛИВЫЕ ГОСУДАРЫНИ,
МИЛОСТЛИВЫЕ ГОСУДАРИ,

Поздравляем Вас Славным Праздником: 380-летием призвания на Российский Престол Царственной Династии Романовых. Имеем честь предложить принять деятельное участие в обретении нашим Благословенным Отечеством сени законности и Умиротворения, содействовать сообразно возможностям Вашим возвращению на Престол Державных Предков Дома Романовых Законной Наследницы – Ее Императорского Высочества Великой Княгини Марии Владимировны.

Поскольку достаточного количества сторонников М. В. Романовой в Иркутске при всем желании найти не удавалось, на страницах журнала появились и цитаты из трудов К. Победоносцева и И. Солоневича, и посвященная внутренним разборкам в среде монархистов статья некого Германа фон Хюмме, и сильно устаревшее к моменту публикации интервью Анатолия Булева (10). Ни в момент выхода издания, ни спустя 24 года сформулированные в журнале идеи не имели в Иркутске большой популярности, хотя памятник императору Алек-

Ярмольник - друг, но "Истина" дороже?

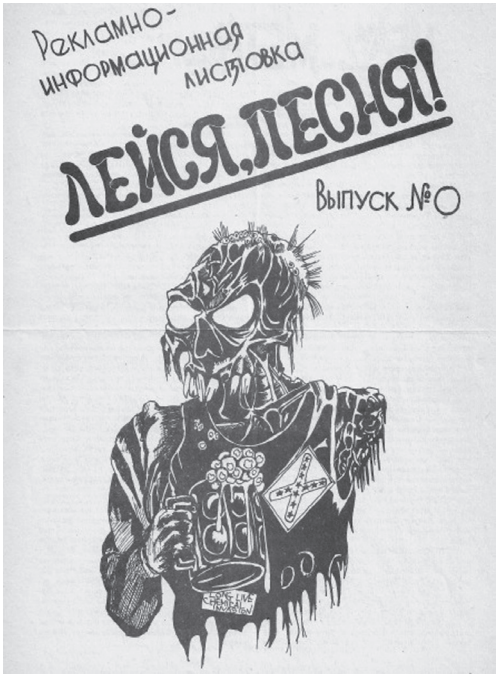
сандру III восстановлен, а улице Богдана возвращено название Чудотворская.

Когда все можно

Благодаря усилиям участников интернет-сообщества «Выставка-музей «Русское подполье. Осколки» (11) удалось восстановить наименее исследованную часть истории иркутского самиздата — рок-издания. До сих пор были известны лишь журналы «Благим матом» и «Магазин убитых». В 2015–2017 годах список иркутских рок-изданий пополнился газетами «Всем назло» (Иркутск, 1991 год, № 1), «Лейся песня» (Иркутск, 1992 год, четыре выпуска), журналом «Куда идешь» (Шелехов, 1997–1999 годы, № 3–5) и журналом, который трижды менял название: «Школа» — «Эклектичный рок-журнал» — «Эклер (ж)» (Ангарск, 1997–2004 годы, № 1-14, 16-20). Несмотря на низкое качество сканирования, публикацию этих изданий в открытом доступе стоит считать важным событием, заполнившим сразу две лакуны в истории иркутского самиздата — хронологическую и географическую.

По своему содержанию перекликаются «Всем назло», «Лейся песня» и «Эклер (ж)» — по сути, это каталоги студий звукозаписи, по которым можно было заказать ту или иную редкую аудио-запись редких российских или малоизвестных иркутских и ангарских групп. В определенный период (середина 1990-х — первая половина 2000-х) подобная печатная продукция составляла существенную часть всех малотиражных неофициальных изданий. Существенное отличие «Эклер (ж)» состоит в пространных авторских рецензиях на различные аудио-записи, из-за чего издание формата А4 набирало объем по несколько десятков страниц. Резкие суждения редактора и издателя В. Колотова сделали журнал известным далеко за пределами Иркутской области, а впоследствии и вызвали обширную переписку с обиженными музыкантами — часть этих писем также опубликована. Автор-издатель иллюстрировал журнал коллажами и рисунками, часть которых, видимо, выполнил сам.

Четырехполосная при формате А3 «Всем назло» не имеет никаких выходных данных (за исключением фразы «Отпечатано в типографии «Восточно-Сибирская правда»), что роднит ее с классическим самиздатом, однако по способу печати, объему и содержанию это уже переходная форма, приближающаяся к современному рекламно-информационному изданию. Газета имела статус «Издание



МСА при Театре пантомимы Иркутского отделения Советского фонда культуры» и временное название — редакция объявила конкурс на новое, более комфортное для всех. В составе МСА была и постоянная торговая точка по продаже кассет, пластинок и рок-изданий в магазине «1 000 мелочей» — поклонники того или иного направления могли отправить в редакцию предварительные заказы на какую-либо запись. По содержанию газеты можно без труда определить, что в составе редакции были настоящие поклонники рок-музыки: опубликованный на первой полосе рок-календарь на январь и февраль включал даже такие события, как «неудачная проба «Битлз» на студии Дека Рекордз». Впрочем, сильна была в издателях и коммерческая жилка — любой желающий мог разместить в издании свою рекламу по весьма умеренным расценкам.

Более скромная по объему газета «Лейся, песня» (формат А5, объем от 4 до 12 страниц) была, по сути, рекламным изданием студии NUT, занимавшейся продажей пластинок и аудиокассет. Газета, или листовка, как называли ее сами безымянные авторы, делала ставку на нормативную лексику и эксклюзивные материалы, рекламировала радиостанцию «Инта-радио» — вероятно, радиостанция в свою очередь рекламировала предложенные газетой музыкальные записи. Издание распространялось на двух постоянных точках — в холле кинотеатра «Гигант» и на химическом факультете ИГУ.

Самой поразительной публикацией во всем издании было пространное, растянувшееся на все четыре выпуска, интервью с не самой популярной рок-группой «свердловской школы» «Апрельский Марш». В то время, когда новые издания появлялись и закрывались практически каждый день, нужно было быть очень самоуверенным человеком, чтобы решиться на такую публикацию. Тем более, что большая часть издания была посвящена скорее «металл-року» — кто-то увлекался им до того серьезно, что в № 2 восемь страниц были отведены под публикацию текстов одной из групп на английском и русском языках. Попытки как-то разнообразить газету мини-рецензиями на иркутские группы и такими же крохотными репортажами с концертов этих групп оказались неудачными: авторы слишком хорошо понимали, насколько все происходящее в Иркутске вторично и примитивно даже по сравнению с Москвой, Ленинградом и Свердловском.

Журнал «Куда идешь» относится к совершенно другому стилю: рок-музыка является важной и может быть даже определяющей частью его идеологии, но основная часть текстов посвящена не коммерческой, а философской и общественно-политической стороне явления. Автор значительной части текстов и редактор журнала А. Колованов включил в три выпуска интервью с лидером Иркутской организации Конфедерации Анархо-Синдикалистов И. Подшиваловым и активистом Национал-Большевистской партии У.-С. Бедойя, историю небольшой группы пацифистов «Морское братство» и другие тексты, освещающие деятель-

ность неформальных организаций Иркутской области.

Самиздат – бесконечная история

Нет никаких сомнений в том, что найдено еще далеко не все, и история иркутского самиздата еще скрывает в себе имена, тексты и издания, созданные в не самые благополучные для неподцензурного творчества времена. Автор будет признателен читателям «Иркутского Краеведа», которые смогут рассказать об известных им участниках самиздатского процесса.

Примечания

1. Придуман поэтом Николаем Глазковым как пародия на государственные издательства «Политиздат» и т. п.

2. Скращук В. В. Школьный журнал «Черные крылья». Частный случай борьбы идеологий в период сворачивания НЭПа // Сибирские огни – 2015 – № 7 – с. 128-145 [http://www.sibogni.ru/sites/default/files/2015-7.pdf].

3. Скращук В. В. К истории иркутского самиздата / В сб. Уроки демократии. Становление прав личности, свободы слова и гласности в Иркутской области. Сост. Бобкова Г. И., Хороших Г. К. – Иркутск, Иркутский городской общественный фонд «Пресса и общество», 2002 – с. 23-76.

4. Черных Б. И. Озими / В сб. Избранное в 2 томах. Том II. Старые колодцы – М.: Европа, 2007 – с. 197-276.

5. Скращук В. В. Дело Сергея Боровского: линия защиты / В сб. Acta Samizdatica / Записки о самиздате. Вып. 3 / Сост. Е .Н. Струкова, Б. И. Беленкин, при участии Г. Г. Суперфина; Государственная публичная историческая библиотека России; Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал». – М., 2016 – с. 133-148.

6. Мазитов Вадим Валерьевич (8 апреля 1960, Иркутск — 18 октября 1999, Иркутск) — советский и российский рок-музыкант, поэт, основатель и бессменный лидер рок-групп «Берег» и «Принцип Неопределённости».

7. Кушнир А. «100 магнитоальбомов советского рока» - М.: «Аграф», 2003 – 400 с.

8. У одного только Эраста Бутакова их вышло двенадцать.

9. Обычно для удобства ксерокопирования объем делали кратным 4 - таким образом, все страницы были заполнены текстом или иллюстрациями.

10. Булев Анатолий Кузьмич — арестован в Ленинграде в 1952 за одиночную демонстрацию у входа в Смольный с плакатом «за коммунистические убеждения и отстаивание их партийными руководителями». Политзаключенный (1952–54, 1958–61, 1963–67, 1979–87). Подвергался психиатрическим репрессиям [http://old.memo.ru/history/diss/perecen/diss_05.htm].

11. Сообщество коллекционеров и сотрудников редакций самодеятельных журналов. В коллекции сообщества представлены около 400 выпусков различных изданий 1960–2010-х годов. В основном представлены издания, посвященные рок-музыке и рок-культуре, встречаются общественно-политические и литературно-художественные газеты, бюллетени, журналы и листовки.

Ольга Фокина

НАША СИЛА!

Кедровая аллея, березовая роща —
Единство непокорных красот нашей Руси.
И в этом наша сила великого народа,
И в этом благородство духовных наших сил.

Великие дубравы склониться не посмели,
Хотя их бурный ветер клонил усердно вниз.
Но процветают сосны, и процветают ели,
И не сдаются гордо на глупый, злой каприз.

Не смейте великаном клонить их глупой силой,
Срубать и жечь дубравы могучей стороны,
Не посрамить нам, люди, наш край родной и милый,
И не испортить дерзко той дивной красоты.

Пусть процветает лес наш, как сильная держава,
И неподвластно будет кому-то нас сломать,
И для победы нашей держаться вместе надо,
Как лес могучий, сильный, что надо сберегать!

К РОДНЫМ БЕРЕГАМ

Мой славный город, милый Усть-Илим,
Родной навеки и непобедимый.
Хочу, чтоб так, как мною ты любим,
Ты был навеки Ангелом хранимый.

Ты самый главный в жизни горожан,
Тебя забыть не в силах, даже если
Увидеть много новых дивных стран,
Но не найти чудес на новом месте…

И каждый житель — каждый здесь талант,
И мы гордимся городом красивым,
Артист, поэт, художник, музыкант,
Споём, напишем о тебе, о дивном!

А Усть-Илим — то сила и очаг,
Надежда, вера и любви мгновенье.
Любуясь городом, ты будешь очень рад
И небу чистому, и ветра дуновенью,

И доброте шагающих людей,
И травам в островках таких зелёных,

И солнцу, нет которого родней,
Красотам всем, мечтами оживлённым.

Порой суровый наш сибирский дивный край,
Но в дни морозные нам душу согревают
Улыбки милых лиц и снежный рай
И небеса, где взгляды утопают.

В душе моей сейчас искры полёт,
Простор мечты, салют очарования…
Кто в Усть-Илиме был хоть раз, меня поймет,
Оставив душу Ангаре на врачевание.

Я ЛЮБЛЮ УСТЬ-ИЛИМСК!

Я люблю молодой Усть-Илим,
Он красивый такой, загадочный,
И в разлуках скучаю за ним,
Как за милой страною сказочной!

В нем родная душе детвора,
Лица милые все и родные!
В этом городе столько добра!
Не нужны никакие другие.

Ветерок, что ласкает любя,
Солнце то, что на свете дороже.
Усть-Илим — как люблю я тебя!
Всё на свете народ наш сможет.

Воздух чист, и вода так чиста,
И погода хорошая радует,
А вокруг красота — тайга,
Что богатством своим щедро балует!

Нет красивее наших домов,
И проспектов, манящих сказочно,
Здесь наш край, здесь наш дом и наш кров,
Здесь душе каждый день моей празднично.

Не покину я город родной,
Хоть бываю порой за пределами,
Я всегда возвращаюсь домой,
И горжусь мастерами умелыми,

Что построили город-мечту,
Среди райской природы дивной,
Берегите, народ, красоту!
Берегите наш город любимый!

Виктор Бронштейн

Ольхонский прорыв Даши Намдакова

Среди коренного населения Прибайкалья, испокон веков исповедующего шаманизм, а позже и буддизм, бытует совершенно твердое убеждение, что Ольхон — не просто сакральное место, а самое-самое на огромных российских и монгольских просторах. Нередко его называют даже Сибирской Меккой с уникальной шеститысячелетней языческо-шаманской историей. Лично меня при ближайшем знакомстве с Ольхоном, с его историей, с легендами и с заветными местами охватывает восторг. Хотя по натуре я скептик. Правда, поклоняться природным явлениям, какими бы замечательными они ни были, по православному вероучению не положено. Но что делать, если в сакральных местах так и хочется прочесть молитву Христу и Божьей Матери, а также поклониться местным легендарным духам — Хозяевам Байкала и Ольхона, по своему намоленных братским народом. В детстве, когда я бывал на острове, не поклонялся ничему из пионерских и комсомольских, а позже из коммунистических соображений, железного атеизма.

В ту пору не только сакральность Ольхона, но и православная и еврейская Пасхи, которые так трепетно организовывали наши бабушки, считались пережитком прошлого. Теперь же я с острой ностальгией вспоминаю о том времени и испытываю огромную благодарность к бабушкам, изо всех сил старающихся сохранить для нас хоть какие-то традиции.

Но годам к тридцати пяти, уже в перестройку, когда ослаб идеологический пресс, а глубочайшая русская поэзия 19 века, вооруженная философской мыслью, подвела меня вплотную к вере, я окрестился.

Храм, в котором я крестился, расположен не на самом Ольхоне, однако все же на святом для памяти моих предков байкальском берегу — в поселке Листвянка. Но и после крещения поиски Бога продолжились. В этих поисках я не одинок. Подавляющее большинство русских писателей и поэтов даже Золотого века всю свою жизнь размышляли о Боге, то приближаясь, то удаляясь от истинной веры. Главное в этом поиске, на мой взгляд, убедиться в существовании тонких миров. По-настоящему я почувствовал их не в церкви и даже не в Тихвинском монастыре, где добрый десяток лет подвизался мой племянник, отец Иннокентий, а на острове Ольхон и на буддистском молебне в большой и дружной семье нашего друга, великого скульптора современности Дашинимы Намдакова. Укрепилась при этом и моя православная вера. Проходил молебен в его родном селе Укурик Читинской области. В существовании тонких миров убеждает и вся история жизни Даши и его чудесного исцеления с помощью врачевательницы шамана. Об этом я написал в книге «Лабиринты судьбы».

Дух бурятского народа в годы лихолетья спрятался в его родном языке, как в крепости, в которую не смогло ворваться многочисленное войско идеологических насильников. Отрадно, что такую же возможность имели и мои предки, жившие в Баргузине. Все они, так же, как на русском, прекрасно говорили на еврейском и бурятском языках. Никогда не забуду свое удивление, когда впервые услышал, как бабушка начала вдруг свободно разговаривать на неведомом мне языке. Кто образованнее: они с четырьмя классами, но умеющие и печку сложить, и дом собрать, и одежду сшить, и на разных языках говорить, или мы, пусть даже и с научны-

ми степенями — большой вопрос. То же и с верой. Думаю, к нам, современным русским, в первую очередь, а не к бурятам относятся слова замечательного краснодарского поэта Николая Зиновьева, высоко ценимого Валентином Григорьевичем Распутиным:

Вот сменила эпоху эпоха,
Что же в этом печальней всего?
Раньше тайно мы верили в Бога,
Нынче тайно не верим в Него.

Вечно озабоченные поисками опоры в вере большинство моих православных знакомых, уже немолодых людей, считают, что понятие «сакральные места» — это красивые языческие мифы, легенды и не более того. Понять их я могу, но согласиться — вряд ли. Действительно, с православной точки зрения, природу обожествлять нельзя. Но, с другой стороны, кроме икон и мощей христиане не отрицают намоленность самих храмов. Чем старше храм, тем он больше намолен, не только его иконы, но и стены считаются чудодейственней.

Нами ведь также почитаются и облачения, и камни, и пещеры, которые имеют отношение к жизни наших святых молитвенников. Например, на Валааме местом паломничества стала пещера, в которой нес свой духовный подвиг Александр Свирский, а в Крыму — пещеры первых христиан. Камень, на котором был как бы алтарь Серафима Саровского, почитался в такой мере, что постепенно был разбит, а кусочки его растеклись по рукам многочисленных православных. Но и у шаманистов основные сакральные места — пещеры. Они также намолены ни кем иным, как нашими родными дохристианскими предками за долгие века и даже тысячелетия. Божественно-человеческой энергии в стенах пещер и в скалах никак не меньше, чем в наших сравнительно молодых храмах! Не можем ведь мы утверждать, что Господь, еще не пославший в мир Христа, был глух к своим чадам. Не могли же они быть христианами до рождения Христа, а значит упрекать их и наказывать невниманием нельзя.

Есть на Ольхоне и особо почитаемые места. По местным поверьям — это призрачный земной дворец главного духа–хранителя острова хана Хутэ Баабая, пещера и две скалы на мысе Шаманка, или по-новому, по буддистски — мысе Бурхан, а также скала Жима на мысе Ижим. Причем, мыс Шаманка считается в Азии одним из девяти чудес света.

Характерно, что немало буддистов и шаманистов, в том числе и Даши Намдаков, почитают и наши главные символы веры — он охотно ставит свечи возле проникновенных икон.

Несколько лет назад на Ольхоне в замечательном месте на берегу Байкала, примерно в километре от мыса Бурхан, появился очень уютный и душевный небольшой православный храм, в котором я, конечно же, каждый раз молюсь, бывая на чудесном острове.

По-настоящему открыл для себя Ольхон я всего пять лет назад, в 2011 году (статья написана в 2016 году - ред.), и убедился в его чудодейственности на собственном опыте. Это был, пожалуй, один из самых эмоционально тяжелых периодов жизни, когда я впервые в послеинститутскую пору пребывал на грани депрессии. К тому времени с момента семейного краха прошло уже около семи лет, а на горизонте так и не появилась та единственная, кого можно назвать любимой, и кто помог бы снять тяжкий крест семейной бесприютности.

В начале того памятного лета давняя приятельница-галерист Диана Салацкая пригласила меня в компании ее друзей на Ольхон для открытия выставки живописи. Быстро и шумно пролетело двое суток, и все гости выставки тронулись в обратный путь. Меня же как будто неведомая сила удерживала на Ольхоне, не давала уехать. Я с щемящей грустью провожающего остался в гордом одиночестве.

Днем я немало бродил по берегу Байкала, а каждое утро, не зная еще обо

всех строгостях, связанных с сакральными местами, забирался на скалу Шаманку и не раз по стволу наклонно стоящего в ней дерева пролезал сквозь священную пещеру и выходил на свет Божий буквально из под земли. Бывал я и на самой конечной точке острова — величественном мысе Хобой со скалой в форме заколдованной девы. По шаманским верованиям, это главное место для мольбы о семейном счастье. Правда ехать до него от главного ольхонского поселка Хужир километров 30-35, растягивающихся с учетом лесных дорог более чем на час. Тогда я еще не мог и помыслить, что вскоре после Ольхона подружусь с великим скульптором Даши Намдаковым, а это волшебное место притянет к себе взор нашего великого земляка и вдохновит на беспрецедентный байкальский проект.

В те дни на Ольхоне, если пользоваться понятиями восточной медицины, у меня как будто открылись закупоренные после семейных потрясений чакры. Я с новой, почти детской, поэтической свежестью начал ощущать окружающий мир со всей его величественной и вечной красотой. По-новому я услышал и воспринял душой и сердцем были и легенды древней ольхонской земли.

А главное, что моя мечта о любви и о семье в этих сакральных местах начала приобретать вполне зримые очертания.

Думаю, что не только в моей судьбе отпечатался сакральный остров, спасая от одиночества и депрессии. А кто же поможет ему и в целом Байкалу?

Из-за варварских вырубок леса страдает огромное множество питающих Байкал ручьев и небольших рек, а еще и Монголия грозится построить на главной кормилице Байкала — реке Селенге каскад электростанций и обескровить Великого Старца.

Чудодейственным импульсом к спасению Байкала может явиться скульптура Даши Намдакова «Хозяин Байкала», ее замысел уже не только созрел в голове скульптора, но и воплощен в скульптурном эскизе. Сегодня впервые публикуется его снимок, который Даши Намдаков прислал мне из Англии буквально вчера. Очень важно, что этот проект заинтересовал весьма высоких руководителей российского государства, и они изъявили желание поучаствовать в открытии уникальной скульптуры, которая через своих собратьев в центре Лондона, в Китае и в других странах обязательно будет сигналить о бедах Байкала и взывать ко всему миру о помощи.

«Я рисую до тысячи эскизов, – говорил мне Даши, – до тех пор, пока сама рука, кем-то ведомая, не найдет единственные, самые-самые заветные гармоничные линии, и эскиз скульптуры не оживет, обретая законченный живой вид. Если в нем что-либо нарушить, то настоящего произведения искусства не будет, получится обыкновенная поделка или подделка».

Наш разговор происходил на Ольхоне солнечным утром, омытым и подрумяненным свежим байкальским бризом, недавно избавившим сакральный остров от удушливого запаха гари. На нас были нацелены две кинокамеры и пять пар внимательных глаз ВГИКовских студентов и их мэтра — опытнейшего кинооператора и преподавателя этого легендарного вуза — Вячеслава Сачкова. Главный режиссер фильма, дважды лауреат государственной премии, автор множества фильмов, в том числе «Неизвестный Путин» (90 годы), участвовал в съемках по интернету, находясь, кажется в Нью-Йорке.

Запомнилось, как на пределе сил немолодой уже мэтр кинооператор, с камерой весом более 20 кг, со слегка посиневшими от напряжения губами штурмовал крутую гору. При этом, как во время боя, он умудрялся еще вести съемку восходящего по склону к самому небу главного героя…

Я глядел на его напряженное творчество и радовался, что мы все же успели подписать надолго застрявший договор между мной как главным финансистом

фильма, но новичком в мире кинопроизводства, и киностудией «Остров» во главе с асом этого дела Сергеем Мирошниченко. А стартовым выстрелом к срочному подписанию стало внезапное решение Даши посетить в начале августа остров Ольхон, где предполагается установка его заветной скульптуры. Съемку фильма решено было начать с выбора места, где будет реализован этот мистический проект.

Жаль, конечно, что все мои права по договору в области контроля над использованием готового продукта и весомое слово в процессе производства фильма были сведены практически к нулю. Но в этом не столько воля «злого» партнера, сколько логика самого процесса кинопроизводства и объективная реальность кинопроката. Мэтр кинопроизводства рассказал мне, что если ближе к окончанию фильма не подключить к обсуждению и к частичному финансированию телевизионщиков, от которых зависит кинопрокат, то бесплатно попасть на экраны да при этом еще получить какие-то деньги будет очень непросто, а скорее всего и невозможно. Их слово по сюжету, таким образом, должно быть очень близко к решающему, т. к. в том, чтобы затраты окупились хотя бы частично, а главное, в прокате заинтересованы все.

Сергей Мирошниченко объяснил мне, что в творческом запале желаемое мной активное участие галереи в самом фильме выдал за возможное, но затем разговор о фильме с практичными телевизионщиками, к которым, к слову сказать, относится и его дочь — директор телеканала «24 ДОК», внес коррективы. Сергей Валентинович напомнил мне, что в своих фильмах даже он, ведущий, сам остается за пределами кадра. Прямо как в сказке «Аленький цветочек» про девушку и чудище — подумалось мне. Этот режиссерский прием, когда голос звучит за кадром, мне, как зрителю, не показался оправданным. В частности, в фильме «Рожденные в СССР» интересно было бы проследить не только, как за 20 лет изменились главные персонажи, но и автор, его жизнь и взгляды. Но спорить с профессионалом такого уровня вряд ли допустимо. Несмотря на некоторые разногласия, уверен, что именно к таким людям относится высказывание Фаины Раневской: «Боже мой, я уже настолько стара, что еще помню порядочных людей». Привыкший за много лет ко всяким сбоям и даже к абсурду в творческой среде, я не особенно удивился то ли принципиальному изменению позиции заслуженного режиссера относительно участия галереи, то ли моему ошибочному пониманию нашей устной договоренности при рождении проекта.

Поэтому больше месяца я был в нерешительности, естественно, не посвящая в свои раздумья Даши. И вдруг пришло нежданное, можно сказать, чудесное спасение. Волшебником, который только один и способен творить чудеса в моем очень немалом окружении друзей и знакомых, как нетрудно догадаться, явился сам главный герой фильма.

Неожиданно для всех, в том числе и для себя самого, мастер загорелся идеей вместо первоначально задуманного фильма о создании скульптуры Князя Владимира безотлагательно сделать сакральное подношение Байкалу, установив грандиозную скульптуру Хозяина этого великого озера, олицетворяющего малую Родину. Естественно, что в роли Хозяина Байкала выступает не рабочий класс, крестьянство и трудовая интеллигенция, как любили говорить у нас в эпоху социализма, и не очередной высокий начальник, а мистический, древний, как сам Байкал, которому 25 миллионов лет, Дух его Хозяина и Хранителя.

Некоторые наши разногласия с режиссером о роли галереи в фильме возникли в тот момент, когда в основе сценария лежала скульптура Святого Владимира. Ее планируют установить в момент пуска Крымского моста на берегу двух морей. Это громкое всероссийское событие было, увы, очень далеко и от моей галереи, и от меня, и от нашей с

Даши малой Родины. Байкал же со всеми его великими красотами и не менее великими бедами и остров Ольхон — в русле выставочного плана нашей галереи и моей душевной боли о судьбах самого озера и самобытного бурятского народа, живущего по его берегам. Выставка живописи, художественной фотографии и инсталляции пройдет, по-видимому, ближе к открытию скульптуры, но не будет совмещена с ней, т. к. в это время (летом 2017 года) будет организована юбилейная выставка работ самого Даши (статья написана в 2016 году - ред.). Предварительно в стенах галереи запланировано даже проведение научной конференции по спасению великого озера. Возможно, состоится и международная конференция по творчеству нашего прославленного земляка. При таком подходе галерея и мы органически вписываемся в ткань фильма. Привлечь внимание наших правителей и мировой общественности к Байкалу никакая конференция, пожалуй, не в силах. Иное дело — грандиозная скульптура большого мастера. Она — все же первое, единственное подобное творение человеческих рук на берегах озера. Местные буряты-старожилы считают, что никто и никогда не пытался призвать из далекой-предалекой древности ликующий от того, что о нем вспомнил мир, дух хозяина Байкала. Чем больше чтим мы духов, тем они сильнее, полагают местные буряты, тем краше и защищеннее местность, и тем больше помощи от духов и радости от природы получают люди. С этим, наверное, не поспоришь. Не могут люди, почитающие духов местности, не беречь природу.

Поскольку во многих местах Байкала поклоняются разным духам, то скульптура представляет собой древний собирательный образ, созданный как бы самой природой. Похожа она, как мы видим, будет на широченное, в несколько обхватов, ветвистое шагающее дерево с вместительным то ли дуплом, то ли небольшой пещерой со входом от самой земли, разрезающей ствол таким образом, что дерево должно двигаться. Ветви же дерева с колокольчиками и камнями похожи на рога огромного оленя и соответствуют древнейшим наскальным рисункам. Кстати, совсем недавно в книге профессора 20-х годов прошлого века, заведующего этнографическим кабинетом Иркутского Государственного университета Бернарда Эдуардовича Петри я наткнулся на упоминание в языческих легендах разных северных народов о мистическом «Шаман-дереве». Глядя на шедевр Даши, я не могу отделаться от ощущения, что автору, который имеет в том числе шаманские корни и способности, удалось перенестись на миллионы лет назад и увидеть вовсе не дарвинскую и иную эволюцию жизни на нашей планете. Может быть, действительно от обезьян (во всяком случае, в духовном плане) произошли только те, кто имеет, увы, преобладающую в человечестве рабскую психологию, а могучий дух пассионариев (термин Льва Гумилева), в том числе и настоящих шаманов, созревал и пестовался силами всей земной природы. Неслучайно, по бурятско-шаманским верованиям, разные роды бурят произошли с участием и девушки-лебедя, и орлов, и оленей и некоторых обитателей вод. Обезьян среди их предков народные поверья и легенды не помнят. Да и не так важно, в конечном счете, как произошло человеческое тело — от обезьяны или от древних людей. Куда важней, как сформировался дух настоящего свободного Человека.

Гениальная скульптура нашего земляка отвечает как раз на этот вопрос. Деревья, звери, первобытные люди и вся земная природа со всеми ее стихиями, очень похожими на человеческие страсти — с громами и молниями, с бурями и камнепадами, с извержениями вулканов и цунами, теплыми и ласковыми восходами и закатами — формировала миллионы лет дух человека.

Данная скульптура для мастера не простое, а глубоко личное мистическое произведение. По его убеждению, чтобы не гневить духов, спонсором проекта мо-

жет быть только тот, кто корнями связан с Прибайкальем, искренне любит его, имеет чистые руки и, желательно, слышит стон самого израненного нашей варварской цивилизацией Хозяина Байкала.

В результате нашей экспедиции на остров для установки скульптуры было выбрано место буквально на краю земли ольхонской, на огромной скале мыса Хобой, круто обрывающейся в Байкал с более чем стометровой высоты. Рядом с ней по всему периметру большой холмообразной поляны — почти такие же могучие утесы, разве что чуть-чуть по росту уступающие выбранному. Интересно, что когда мы предложили Даши посмотреть еще один утес, то его главным и единственным аргументом против поиска нового варианта было: «Я чувствую, что скульптура должна стоять именно здесь». На такой аргумент художника от Бога возразить нечего.

Но в чем-то все же и Даши нужно было чуточку притормозить. Для того, чтобы скульптуру можно было разглядеть с Байкала хотя бы в бинокль, он замыслил поставить ее на самом краю обрыва. Бесспорно, это самое красивое и поэтичное место. Смонтировать скульптуру, если постараться, пусть и с немалыми трудностями, возможно и у обрыва. Но как поручиться за безопасность туристов, особенно если одновременно их будут десятки, а то и сотни человек? Где гарантия того, что толпа непреднамеренно не вытеснит кого-то со смотровой площадки в окружающую ее скалистую бездну?

Ох, как художнику не хотелось отступать с уже занятой его воображением высоты. Но ничего не поделаешь: и гениям когда-то приходится слушать холодный голос рассудка. «Почему Господь не создал летающих людей», — с грустью заметил мастер, цепляющийся в мечтах за каждую пядь так приглянувшегося ему утеса. В своем творчестве Даши не раз, хотя бы частично, исправлял этот «пробел Создателя». Во всяком случае, в имеющейся у нас в галерее скульптуре «Вдохновение» мальчик сидит верхом на крылатом единороге, напоминающем сказочного Пегаса, на похожем коне восседает и кукольная принцесса. Им не страшен никакой обрыв. Но поскольку умение летать не приобрело еще массового характера, и не у всех есть Пегасы и крылатые единороги, художнику слегка придется наступить на горло собственной песне и отступить от края обрыва на безопасное расстояние.

Долгие переговоры со студией по поводу договора, его подписание, перечисление средств, грань срыва поездки москвичей, невозможность прибытия мастера, поломка вертолета, проба пера в написании фрагментов сценария — всё позади, появилось ощущение, что добротный фильм, в том числе и с показом, извиняюсь, нашей, в чем-то уникальной, галереи, будет обязательно рождён. А дополнительную остроту ему придадут освещение проблем защиты Байкала, а также бурятских традиций, связанных с исконной религией шаманизмом и с умирающим ныне бурятским языком. Весь этот пласт проблем нужно будет осветить в пятидесятиминутном фильме через призму создания скульптуры и формирования личности самого мастера в колыбели расшатываемой сегодня уникальной бурятской культуры. Как здесь не вспомнить советские годы, когда культивировалось более бережное отношение к языкам национальных меньшинств. Немало школ раньше вело преподавание на самобытном родном языке малых народов. Поэтому многие буряты старшего поколения, чье детство и юность прошли в спокойное догорбачевское время, хорошо говорят на родном языке. Сейчас же бурятский язык отмечен в ЮНЕСКО как исчезающий. И только отдельные энтузиасты, например, близкий друг Даши, предприниматель от Бога Владимир Дмитриев материально поддерживают родную культуру. Недавно Владимир приступил к финансированию возрождения радиопередач на родном для него бурятском языке. Если же исчезнет язык, то не сохранится и самобытная

культура, породившая и крупнейшего бурятского ученого Цыбена Жамцаранова, и Даши Намдакова, и драматурга Александра Вампилова, и писателя Кима Балкова, и замечательных художников Аллу Цибикову, Зорикто и Бальжиниму Доржиевых.

Сам Даши и многие его сверстники, когда пошли в интернат, т. к. в его родном селе Укурике не было школы, по-русски не разговаривали. До сих пор, когда есть возможность, все самое сокровенное Даши обсуждает на языке своего детства...

Знакомство с Ольхоном на предмет установки скульптуры неожиданно открыло для меня почти неведомый ранее мир новой, отличной от моей, но чрезвычайно интересной шаманско-языческой древней культуры. Какое чудо, что, несмотря на все гонения, ее ростки не удалось уничтожить, и она, как боготворимые ею растения, пробивается сквозь мертвый асфальт выхолощенной современности.

Не знаю, язычество ли это, но когда встречаюсь с Байкалом, то каждый раз думаю о том, что и мои крепкие баргузинские предки-долгожители, наверняка, также любовались великим озером, купались в его водах, утоляли жажду и посылали эту священную воду в каждую клеточку своего организма, всегда почти физически ощущал присутствие прадедов вблизи Байкала и обращался к ним со своими словами.

***

В молитве я предков своих
вспоминал,
Желая им светлого рая,
И парус-мираж на меня наплывал,
И чаек тревожилась стая.

Как пастырь суровый,
Байкал мне внимал,
Спокойный от края до края.
И лодку из прошлого он посылал,
Связному времен доверяя.

Игорь Жидиль

Ангинский железоделательный завод

Начало XVIII века отмечено бурным освоением и развитием Прибайкалья и Сибири в целом. В связи с основанием новых городов, сел, деревень, починов, распашкой новых земель, увеличением числа ремесленников и промышленников возникла большая надобность в железных изделиях. Всё железо в тот период, не считая продукции местных сыродутных горнов, возилось с Уральских заводов.

Доставка с Урала до Иркутска увеличивала себестоимость продукции в несколько раз, что сказывалось на развитии региона. Стоимость перевозки пуда железа из Екатеринбурга обходилась казне в 1 руб. 38 коп. при цене пуда на Урале в 45 коп., поэтому конечная цена в Иркутске казенного железа составляла 1 руб. 83 коп. Нет сомнений, что значительно выгоднее было бы иметь металлургические заводы на месте, тем более, что запасы железных руд разведанных месторождений Восточной Сибири были большими. Следовательно, совершенно неслучайно, что в первой половине XVIII в. в Восточной Сибири начинают возникать вначале железоделательные, а затем и чугуноплавильные заводы мануфактурного типа.

Первые заводы в Восточной Сибири возникают с подготовкой и проведением Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга (1733–1741 гг.), для которой нужно было построить и оснастить тринадцать кораблей. В 1732 году на притоке Ангары реке Тельме был построен Тельминский завод, продукцией которого являлось металлическое оснащение для судов экспедиции, а также сельскохозяйственные орудия и другие изделия для нужд местных потребителей. Однако вскоре снабжением экспедиции занялся завод, построенный на реке Тамге. Тамгинский завод был основан в 30 верстах от Якутска, ближе к месту строительства экспедиционных кораблей. Действие Тельминского предприятия было приостановлено. Завод проработал около двух лет и после передачи снабжения Северной экспедиции Тамгинскому заводу пришел в запустение, охотников приобрести Тельминское предприятие долго не находилось. Только в 1736 году завод был продан купцу Якову Бобровскому, который использовал его для своей Тельминской суконной мануфактуры. Оба эти завода были казенными, работающими в основном на подневольном труде. Заводы были «колотушечными», т. е. из руды в горнах получались крицы, а последние проковывались молотками в «дельное» железо. Качество железных изделий таких заводов не имело преимуществ перед продукцией сыродутных горнов ремесленников.

Первое доменное частное металлургическое предприятие в Прибайкалье возникает на реке Анге благодаря иркутскому купцу Ланину Федору Алексеевичу (старшему) 1708 г.р. Завод свой Ф. Ланин строит близ озера Байкал на речке Анге. Местные жители тех мест плавили железо задолго до появления русских. Из обилия в районе выходов пород железной руды, наличия железоплавильных горнов разных времен, древних стоянок следует, что человек облюбовал эти места еще с каменного века. Горны долин рек Анги, Кучелги, Шиды, Курмы, и острова Ольхон говорят об укрощении железа огнем по всей территории Приольхонья. Русским стал известен этот богатый железорудный район еще с первого похода на Байкал отряда Курбата Иванова.

Значимую роль в развитии металлургического производства в России в

XVIII в. имел такой исторически важный документ, как «Привилегия о рудах и минералах» Петра I, опубликованный 10 декабря 1719 г. в связи с учреждением Берг-коллегии. Документ разрешал всем и каждому независимо от чина и достоинства, во всех местах, как на своей собственной, так и на другой земле, искать, плавить, копать, варить и чистить всякие металлы: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо. Всем, кто изъявит желание искать руды, строить заводы, обещалась помощь как добрым советом, так и заимствованием денег. Берг-привилегия гарантировала право наследственной собственности на заводы, ограждала промышленников от вмешательства в их дела местных властей.

В 1739 году Ланин получает разрешение на постройку завода «поблизости Байкал моря на Анге речке». Расходы на сооружение завода Ланин определил к 1745 г. в крупную сумму — 17 106 руб. Завод имел большую мощность, несколько сыродутных горнов и доменную печь (домницу), выпускал не только железо, но и чугун. В своих летописных записках Антон Иванович Лосев писал, что завод находился «от Иркутска к востоку в 180, а от Байкала в 12 верстах при реке Анге, между гор в пади. Потребные леса для завода имеются вблизости, железной руды, извести и горного камня там много. В первый раз на нем выделывалось в год железа более 10 тыс. пудов и немалое количество чугуна в разных поделках, в посуде и иных вещах. Обработанное железо и чугунные вещи удобно доставлялись в Иркутск водою по реке Анге, морю Байкалу и Ангаре».

С появлением предприятия Ланина связано запрещение сыродутных горнов в Восточной Сибири. Аналогичные запреты практиковались и в других металлургических районах России. Такими методами государство пыталось избавить крупные казенные и добившиеся привилегий частновладельческие предприятия от конкуренции мелкотоварного производства. Но запрет не означал фактического прекращения производства ремесленников. Ла-

Укрепленный берег

Останки доменной печи

нин жаловался, что «всякого чина люди в Иркутской провинции в острогах и слободах плавят кричное железо печками тайно». Указом Иркутской провинциальной канцелярии в 1741 году все сыродутные горны были запрещены (к этому времени в Прибайкалье находилось около 50 официальных горнов).

Ангинский (Ланинский) металлургический завод заработал 10 апреля 1741 года и имел, помимо доменной печи и нескольких горнов, плотину, мельницу, кузню и другие заведения. Выпускал 21 тыс. пудов чугуна и 10–12 тыс. пудов железных изделий — товары народного потребления (чугунную посуду: котлы, кувшины, чаши, сотники) и сельскохозяйственное оборудование (лемехи, топоры, кайлы, лопаты и др.). Завод работал семь месяцев в году с 1 апреля по 1 ноября. Зимой завод не действовал вследствие промерзания реки Анги.

Однако завод оказался нерентабельным, и владелец испытывал трудности в обеспечении завода рабочими руками и продовольствием. Квалифицированных работников катастрофически не хватало. Изделия завода имели низкое качество — «хрупко и ломко» — и большую цену. После закрытия сыродутных горнов в Восточной Сибири Ланин стал продавать свое связное и полосовое железо по 1 руб. за пуд, не делая никаких скидок для казны. До оного казна покупала у «промышленных вольных людей» привозимое в Иркутск железо за 20–25 коп. за пуд.

В 1739 году Берг-привилегия была дополнена Берг-регламентом. Разрешалась приписка государственных крестьян к частным заводам. Промышленники освобождались от пошлины на продовольствие и припасы, доставляемые на заводы.

Дела Ланина осложнились волнениями рабочих и крестьян в 1742–1748 гг. Начались побеги рабочих с завода. Только в 1742 году из 200 рабочих 21 ушли в побег. Работники бежали от тяжкой работы, неустроенного быта, скудного питания, жестокости и унижений со стороны хозяев и служащих. Для временных работников побег был связан с нежеланием выполнять какую-либо обязанность, повинность. При дефиците рабочих рук в Сибири любой человек из податных сословий мог быть принужден к такого рода работе и нередко спасался бегством.

Приписники были призваны на завод из ближних и дальних деревень вплоть до Братского острога. Находясь за сотни верст от своих наделов, работники вынуждены были в течение срока работ покупать продукты питания и фураж для лошадей на месте. Цена пуда муки на заводе стоила 60–70 коп. при рыночной 35-40 коп. за пуд.

Фактическое положение приписных крестьян на заводе было хуже положения обычных государственных крестьян, так как оплата их труда «была значительно ниже существовавшей рыночной цены рабочей силы». Независимо от характера выполняемой работы зачет производился только по одной расценке: конному — 10 коп. в день, пешему — 5. Завышал Ланин и нормы выработки. Крестьяне свидетельствовали о том, что Ланин обременял их «урошною работою такою, что один человек беспрогульно едва можно зделать в два дня, а он почитает за работу и по плакатной цене платит за один день». Поэтому крестьяне вместо положенного одного месяца задерживались иногда до двух.

Отсутствие оборотных средств вынудило Ланина обратиться за финансовой помощью в казну. Чтобы «больше тот завод для здешней обширной губернии распространить», надо было, по расчетам Ланина, иметь 5 тыс. руб. За весь XVIII век Берг-коллегией были выданы ссуды купцам в единичных случаях. Иркутская губернская канцелярия выдала просимые деньги при условии их возврата к 1 января 1745 г.

Срок погашения ссуды истек, заводчик объяснял задолженность «что те деньги употреблены на всякие заводские расходы, а потому же и вырученные ис продажи железа и чюгуна деньги на содержание ж оного употребляются и затем к отдаче оных не имеет». К осени 1746 г. Ланин уплатил только 1 073 руб. и, не погасив долга, уехал в Москву просить отсрочку.

Из Москвы заводчик так и не вернулся. Ангинский завод прекратил работу. Иркутская губернская канцелярия в 1753 г. описала как завод и имущество Ланина, так «и у поручителей все имение». За имущество Ланина и его поручителей казна выручила 5 187 руб. 71 коп. Хотя эта сумма и превосходила размер ссуды, тем не менее денег не хватило покрыть ее, так как казна насчитала Ланину 4 484 руб. 60 коп. процентов. Взыскать эту сумму никакой возможности не было, так как к тому времени Ланин и его поручители умерли.

Иркутская губернская канцелярия трижды объявляла о продаже Ангинского завода, но желающих не явилось. Более того, канцелярия пыталась навязать за-

вод местным купцам в принудительном порядке, но безуспешно. К 1767 г. часть плотины была снесена и завод в связи с этим оценивался только в 402 руб. Так как этой суммы было недостаточно, чтобы погасить числившуюся на Ланине недоимку, то Иркутская губернская канцелярия предложила Сенату «помянутой, заведенной заводчиком Ланиным завод со всем строением, материалами и припасами» конфисковать и передать в ведомство Берг-коллегии, чтобы последняя сделала «сходное с казенною прибылью и общенародною пользою на основании законов решение».

Только через четыре года Берг-коллегией было выполнено предписание Сената, и на Ангинский завод прибыл шихтмейстер на обследование состояния предприятия. Горный мастер Мирон Яковлев в своем отчете донес, «что тот завод по починке некоторого обветшалого строения, т. е. плотины и протчаго, может действовать и к действию как руд, так и других материалов и лесов есть довольно». Им были произведены расчеты о затратах, необходимых для возобновления работы предприятия. Денежные расходы должны были составить 1 250 руб. В обеспечении завода рабочей силой требовалось 97 мастеровых и 1 108 душ приписных крестьян.

В 1770–1775 годах Берг-коллегией предпринимались попытки найти заводу нового хозяина, но все закончилось безуспешно. Известно, что Ангинский завод в XVIII веке так и не возобновил работы.

«Летопись города Иркутска XVII–XIX вв.» гласит, что завод в первый год давал более 10 000 пудов (160 тонн) железа и чугуна. С этой цифры можно рассчитать объемы производства того времени. По технологии тех лет, чтобы получить пуд продукта, нужно было переработать руды в 2–3 раза больше в зависимости от содержания в ней железа. На один пуд руды приходилось древесного угля в 10 раз больше, его необходимо было получить курением в печах, занимающих большие площади. Для ускорения процесса получения железа при температуре меньшей его плавления был необходим флюс, в первую очередь, известь. Нужна была глина как скрепляющий материал. Для получения конечного продукта из чугуна нужны были литейные формы. Таким образом, деятельность завода включала в себя технологические процессы, связанные с получением и обработкой металла, заготовкой древесины и выжигом древесного угля, добычей и транспортировкой руды, извести и глины, строительством дощаников (небольшое плоскодонное несамоходное речное судно). Можно только представить, какой колоссальный объем труда в той глуши был необходим для деятельности завода и отправки в Иркутск его продукции.

Исследуя побережье Байкала в экспедиции 1772–1774 годов, этнограф И. Г. Георги пишет: «Ланинский завод был построен ещё в 1730 г., в 2-х географических милях (15-ти верстах) выше устья Анги, Иркутским купцом Ланиным, у подошвы крутой, каменной горы, на которой водится множество змей из рода Vipera. Кругом распространена роскошная альпийская флора». На карте Байкала 1806 года указаны «Слобода Кососстепская», «Д. Куратская», «Бывшей Ланинской Железной Заводъ».

Ланинский завод находился на излучине правого берега реки Анги у подножия горы между населенными пунктами Куреть и Еланцы Ольхонского района. В настоящее время на месте завода остались еле видные углубления почвы и торчащие остатки опор от заводских помещений, дамба и канава, отводящая воду из русла реки. Свидетелем железной работы стоят каменные останки доменной печи. Стенки, обожженные высокой температурой с внутренней стороны, развалились со временем в разные стороны. Размер печи в диаметре составлял около двух – двух с половиной метров и высотой около двух метров. Толщина стен составляет 80–100 см. На противоположном берегу

Дамба отводящей водяной канавы

реки, поперек поймы, на 90 метров протянулся насыпной холм высотой около трех метров. Берег реки укреплен бревнами. На склоне горы, у подножья которой стоит печь, видна небольшая каменоломня. Недалеко лежит куча железной руды. На месте завода найдены чугунные чушки и фрагменты чугунных котлов.

С давних времен человек пользовался железными рудами Приольхонья. По сей день здесь поклоняются местные буряты своим божествам–дарханам и почитают мастеров кузнечного дела. С появлением Ланинского завода на реке Анге на территории Ольхонского района появляются первые поселения русских.

Хочется выразить признательность всем людям, которые встретились на пути исследования темы Ангинского (Ланинского) железоделательного завода за проявленный интерес и предоставление своих знаний и опыта! Особую благодарность выразить краеведу Ольхонского района Н. А. Король, С. В. Снопкову за оказанную помощь и непосредственное участие в поиске завода! С. Н. Баргуевой, бывшему директору Краеведческого музея села Еланцы! Низкий поклон и вечная память Станиславу Андреевичу Гурулёву! Благодаря его труду «Географические названия Иркутской области» возник мой интерес к данной теме!

Основание и деятельность Ангинского железоделательного завода иркутского купца Федора Ланина требует более глубокого исследования, чтобы занять достойное место в богатой истории Байкальского региона.

Примечания

Гурулёв С.А. Географические названия Иркутской области, Топонимический словарь. — Иркутск. 2015.
Летопись города Иркутска XVII–XVIII вв. — Иркутск. 1996.
Чернигов А. К. Иркутские повествования. Т II. — Иркутск. 2003.
Комогорцев И. И. Очерки истории черной металлургии Восточной Сибири (дооктябрьский период). — Новосибирск. 1965.
Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводовладельцы. М., Изд-во АН СССР, 1962.

Станислав Гольдфарб

Новый начальник края

(К биографии Иркутского военного генерал-губернатора А. Д. Горемыкина)

Предшественником А. Д. Горемыкина был граф А. П. Игнатьев. В послужных списках и биографиях двух генералов много общего. У обоих за плечами военное образование в лучших военных учебных заведениях России, в том числе Николаевская академия генерального штаба, служба в элитных войсках (гвардейские полки), далее военная карьера, участие в различного рода государственных проектах. Игнатьев являлся членом Главного комитета по устройству и образованию войск, председателем комиссии по составлению проекта Устава о внутренней службе в кавалерии, Горемыкин — Подольским губернатором, председателем комиссии по решению земельных вопросов в Польше, и т. п. Оба из старых дворянских родов.

Историк-архивист Е. Шободоев, оценивая деятельность предшественника Горемыкина, писал: «Граф А. П. Игнатьев принял генерал-губернаторство Восточной Сибири, и на него, собственно, возлагалась окончательная реорганизация управления данной территорией. При этом он оставался командующим Восточно-Сибирским военным округом. Упорядочение форм административного и хозяйственного управления на громадной территории Восточной Сибири требовало не только теоретических знаний, но и практического опыта управления.

Сохранилось очень мало сведений о результатах деятельности графа А. П. Игнатьева в Иркутске. Подавляющее большинство его распоряжений по упорядочению местного административного управления было исполнено. При нем произошло значительное усиление административно-управленческого аппарата, в частности полиции всех уровней. Содержание, к примеру, городской полиции возлагалось на городские общественные управления. Они же несли и основную долю расходов на их содержание. Нет ничего удивительного в том, что в течение многих десятилетий городские общества не увеличивали эти расходы. А. П. Игнатьеву удалось добиться повышения финансирования и, соответственно, штата полицейских служителей. В частности, в Иркутске количество чинов полиции почти удвоилось. При этом улучшился и качественный состав служащих. В годы правления А. П. Игнатьева по его личной инициативе была проведена грандиозная в те времена работа по статистическому обследованию уездов Иркутской и Енисейской губерний, наиболее перспективных в дальнейшем развитии хозяйственных отношений. Изданные комиссией «Материалы…» до сих пор являются образцом классического статистического исследования и сохранили подробные и

богатейшие сведения о хозяйственном устройстве этих областей Восточной Сибири. В воспоминаниях современников Игнатьев остался не только деятельным администратором, но и молодым гвардейским генералом, представителем высшего света, задающим тон местному иркутскому обществу. Блестящие балы в генерал-губернаторском доме, куда приглашались не только высшие чиновники и купеческая знать, но и офицеры гарнизона и даже юнкера, надолго запомнились иркутянам» (1).

Проблема взаимоотношений генерал-губернаторской власти с местным обществом всегда имела некоторые особенности. Зоны турбулентности можно было разглядеть почти сразу. Во-первых, в обществе бытовало предположение, что власть в провинции вороватая. Во-вторых, «хороших» чиновников всегда не хватало. Под «хорошими» необязательно подразумевали людей добрых, справедливых, честных и т. д. Под «хорошим» имели ввиду образованных и квалифицированных, правильно толкующих законы. Дефицит таковых приводил к постоянным «закупоркам» во всех отраслях жизнедеятельности. К примеру, кто бы мог подумать, что развитие прессы в провинции тормозилось отсутствием должного числа цензоров! Наконец, все население сибирское (иркутское, томское, красноярское…) общество делило на «своих» и «чужих». Рождение в Сибири или в Холмогорах не являлось родовым признаком такого деления, хотя имело место быть. Право определения «свой–чужой» лежало тяжелым бременем на касте избранных «судий», которые кроме как «своими» и быть не могли. Ядринцев и Потанин, Вагин и Шашков, Щапов, Омулевский и др. известные коренные сибиряки, имеющие статус сибирских мыслителей, бескорыстных радетелей за будущее окраины, являлись жрецами, которые открывали или закрывали ворота в храм истинного сибирячества. К примеру, Дмитрия Клеменца — народника, участника героического хождения в народ, политссыльного — за его выдающиеся результаты в деле изучения Сибири Потанин скоро окрестил «своим», и этого оказалось достаточным для всего сибирского общества. Иных политссыльных, в особенности из числа так называемой интеллигентской уголовной ссылки, называли уничижительно «навозной интеллигенцией», и ни о каком сотрудничестве с демократической частью общества и речи быть не могло.

То же самое по традиции происходило и с чиновничеством: деление на приезжих — золотую молодежь — и доморощенных, которые и попроще, и победнее. Блестящая карьера генерал-губернатора Восточной Сибири графа Муравьева-Амурского в один миг оказалась под угрозой после скандальной дуэли между двумя чиновниками его администрации — представителем золотой молодежи Беклемишевым и сибиряком по рождению Неклюдовым.

Общественное мнение о том или ином чиновнике во многом формировалось его, чиновника, отношением к политическим ссыльным и в целом к проблеме ссылки.

Примером может служить история генерал-губернатора Восточной Сибири Д. Г. Анучина, который был вынужден покинуть свой пост в том числе из-за последствий конфликта с политзаключенным. Последний при посещении генерал-губернатором тюрьмы в ответ на оскорбительное замечание дал ему пощечину и был расстрелян по приговору спешно собранного военно-полевого суда. Иркутское общество, возмущенное скорой и несправедливой расправой, стало относиться к Анучину с предубеждением, и это, по мнению многих современников, в конечном счете сделало дальнейшую службу генерал-губернатора в Иркутске невозможной.

Последующие губернаторы Игнатьев и Горемыкин к политссыльным относились лояльнее. Они разрешали им участвовать в научных исследованиях, привлекали для серьезных экспедиций, которые были связаны с длитель-

ными отлучками с мест поселения.

Возвращаясь к роли политссыльных, заметим, что за долгие годы сложилась своя традиция, у истоков которой стояли декабристы и, разумеется, тогдашнее иркутское общество: фрондирующая публика относилась к ним априори хорошо. Те проявили себя полезными для края людьми — занимались просвещением, учили детей, внедряли новые методы в сельское хозяйство, и многое другое. Постоянная нехватка квалифицированных кадров практически во всех сферах жизни в Сибири во многом компенсировалась «политиками», которые по определению состояли в оппозиции к самодержавию…

Так или иначе, взаимоотношения с обществом являли собой существенный фактор успешной или неуспешной деятельности высшей региональной власти.

15 мая 1889 года «Северное телеграфное агентство» своей телеграммой известило Сибирь о новом назначении графа А. П. Игнатьева. В этот день Игнатьев был в Томске. Здесь, в день коронования Их Императорских Величеств, после литургии и молебна, на приеме чинов военного и гражданского ведомств и представителей города граф Игнатьев подтвердил информацию о скором отбытии из Томска. Как сообщала местная печать, «Его сиятельству были выражены единодушные поздравления от граждан города и высказаны чувства глубокого сожаления об оставлении им края». Где Томск, а где Иркутск! И губернии-то разные, но как это было в духе той сибирской жизни — всех сибиряков интересовало все, что происходит у соседей!

Чувство сожаления у томской публики могло быть на самом деле. Хотя жизнь и деятельность и этого высокопоставленного чиновника практически не прочитана, известно, что он был инициатором полезных начинаний для Восточной Сибири. В частности, много усилий положил на улучшение путей сообщения (проводились масштабные исследования реки Ангары, водного пути, который мог бы соединить бассейны Ангары и Енисея и таким образом усилить торговое движение). Он уделял внимание поземельному устройству крестьян. Достаточно вспомнить его энергичные действия по изучению хозяйства и быта Иркутского генерал-губернаторства. Для этого по инициативе Игнатьева сформировали целый отряд известных статистиков. В мае 1889 г. в Государственном Совете было назначено рассмотрение предложения А. П. Игнатьева о «необходимости приступить в возможно непродолжительном времени к окончательному разрешению вопроса о поземельном устройстве сельского населения в губерниях Иркутской и Енисейской» в виду «крайней запутанности земельных отношений крестьян и инородцев, дающей повод к возникновению в среде населения серьезных недоразумений и начинающихся укореняться в населении превратных понятий, как о находящейся в его пользовании земли, так и в объемах прав на нее» (2).

За несколько лет была проведена огромная работа. Изданные в нескольких томах материалы по исследованию землепользования венчали этот колоссальный труд и способствовали движению реформ в области крестьянского хозяйства в Сибири.

Газета «Восточное обозрение», которую трудно заподозрить в слепом восхвалении власти (она официально считалась оппозиционной), тем не менее отмечала, что «…местные вопросы с назначением иркутским генерал-губернатором Игнатьева получили движение. Собраны сведения о положении ссылки и представлены соображения об ее ограничении. Положение проходящих переселенцев вызвало заботы об их обеспечении и прошлым летом был сформирован временный переселенческий комитет для помощи идущим на Амур партиям.

Нельзя было не заметить во всем этом сосредоточенного внимания на внутренних вопросах, определенного взгляда на жизнь страны и чуткого отно-

шения к насущным нуждам края. Во всем управлении графа оживились научные работы по исследованию края. Совершено было несколько видных экспедиций географических, была предпринята большая Саянская экспедиция. Были сделаны геологические исследования в золотопромышленных округах. Выражая свои чувства, представители местных граждан поэтому не могли не вспомнить всего того, что сделано было графом для Восточной Сибири. Вместе с тем являлась невольно мысль о том, насколько предпринятые начинания будут продолжаться и осуществляться в будущем и само собою выражались ожидания, что они будут поддержаны и будущим заместителем графа в управлении Восточной Сибири. В тоже время возлагаются надежды, что на новом высшем посту прежний начальник края не забудет своими заботами отдаленной окраины, с нуждами которой он познакомился. Он будет лучшим ходатаем... за нее пред высшим правительством. Со времени празднования своего 300-летия Сибирь живет надеждами и ожиданиями на лучшее будущее. Время управления А. П. Игнатьева показало, что высшее правительство озабочено судьбою этой окраины и взгляд его на отдаленную Сибирь изменился. Предстоит еще много забот, много дел, чтобы поднять гражданский строй края и поставить его в те же условия жизни, в каких находится провинция Европейской России. Сибирь не может быть забытою, ей намечается новая дорога жизни, развития и преуспевания» (3).

Примерно в то же самое время в Нижнем Новгороде сделал остановку новый Иркутский генерал-губернатор Александр Дмитриевич Горемыкин. Он следовал к месту службы и решил посетить знаменитую Нижегородскую ярмарку «для совещания с находившимися на ярмарке первостепенными сибирскими купцами». Впрочем, будучи связанным с Нижним Новгородом воспоминаниями об учебе в кадетском корпусе, новый генерал-губернатор мог сделать остановку еще и по этому случаю. О чем совещался с сибирскими купцами-капиталистами А. Д. Горемыкин, неизвестно. Но если это произошло, отметим сей дальновидный шаг генерала в налаживании отношений с владельцами крупных капиталов. Впоследствии они не раз будут помогать инициативам Горемыкина. Достаточно вспомнить Иркутский театр, построенный на средства, которые генерал-губернатор собрал, обратившись к иркутским купцам и меценатам.

25 сентября 1889 г. в 4 часа пополудни новый генерал-губернатор А. Д. Горемыкин въехал в губернскую столицу Иркутск.

«На Московском перевозе через Ангару новый начальник края был встречен по русскому обычаю с хлебом и солью представителями городского общественного управления во главе с заместителем головы Н. Е. Черных. Затем генерал-лейтенант Горемыкин проехал в генерал-губернаторский дом, где был встречен почетным караулом в подъезде и начальниками отдельных частей в одной из зал» (4). В том же номере газета писала: «Мы слышали, что начальник края выразил уверенность, что представившиеся чины будут ревностными помощниками ему по управлению и дал обещание познакомиться ближе с их деятельностью в местах служения каждого» (5).

Сегодня трудно представить себе эту встречу во всех деталях. Но кое-что можно реконструировать по аналогии с другими подобными событиями и домыслить в пределах разумного…

Надо полагать, что местная городская власть, действующий губернатор Иркутской губернии, военные и гражданские чины по своим каналам, связям попытались узнать, каков он, их новый начальник. Для них, их карьер, семей, личного восприятия это, действительно, было важным событием. Для городского обывателя, сельского жителя, или, как это принято говорить, широких слоев населения, смена даже такого высокого чина, как генерал-губернатор, событие хотя и важное,

но в повседневной жизни мало что значащее. Перемены в высших эшелонах власти не являлись определяющим или нарушающим их текущее состояние. Страна жила по законам — плохим или хорошим — разным, но никак не по настроению и предпочтениям генерал-губернатора. Разумеется, общее настроение в губернии, уровень активности власти, следование букве закона и множество других общих ситуаций зависело от его Высокопревосходительства. Но среднестатистический енисеец, иркутянин или житель далекой Якутии скорее зависел от чиновника невысокого или даже мелкого ранга, до которого можно дотянуться рукой. Верховная власть в России всегда оставалась сакральным элементом. Ее нужно было уважать, о ней дозволялось уважительно рассуждать, на нее можно было редко советовать. Но каждый день зависеть ты будешь от писаря, старшины, мирового посредника, врача или фельдшера на участке, пристава и дворника.

А вот те, которые составляли общество, те, которые были втянуты в публичное пространство или публичную жизнь, должны были волноваться всерьез. Генерал-губернатор венчал эту пирамиду, устроенную по особым законам, где имело значение все — статусность, позиция, таланты, карьера, общественное признание и т. п.

Думается, первая встреча и первые впечатления могли многое сказать тем, кто подносил хлеб и соль.

Во-первых, иконографическое впечатление. Судя по отдельным штрихам сторонних воспоминаний, генерал был невысокого роста, коренаст, крепкого и правильного телосложения. В свои пятьдесят семь выглядел моложаво. На редких фотографиях перед нами нежгучий брюнет, с крупными чертами лица — крупный нос, борода, упрямый взгляд. В отличие от Игнатьева не тучный, но и не худой.

Они увидели перед собой служилого генерала. И если он был в форме, то все должны были отметить — ему очень шел мундир, он сидел на нем как влитой, подчеркивая волевой подбородок и армейскую выправку...

В целом физиономически генерал располагал к себе правильными чертами и был симпатичнее своего предшественника графа Игнатьева.

Начиналось более чем десятилетнее служение А. Д. Горемыкина на высоком посту начальника края. И в самый раз порассуждать, почему именно он сменил предыдущего администратора? Протекция? Таланты? Стечение обстоятельств? Что-то иное?

Ив. Блинов в книге «Губернаторы» тоже задавался подобным вопросом. Он писал: «К существенным недостаткам рассматриваемого нами законодательства принадлежит отсутствие хотя какого-либо порядка при назначении губернаторов. Нет ничего сколько-нибудь определенного — все зависит от случая и особенно от протекции. Как известно, роль протекции у нас в России вообще огромна от начала и до конца службы, тогда как даже в наиболее бюрократических странах, напр. во Франции, нашли средство устранить протекцию хотя бы при начале служб — там введены конкурсы. Но едва ли не более всего играет роль протекция при назначении на высшие административные должности и в частности при назначении в губернаторы. Да и как может создаться иной порядок, если практика предоставляет выбор их одному министру внутренних дел, а закон не устанавливает образовательного ценза и почти не касается вопроса о служебном стаже. Вряд ли нужно распространяться о важности солидного образования для такого крупного чиновника, как губернатора…

Не менее важен вопрос о служебном стаже. Прохождение службы в провинции, на различных административных должностях, лучше всего могло бы дать необходимые для губернатора практические сведения. Но чиновников провинции скоро забывают, надо быть ближе к центру, к кормилу правления, и вот многие

молодые люди, желающие сделать карьеру, проводят лучшие годы в Петербурге в мертвящей обстановке различных канцелярий и затем после 10–15, а иногда и более лет назначаются прямо на крупные губернаторские…» (6).

Аргументы, объясняющие назначение А. Д. Горемыкина, могут быть разные. Тут немножко фарта и здравого смысла — на три огромные территории кого попало не назначишь. Умудренный опытом, практическими знаниями 57-летний генерал был как раз кстати. При этом он не принадлежал ни к одному придворному клану, имел за плечами годы военной и гражданской службы. Генерал не мог похвастаться благосостоянием, и служба для него всегда являлась основной работой. Как свидетельство — послужной список, убедительный и весомый…

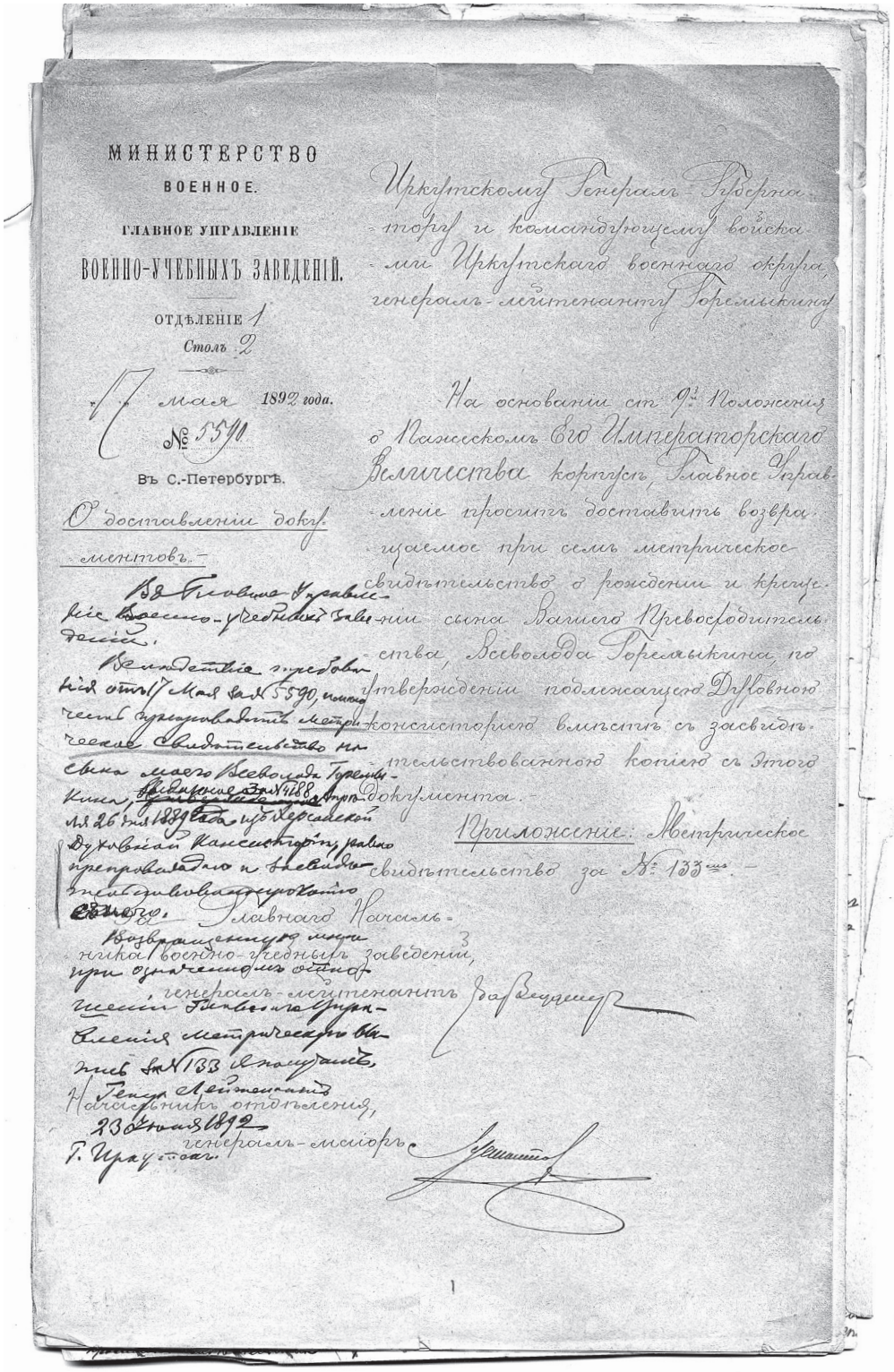
Конечно, всегда приходит на ум «что-то иное». В истории не редкость, когда именно «иное» оказывается главным в том или ином событии, ну, по крайней мере, ключевым. А что, если решающую роль в назначении Горемыкина генерал-губернатором сыграл сам Александр III? Аргументов в пользу такого сценария тоже хватает…

Но, как правило, подбором претендентов на такую должность занималось Министерство внутренних дел. На первом этапе большую роль играли департаменты исполнительной полиции, общих дел. Тут не грех вспомнить, что отец А. Д. Горемыкина дослужился до чина подполковника корпуса жандармов. И хотя он не был связан с полицией, контакты с МВД, скорее всего, имелись. Не забудем и родственные связи по линии жены: тесть — известный флотоводец, адмирал русского императорского флота.

Формально процедура назначения выглядела так: «Кандидатуры подбирались министром внутренних дел, специальные службы его ведомства составляли отдельные «представления» на каждого претендента, затем министр входил с докладом к императору и по результатам их беседы издавался именной указ о назначении, который затем выносился на утверждение в Сенат» (7).

Даже если учесть, что назначения губернаторов, а тем более генерал-губернаторов, производились в ходе сложных бюрократических интриг, при наличии протекций, ведомственных или клановых интересов, то все равно при выборе чиновников на ключевые посты учитывались их способности, образование, опыт. А. Н. Бикштаева, исследуя механизм назначения губернаторов в России в первой половине XIX в., писала: «В советской историографии бытовало мнение, что подбор кандидатов на губернаторские посты определялся знатностью, протекцией и другими соображениями, далекими от уровня подготовки и деловых качеств. Это предположение впервые поставил под сомнение Р. Робинсон, который пришел к выводу, что Министерство внутренних дел старалось выдвигать губернаторов из числа лиц, образование и послужной список которых свидетельствовали об их способности справиться с этой ответственной работой». И далее: «Мне также пришлось убедиться в том, что министр внутренних дел прилагал к поиску «достойнейших» кандидатур немало усилий. Полагаю, чтобы застраховаться от возможных ошибок, он официально использовал рекомендации известных сановных лиц или родовитых родственников претендентов. Учитывались также личное знакомство последнего с императором, проявленные им ранее выдающиеся организаторские способности...» (8).

Эти идеи сопрягаются с мнениями, которые были высказаны в ходе дискуссии «Власть и интеллект в императорской России», которая прошла в 2005 г. на страницах журнала «Отечественная история». Зачином ее стало представление, что «интеллект эффективен только в связке с волевыми и нравственными качествами человека, причем безволие и аморальность часто сводят на нет результаты деятельности даже очень умных людей…» (9).



МИНИСТЕРСТВО
ВОЕННОЕ.
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ
ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
ОТДѢЛЕНІЕ 1
Столъ 2

17 мая 1892 года.
№ 5590
Въ С.-Петербургѣ.

О доставленіи документовъ.

Въ Главное Управленіе Военно-учебныхъ заведеній.

Вслѣдствіе требованія отъ 17 Мая за № 5590, имѣю честь препроводить метрическое свидѣтельство на сына моего Всеволода Горемыкина, выданное за № 4188 Апрѣля 26 дня 1889 года изъ Херсонской Духовной Консисторіи, равно препровождаю и засвидѣтельствованную копію съ этого документа.

Возвращенную мною при означенномъ отношеніи Главнаго Управленія метрическую выпись за № 133 я получилъ.

Генералъ-Лейтенантъ
Начальникъ отдѣленія,
23 Іюня 1892
г. Иркутскъ.

Иркутскому Генералъ-Губернатору и командующему войсками Иркутскаго военнаго округа, генералъ-лейтенанту Горемыкину

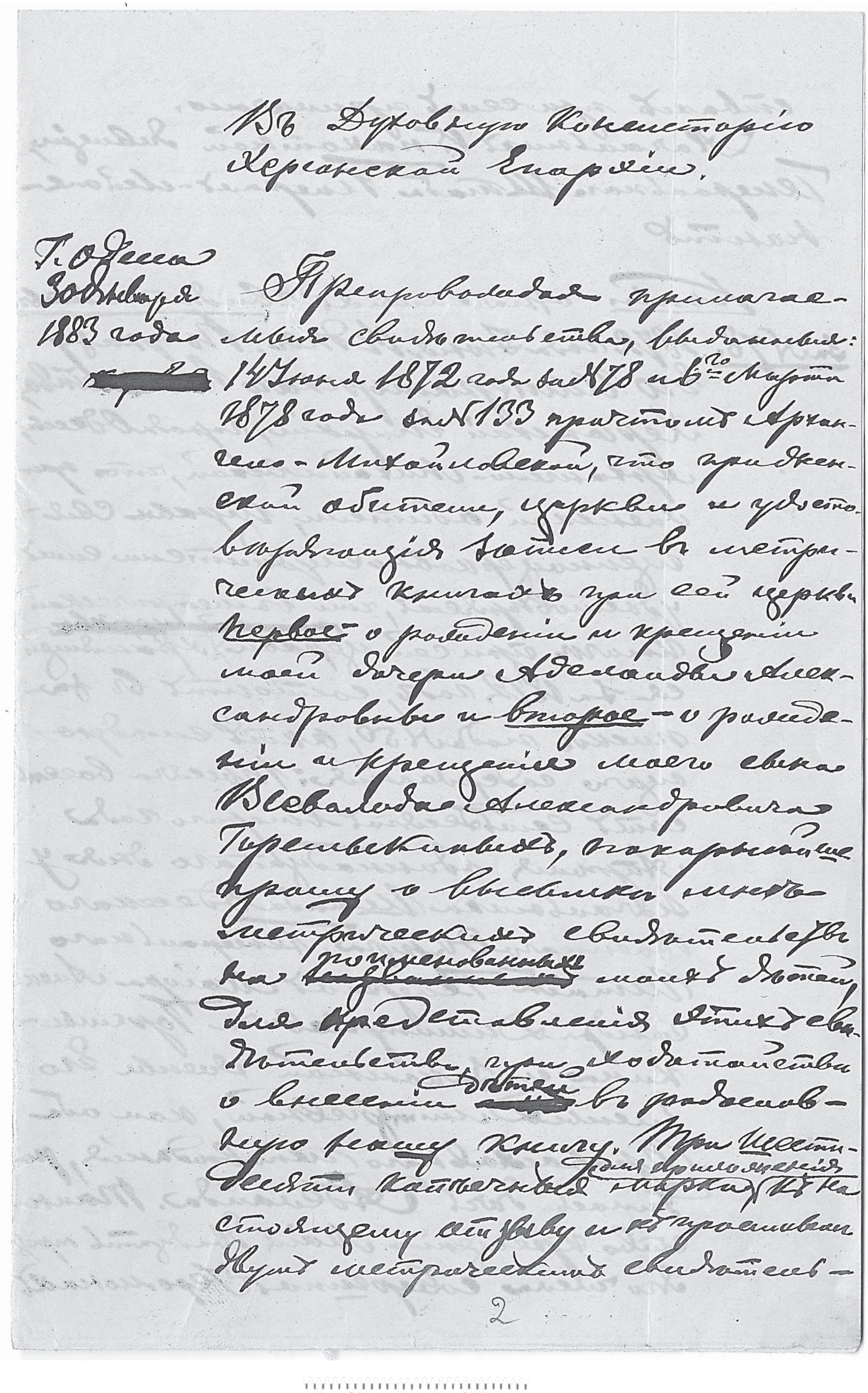
На основаніи ст. 9 Положенія о Пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ, Главное Управленіе проситъ доставить возвращаемое при семъ метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи сына Вашего Превосходительства, Всеволода Горемыкина, по утвержденіи подлежащею Духовною консисторіею вмѣстѣ съ засвидѣтельствованною копіею съ этого документа.

Приложеніе: Метрическое свидѣтельство за № 133.

За Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній,
генералъ-лейтенантъ [illegible]

Генералъ-маіоръ [illegible]

Здесь и далее материалы РНБ ф. 1000, оп. 2, д. 343.



Въ Духовную Консисторію
Херсонской Епархіи.

Г. Одесса
30 Января
1883 года
[redacted]

Препровождая прилагаемыя свидетельства, выданныя: 14 Іюня 1872 года за № 78 и 6го Марта 1878 года за № 133 причтомъ Архангело-Михайловской, что при женской обители, церкви и удостоверяющія записи въ метрическихъ книгахъ при сей церкви первое — о рожденіи и крещеніи моей дочери Аделаиды Александровны и второе — о рожденіи и крещеніи моего сына Всеволода Александровича Терешвекиныхъ(?), покорнейше прошу о выдаче мне метрическихъ свидетельствъ на ~~[illegible]~~ поименованныхъ моихъ детей, для представленія этихъ свидетельствъ при ходатайстве о внесеніи ~~[illegible]~~ детей въ родословную книгу. При шестидесяти копеечныя марки при(?) ~~[illegible]~~ для приложенія къ настоящему отзыву и къ прошенію двухъ метрическихъ свидетельствъ —

ствахъ при семъ прилагаю.

Начальникъ 15 пѣхотной дивизіи, Генеральнаго Штаба Генералъ-лейтенантъ

~~Копія~~ оплаченнаго свидѣтельства

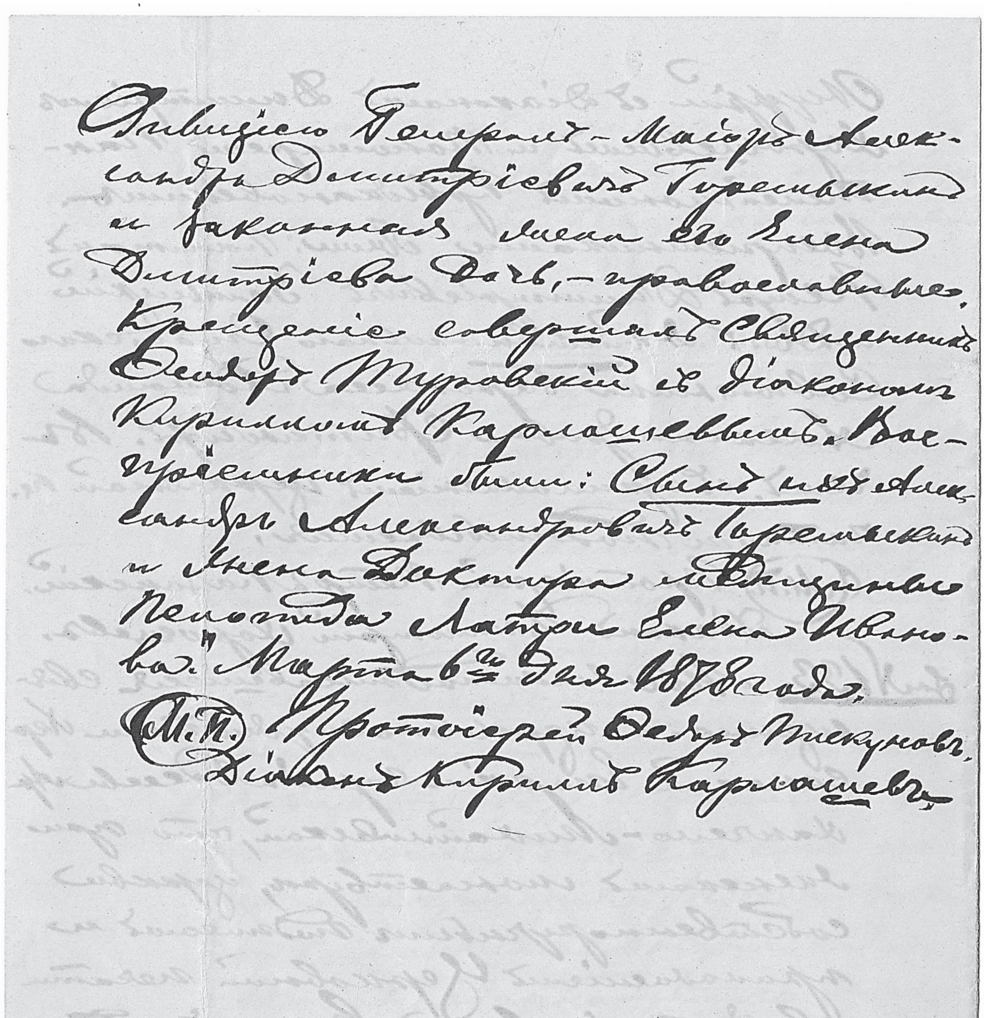
за № 78. 1872 года Іюня 14 дня. По указу Его Императорскаго Величества, Херсонской Епархіи, города Одессы, Архангело-Михайловской, что при Дѣвичьей обители, церкви Священноцерковнослужители симъ удостовѣряемъ, что въ метрической книгѣ при сей церкви, хранящейся за 1872 годъ, состоитъ въ запискѣ подъ № 50, актъ слѣдующаго содержанія: Тысяча восемсотъ семьдесятъ втораго года Апрѣля одиннадцатаго дня у Начальника Штаба Одесскаго Военнаго Округа, Генеральнаго Штаба Генералъ Маіора Александра Дмитріевича Горемыкина и законной жены его Елены Дмитріевны, кои оба Православнаго исповѣданія, родилась дочь Аделаида. Таинство крещенія Маія двадцать третьяго числа совершилъ Іеромонахъ

Мурріи съ Діакономъ Димитріемъ
Хорошевымъ и Пономаремъ Пан-
телеймономъ Кривдановскимъ.
Воспріемниками были: Капитанъ
Петръ Димитріевичъ Замбицкій
и Дочь Дѣйствительнаго Статскаго
Совѣтника баронесса Аделаида
Александровна Фитингофъ. Въ
чемъ, съ приложеніемъ церковной пе-
чати, и подписываемся,

(М.П.) Протоіерей Петръ Казанскій.
Діаконъ Димитрій Хорошевъ.

Къ № 133. Мы нижеподписавшіеся Свя-
щенно-и-церковнослужители Хер-
сонской Епархіи города Одессы Ар-
хангело-Михайловской, что при
женскомъ монастырѣ, церкви
собственноручнымъ подписомъ и
приложеніемъ церковной печати
свидѣтельствуемъ въ томъ, что
въ метрической книгѣ приходо-
ской нашей церкви за 1877 годъ,
въ 1-й части подъ № 82 записана
слѣдующая статья: Тысяча
восемь-сотъ семьдесятъ седьмаго
года Іюля двадцать пятаго ро-
дился, а Августа двадцать вось-
маго крещенъ Всеволодъ. Родите-
ли его: Командира [illegible] 15 пѣхотнаго

3


Дивизіи Генералъ-Маіора Александра Дмитріевича Горемыкина и законная жена его Елена Дмитріева дочь, — православные. Крещеніе совершалъ Священникъ Феодоръ Туровскій съ діакономъ Кирилломъ Карлашевымъ. Воспріемники были: Сынъ ихъ Александръ Александровичъ Горемыкинъ и жена Доктора Медицины Пенотгида Латри Елена Иванова. Марта 6го дня 1878 года.

М.П. Протоіерей Феодоръ Текуновъ.
Діаконъ Кириллъ Карлашевъ.

И еще один, казалось бы, очевидный, а на самом деле выстраданный момент, на который указывалось в ходе дискуссии: «Самодержавие в современной отечественной историографии уже не представляется «тупой и косной» силой…» (10).

А. А. Корнилов, профессор истории, видный общественный деятель, один из основателей кадетской партии, тот самый, что служил чиновником особых поручений при А. Д. Горемыкине, как и последний какое-то время работал комиссаром по крестьянским делам в Царстве Польском. В своих мемуарах он, между прочим, заметил: «…хотя полученное мною назначение меня в тот момент удовлетворяло вполне, но я смотрел на него вовсе не так, как мой отец, который видел в этом первый и притом довольно блестящий этап будущей чиновничьей карьеры. Из комиссаров по крестьянским делам можно было быть назначенными в непременные члены губернского присутствия и в вице-губернаторы, а там и в губернаторы» (11).

Горемыкин не просто работал в крестьянской комиссии в Царстве Польском. Он возглавлял вначале Варшавскую, затем Пултусскую комиссии и был отмечен наградой за эту деятельность. Возможно, выбор Горемыкина был в основном связан с благоприятным впечатлением от его деятельности в Распорядительном комитете в Царстве Польском, идеологом и руководителем которого являлся Н. А. Милютин, один из авторов реформы отмены крепостного права в России.

Несмотря на то, что назначение губернаторов происходило императорскими указами, и монарх лично интересовался той или иной персоной, рабочий процесс подбора кандидатур и представления их зависел от Министерства внутренних дел.

В нашем конкретном случае речь идет о генерал-губернаторе! Человеке, которому предстояло управлять сразу несколькими территориями. Поэтому генерал-губернаторами императоры, в особенности педантичный и любящий во всем порядок Александр III, интересовались гораздо активнее. Как пишет А. Минаков, «по поводу назначения генерал-губернаторов в правительстве часто разгорались острые дебаты, дискуссии порой заходили в тупик, и вопрос разрешался лишь вмешательством монарха» (12).

Можно предположить, что выбор А. Д. Горемыкина не был случаен. Он имел опыт и блестящее образование, как уже говорилось, и кроме того, попал в некое межевое время, в ту эпоху государственной жизни, которая уложилась между фундаментальными реформами Александра II и амбициозными задачами времен Александра III. Касаемо Сибири были идеи, планы серьезно реформировать внутреннюю жизнь окраины. Эти планы включали в себя реформы в области землеустройства, экономики, управления, образования, ссылки. Время Александра III, контрреформистское по отношению к предыдущему царствованию, для Сибири ознаменовалось чередой полезных изменений, которые начинались при царе-миротворце, а продолжались уже при преемнике Николае II: оптимизация управления краем, распространение более прозрачной и понятной налоговой системы, строительство железной дороги, что в корне меняло экономическую ситуацию и — самое главное — открывало огромные перспективы перед краем. А еще на Сибирь распространились судебные Уставы Александра II и многое другое. Эти изменения как раз и пришлись на 1889–1900 годы, когда начальником края служил А. Д. Горемыкин.

Сибирь, как уже говорилось, стояла на пороге землеустроительных реформ. В этих условиях могла появиться потребность именно в генерал-губернаторе, который будет со знанием дела заниматься не только контролем за ходом преобразований, но и благодаря практическому опыту сам начнет инициировать изменения в различных сферах хозяйственной, административной жиз-

ни огромного генерал-губернаторства.

Н. В. Черникова считала, что в целом царская бюрократия «довольно успешно справлялась со сложнейшей задачей: экономической и социальной модернизацией страны. Выдающиеся заслуги высших чиновников как бы подтверждались их внешним блеском и пышностью регалий, хотя расшитые золотом и украшенные орденами мундиры далеко не всегда свидетельствовали о выдающихся заслугах обладателей. И все же высшие посты в империи занимали, как правило, люди неординарные. Они были образованны и способны. Тех из них, кто учился в высших учебных заведениях (а таких во второй половине XIX в. было подавляющее большинство), заканчивали курс одними из первых и затем приобретали обширный опыт практической деятельности как в центральных, так и (несколько реже) в местных органах управления» (13).

Известно, что генерал-губернатор Восточной Сибири Анучин предлагал принять на высшем уровне программу развития Восточной Сибири. В 1882 г. он даже внес в Комитет министров свои предложения о важнейших изменениях в Сибири. В итоге им был составлен пятилетний план преобразований и определен размер финансирования — ежегодно требовалось 100 тысяч рублей (14).

В литературе авторство и саму идею этой программы развития Сибири и Дальнего Востока иногда приписывают Александру III. Известно также, что он инициативу своих генерал-губернаторов поддержал, а значит, оценил ее полезность для государства.

В этом же направлении создания долгосрочной программы развития Сибири и Дальнего Востока двигались в 1887 г. Иркутский генерал-губернатор А. П. Игнатьев и Приамурский генерал-губернатор А. Г. Корф. Их программа была рассчитана на 10 лет.

Программа Игнатьева и Корфа, если говорить современным языком, была первой стратегией социально-экономического и общественно-политического развития Сибири. Осуществлять часть предложений коллег выпало уже А. Д. Горемыкину. Сам он так описывал предстоящие дела. «Программою поставлены следующие задачи: административное и судебное преобразование, устройство инородческого управления, устройство путей сообщения и усовершенствование строительно-дорожной части, устройство лесной части, развитие горного промысла, преобразование медицинской части, меры к улучшению учебной части и возвышению духовно-нравственного развития населения. Поземельное устройство местного населения. Меры к устройству переселенцев, меры к ограничению ссылки и усовершенствованию тюремной части» (15). Программа сибирских преобразований, яркий пример накопленной истории. Она была выстрадана сибирским обществом, являя коллективный труд, который складывался, как мозаика, первоначально в среде известных деятелей сибирского общества. Их публицистика, выступления на публике формировали предложения и актуализировали чаяния населения. Здесь, конечно, не было ничего гениального или чего-то такого, о чем не знали бы в коридорах власти. Но идеи, получившие устойчивые формулировки и стаж, становятся идеологией. Идеология же без устали работает днем и ночью: внедряя в сознание и действия власти и общества важность и актуальность тех или иных мероприятий. Все вокруг начинают постепенно веровать, что без осуществления их государству и обществу не обойтись, а любое промедление приносит колоссальный ущерб.

И вот свершилось! Из всего, что витало в воздухе, о чем не уставала повторять сибирская печать, на что упирали общественные деятели, чиновники, практические управленцы, сформировалось ядро неотложных мер. Они были настолько просты, понятны и, главное, востребованы, что Горемыкин в одном из всеподданнейших отчетов не преминул сложить из этой мозаики неотложных мер вполне себе выпол-

нимую программу действий и подытожить по сути: «…так как большинство означенных мероприятий находится в тесной связи одно с другим, напр. улучшение тюремной части в зависимости от преобразования местного тюремного управления. Устройство инородческого управления от общего административного переустройства, которое, вместе с тем, окажет влияние и на поземельное устройство населения…» (16).

Получается, что именно новый генерал-губернатор Горемыкин наиболее близко подступился к тому, чтобы осуществить преобразования на огромной окраинной части Российского государства.

К 1892 году он был уже твердо уверен, что Сибирь требует новых подходов в управлении и развитии ряда отраслей. Во всеподданнейшем отчете за 1889–1892 гг. он сразу же обозначил свою позицию: «Необходимость преобразования вытекает прежде всего из устарелости существующего строя управления, установленного законом 1822 г. Даже основная мысль этого закона — создать на месте контрольное учреждение над губернскими инстанциями всех ведомств образованием общего губернского управления из представителей этих инстанций, под председательством губернатора — утратила во многом свое значение под влиянием реформ, последовательно вводивших новые условия в управление. Рядом с губернским правлением, имеющим своего особого председателя (вице-губернатора), общее губернское управление представляет ныне только излишнюю инстанцию, замедляющую окончательное разрешение большинства дел и нередко влекущее параллельное производство однородных дел в обоих учреждениях. С не меньшей настойчивостью чувствуется надобность в улучшении личного состава губернских чиновников, что тесно связано с улучшением материального положения служащих. Дороговизна жизни в Восточной Сибири в несколько раз превосходит самые неблагоприятные в этом отношении губернии европейской России; между тем устаревшие штаты определяют самые незначительные оклады содержания, не могущие обеспечить жизненной обстановки занимающих даже должности советников губернаторского правления. Высокая стоимость всех предметов, в том числе и первой необходимости, в лучшем случае заставляет чиновников мириться с бедностью, или искать дополнительных занятий, либо перехода в другие губернии и области, где жизненные условия более благоприятны; в худшем же обнаруживала в них склонность восполнять средства предосудительными способами. Везде ощущается недостаток способных и сведущих чиновников и это объясняется прежде всего незначительностью окладов, установленных действующими штатами» (17).

К 1992 году у Горемыкина в общих чертах созрел план реформирования управления краем. Он решил изменить саму структуру путем слиянием всех губернских учреждений ведомства МВД в одно губернское управление. Это позволяло оптимизировать и штатное расписание.

Идеи реформирования управления затрагивали не только губернское, но и окружное управление. А. Д. Горемыкин исходил из того, что контроль за деятельностью линейных органов власти практически отсутствует, «законные интересы жителей не ограждены, по крайней мере, от личного произвола исполнителей и население, нуждающееся в твердой и близкой власти, ее не видит» (18).

Таким образом, в Сибирь на службу был отправлен, вне всякого сомнения, опытный управленец, не без идей, ничем не запятнавший себя на предыдущей службе чиновник. По всей видимости, он принадлежал к партии императора — в том смысле, что служение государю и отечеству целиком и полностью укладывалось в его понимание «карьеры», собственной судьбы и своего места в жизни.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СЕМЬЯ

Происхождение всегда имеет значение для биографии. Здесь можно искать поведенческие истоки, нравственные и

моральные скрепы, одним словом, все, что укладывается в понятие «традиции». Хотя происхождение и знатность в конце XIX века при определении на службу уже и не имели такого значения, как ранее, принадлежность к дворянству, заслуги предков перед отечеством не были пустым звуком. Вместе с личной карьерой, образованием, опытом они являлись важными характеристиками личности.

Александр Дмитриевич Горемыкин происходил из старинного русского дворянского рода. 5 августа 1896 г. род Горемыкина был внесен в шестую часть родословной книги Новгородской губернии и 4 марта 1897 года утвержден Сенатом.

Считается, что предком его был Никита Афанасьевич Горемыкин, владелец поместья в Бежецкой пятине в 1652 г. Из этого же рода вышел и Иван Логгинович Горемыкин, российский государственный деятель, министр внутренних дел и член Госсовета.

Отец, Дмитрий Иванович Горемыкин — дворянин и уроженец Новгородской губернии (утвержден в дворянстве 18.02.1815). Родился 19 января 1804 г. и скончался 14 марта 1868 г. в Санкт-Петербурге. К 1845 году дослужился до чина подполковника Корпуса жандармов.

Мать, Варвара Николаевна Горемыкина (в девичестве Судовщикова), родилась 17 января 1812 г. и скончалась 20 апреля 1873 года в Санкт-Петербурге. Происходила из купеческого сословия и замуж была выдана совсем еще молодой девушкой. Первенец появился на свет, когда ей было всего 16 лет, второй ребенок появился у нее в 18 лет и третий — Александр — в 20. Многодетная семья жила небогато, в столичном городе все было дорого. С учетом звания и должности мужа, жандармского подполковника, средств было не так уж и много. Никакой недвижимости у супругов не было, и можно предположить, что им помогали близкие родственники. Но это всего лишь предположение.

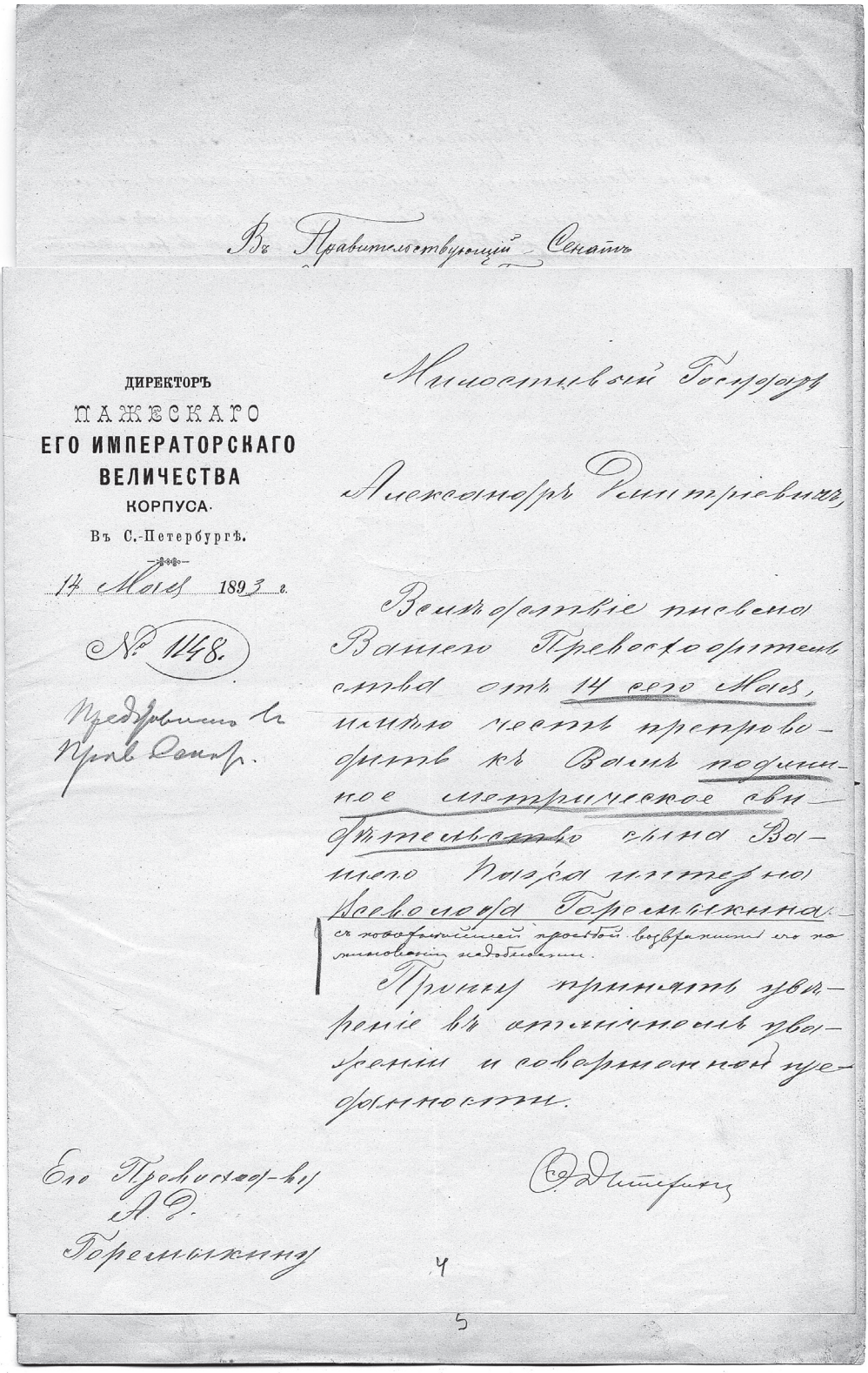
Варвара Николаевна стала вдовой в 54 года. Как мать, вполне могла оценить состоявшуюся на тот момент карьеру сыновей. Все они не потерялись, служили примерно и имели хорошие перспективы.

Старший Иван (16.09.1828 – 18.01.1884) дослужился до звания полковника артиллерии, средний Николай (13.05.1830 – 20.03.1898) сделал чиновничью карьеру. Он служил в III отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии чиновником особых поручений 4 класса при ст.секретаре у принятия прошений на высшее имя приносимых и вышел в отставку в чине Действительного статского советника. У младшего Александра карьера шла в гору.

Получается, что младший Александр родился на следующий день после дня рождения матери — 18 января 1832 года в Санкт-Петербурге.

Александр пошел по военной стезе, продолжая семейные традиции. Скорее всего, выбор учебного заведения был продиктован именно возможностью для многодетного семейства отдать мальчика в хорошее военное учебное заведение, где он получал образование за казенный счет.

Поскольку никаких мемуарных источников ни сам А. Д. Горемыкин, ни члены его семьи не оставили, основываясь на его собственных отдельных замечаниях, можно только предполагать, каким было его детство, время, когда закладываются основы характера и миропонимания человека. В письме А. А. Корнилову от 16 декабря 1901 г. Горемыкин с огорчением писал: «Как живется Вам и Вашей семье? Искренне желаю, чтобы душевное спокойствие и плодотворность мысли не оставляли Вас никогда. У себя я часто этого не вижу; да к тому же нервность одолевает: какое-то беспокойство, не то чтобы безпричинное, а так, из пустяков. Старею, значит, в детство перехожу; а детство то было тяжелое: много выдержанно и все при впечатлительной натуре…» (19).



Въ Правительствующій Сенатъ

ДИРЕКТОРЪ
ПАЖЕСКАГО
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА
КОРПУСА.
Въ С.-Петербургѣ.

14 Мая 1893 г.

№ 1148.

Представлено въ Прав. Сенат.

Милостивый Государь

Александръ Дмитріевичъ,

Вслѣдствіе письма Вашего Превосходительства отъ 14 сего Мая, имѣю честь препроводить къ Вамъ подлинное метрическое свидѣтельство сына Вашего Пажа интерна Всеволода Горемыкина съ покорнѣйшей просьбой возвратить его по миновании надобности.

Прошу принять увѣреніе въ отличномъ уваженіи и совершенной преданности.

С. Дмитріевъ

Его Превосход-ву
А. Д.
Горемыкину

4

5

Въ Правительствующій Сенатъ
по Департаменту Герольдіи.

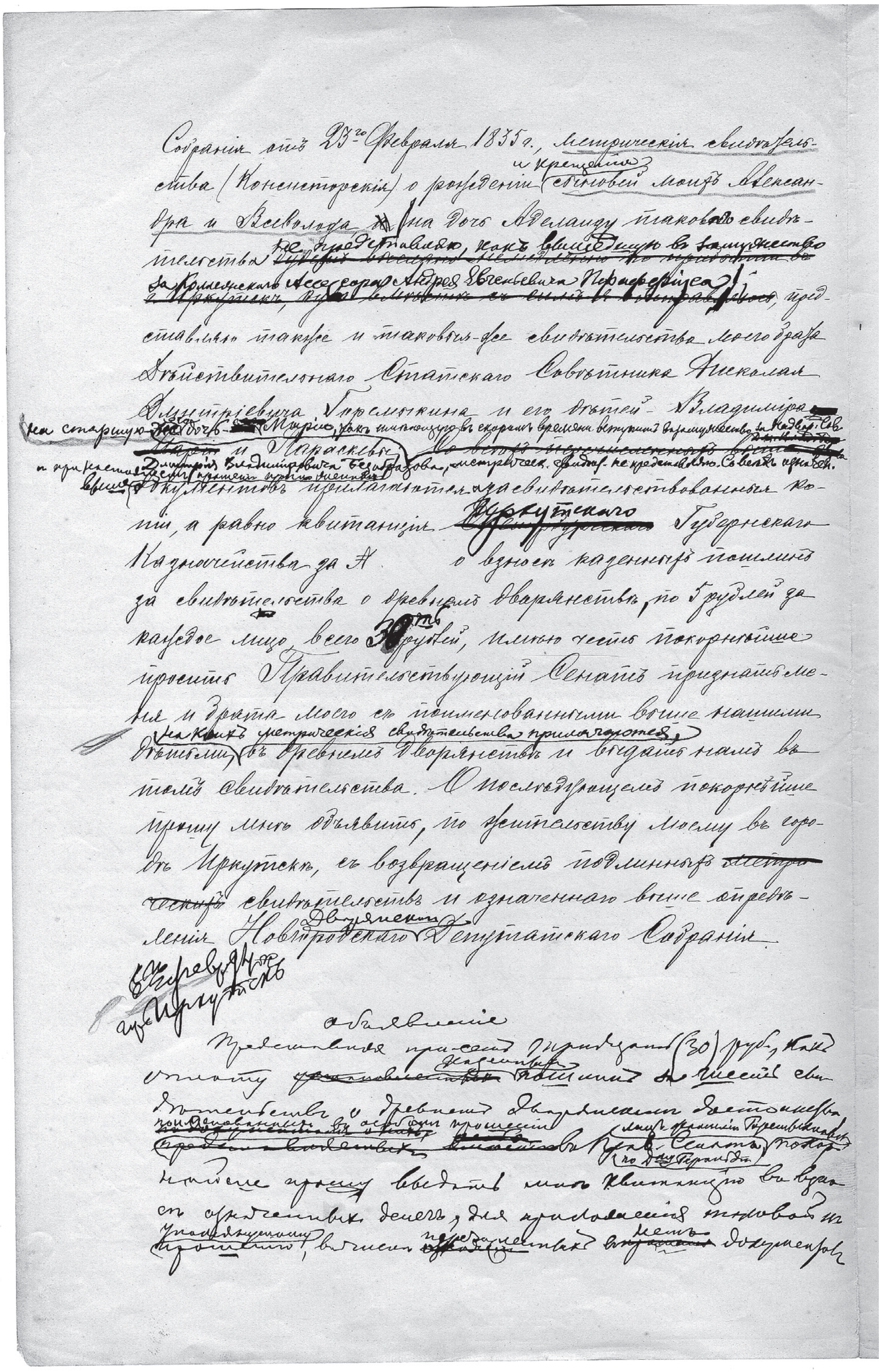
Иркутскаго Генералъ Губернатора и Командующ. войсками Иркутск. Военн. округа Генерала отъ Инфантеріи Александра Дмитріевича Горемыкина

Прошеніе

Опредѣленіемъ Правительствующаго Сената 18 Сентября 1892 года двоюродный братъ мой, Тайный Совѣтникъ Иванъ Логиновичъ Горемыкинъ, съ дѣтьми, причисленъ къ древнему дворянскому роду Горемыкиныхъ, а 29 Апрѣля ~~того же года~~ свѣдомъ ему рисунокъ утвержденъ герба дворянъ Горемыкиныхъ, издревле употреблявшійся въ семъ родѣ.

Имѣя на таковое признаніе одинаковое право, какъ одновременно со всѣми членами фамиліи Горемыкиныхъ перечисленный распоряженіемъ Правительствующаго Сената, ~~перечисленной~~ изъ 6ой во 2ю книгу, и потому желая быть также признаннымъ съ дѣтьми, роднымъ моимъ братомъ Николаемъ Дмитріевичемъ и его дѣтьми въ древнемъ дворянскомъ достоинствѣ и получить свидѣтельства о повторительномъ внесеніи нашего рода во 2ю книгу, представляю для сего: свидѣтельство за № 84 Новгор. Губ. Предвод. Дворянства копію за № 85 Опредѣленія Новгородскаго Дворянскаго Депутатскаго

5



Собранія отъ 23го Февраля 1835 г., метрическія свидѣтель-
ства (Консисторскія) о рожденіи и крещеніи сыновей моихъ Алексан-
дра и Всеволода и на дочь Аделаиду таковаго свидѣ-
тельства не представляю, какъ вышедшую въ замужество
за Коллежскаго Ассесора Андрея Евгеньевича [illegible], пред-
ставлены также и таковыя-же свидѣтельства моего брата
Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Николая
Дмитріевича Горемыкина и его дѣтей — Владиміра, на старшую дочь Марію, какъ имѣющую в скорѣмъ времени вступить въ замужество [illegible]
и Параскевы [illegible] Дмитрія Владиміровича [illegible] метрическ. свидѣт. не представлено. Со всѣхъ [illegible]
документовъ прилагаются засвидѣтельствованныя ко-
піи, а равно квитанція Иркутскаго Губернскаго
Казначейства за № о взносѣ казенныхъ пошлинъ
за свидѣтельства о древнемъ дворянствѣ, по 5 рублей за
каждое лицо, всего 30ть рублей, имѣю честь покорнѣйше
просить Правительствующій Сенатъ признать ме-
ня и брата моего съ поименованными выше нашими
на коихъ метрическія свидѣтельства прилагаются
дѣтьми въ древнемъ дворянствѣ и выдать намъ въ
томъ свидѣтельства. О послѣдующемъ покорнѣйше
прошу мнѣ объявить, по жительству моему въ горо-
дѣ Иркутскѣ, съ возвращеніемъ подлинныхъ
свидѣтельствъ и означеннаго выше опредѣ-
ленія Новгородскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія.

Февраля 24 дня, г. Иркутскъ

Объявленіе

Представляя при семъ тридцать (30) руб., какъ
оплату казенныхъ пошлинъ за шесть сви-
дѣтельствъ о древнемъ дворянскомъ достоинствѣ [illegible]
[illegible] покор-
нѣйше прошу выдать мнѣ квитанцію въ взно-
сѣ оныхъ денегъ, для приложенія таковой къ
прошенію, [illegible] документовъ

Вполне возможно, что учеба в кадетском корпусе, связанная с отъездом из семьи, редкие встречи с родными и близкими оставили в памяти подростка не самые радостные воспоминания.

Сам Александр Дмитриевич был женат на Елене Дмитриевне Замыцкой. Где, как и при каких условиях они познакомились, сказать трудно — источников для описания этой истории пока не найдено. Их роднило военное прошлое отцов — Елена Дмитриевна Замыцкая была дочерью Дмитрия Петровича Замыцкого, адмирала русского императорского флота.

Несколько слов о Замыцких.

Отец, Дмитрий Петрович Замыцкий, по отдельным источникам, родился в 1795 г. и скончался 29 сентября 1879 г., был похоронен на Митрофаньевском кладбище Петербурга. Мать, Аделаида Поликарповна Замыцкая, родилась 28 июля 1810-го и скончалась 18 августа 1871 г.

Замыцкие также принадлежали к старинному дворянскому роду. Они считались потомками выходца из «немцев» Радши (Ратши).

Представители Замыцких служили послами в Литве, Пруссии, Валахии, Швеции; воеводами, стольниками и стряпчими.

Родоначальником современных Замыцких называли Ивана Владимировича Пушкина-Замыцкого, жившего в XV веке.

Дмитрий Петрович Замыцкий — адмирал русского флота, член Адмиралтейств-совета. Первоначальное образование будущий флотоводец получил в Морском кадетском корпусе, куда поступил в 1799 году. Если это так, то в момент поступления ему еще не было полных пяти лет. В 1809 г. в возрасте 14 лет он завершил обучение, стал мичманом и поступил на службу в военно-морской флот. До 1828 года «совершал обычные крейсерства в Финском заливе и Балтийском море и, кроме того, дважды побывал в Архангельске». В 1826 году уже в чине капитан-лейтенанта стал командиром 20-пушечного брига «Телемак» и совершил переход от Кронштадта до Мальты в составе эскадры вице-адмирала графа Гейдена, а затем был переведен в эскадру контр-адмирала Рикорда. В 1831 г. Замыцкий принял участие в войне за независимость Греции и за удачное сражение в Монастырской бухте у города Поло был награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом и произведен в капитаны II ранга. В 1833 г. вернулся в Кронштадт, где был назначен командиром фрегата «Александр Невский». Далее 25 декабря 1833 года за проведение 18 морских полугодовых кампаний был награжден орденом св. Георгия 4-й степени, а в 1836 г. произведен в капитаны I-го ранга.

В течение 1836–1846 гг. будущий адмирал командовал новеньким кораблем «Лефорт», ежегодно крейсировал в Балтийском море.

Интересно, что линейный корабль «Лефорт» в 2013 г. обнаружили в водах Финского залива. Известно, что он потерпел кораблекрушение 10 сентября 1857 г. По данным подводных исследователей, он сохранился практически неразрушенным.

1 января 1846 года Замыцкий стал контр-адмиралом и назначен командиром 2-й бригады 3-й флотской дивизии. В Немецком и Балтийском морях командовал «Арсисом» и «Россией», а в 1849 году стал начальником 1-й флотской дивизии.

В 1850 году Замыцкого привлекли к работе в комитете по пересмотру и составлению морского устава. 2 октября 1852 года он стал вице-адмиралом, Во время Крымской кампании 1854 года, имея свой флаг на корабле «Красный» (это означало, что на борту в данном случае вице-адмирал), Замыцкий находился с флотом на малом Кронштадтском рейде для обороны Кронштадта от нападения англо-французского флота. В 1855 году был назначен членом Адмиралтейств-совета, а 28 декабря 1859 года произведен в адмиралы и уволен от службы.

Адмирала Замыцкого отмечали многими орденами и знаками отличия. Любопытно, что за перевод с английского книги

«Часовые таблицы» он был пожалован золотой табакеркой с живописью.

Герб Замыцких описан в Википедии: «В золотом щите на зеленой горе червленая башня с дверью и двумя окнами, с круглой крышей, увенчанной крестом. Справа и слева от нее серпы, повернутые к ней остриями. Щит увенчан дворянским шлемом с короной. Нашлемник: поднятая рука держит царскую грамоту в золотой парче с червленой вислой печатью. Намет: червленый с золотом».

Кроме дочери в семье адмирала был сын, Замыцкий Петр Дмитриевич (19.01.1844 – после 1900 г.), также военный. С 1889 г. — генерал-майор. Он блестяще закончил учебу в Пажеском Его Величества корпусе по I разряду в 1863 г. и в чине прапорщика отправился на службу в лейб-гвардии Конно-Гренадерский полк.

Теперь о детях А. Д. и Е. Д. Горемыкиных. У Александра Дмитриевича и Елены Дмитриевны Горемыкиных было трое детей: Александр (12.02.1859 – 03.05.1913); Аделаида (11.04.1872 – после 1904 г.) и Всеволод (25.07.1877 – после 1902 г.)

Судя по всему, дочь назвали в честь матери Елены Дмитриевны Замыцкой — Аделаиды Поликарповны. Восприемником при крещении девочки стал ее дядя, в то время капитан Петр Дмитриевич Замыцкий (20).

Сохранились формулярные списки сыновей и сведения о крещении детей. Эти данные, официально заверенные священниками, потребовались А. Д. Горемыкину, когда он решал вопрос о дворянстве членов семьи.

«По Указу его Императорского Величества, Херсонской епархии города Одессы, Архангело-Михайловской, что при женской обители, церкви священнослужители сим удостоверяем, что в метрической книге при сей церкви хранящейся, за 1872 год состоит в записке под №50 акт следующего содержания: Тысяча восемьсот семьдесят второго года апреля одиннадцатого дня у Начальника штаба Одесского военного округа Генерального Штаба генерал-майора Александра Дмитриевича Горемыкина и законной жены Его Елены Дмитриевны, как оба православного исповедания родилась дочь Аделаида. Таинство крещения Мая двадцать третьего числа совершил иеромонах Онуфрий с дьяконом Дмитрием Хорошевским и пономарем Пантелеймоном Кражановским. Восприемниками были капитан Петр Дмитриевич Замыцкий и дочь действительного статского советника баронесса Аделаида Александровна Фитингоф. В чем с приложением церковной печати и подписываемся.

Протоиерей Петр Казанский. Дьякон Дмитрий Хорошев».

«За № 133, мы нижеподписавшиеся священно и церковно служители Херсонской епархии г. Одесса Архангело-Михайловской что при женском монастыре церкви собственноручным подписали и приложением церковной печати свидетельствуем в том, что в метрической книге приходской нашей церкви за 1877 год первой части за № 82 записана следующая статья: Тысяча восемьсот семьдесят седьмого года июля двадцать пятого родился, а августа двадцать восьмого крещен Всеволод. Родители его Командующий 15 пехотною дивизиею генерал-майор Александр Дмитриевич Горемыкин и законная жена его Елена Дмитриева дочь — православная. Крещение совершал священник Федор Туровский и дьякон Кирилл Карлашев.

Восприемниками были: сын их Александр Александрович Горемыкин и жена доктора медицины (неясное слово)» (21).

Судьба детей сложилась так, что младшего сына Всеволода, возможно (точных данных пока не имеется), хоронили при жизни самого генерала, дочь ушла совсем молодой женщиной, да и старший не был долгожителем.

Младший сын, судя по отдельным сведениям, был хорошим и талантливым учеником. Он обучался в Пажеском его императорского величества корпусе. 5 марта 1894 г. директор этого привилеги-

рованного учебного заведения сообщал Горемыкину: «Милостивый Государь Александр Дмитриевич!

...Про сына вашего могу как и до сих пор дать лестный отзывы во всех отношениях; он благодаря бога здоров и, надеюсь, будет продолжать преуспевать» (22).

Елена Дмитриевна всегда была рядом с мужем. И на новое место службы она, разумеется, приехала вместе с супругом. О деятельности ее в Иркутске известно совсем мало. Как жена начальника края, она по заведенному обычаю курировала учреждения, входившие в состав ведомства Императрицы Марии. В Иркутске это прежде всего Девичий институт, или, как его еще нередко называли, Иркутский институт благородных девиц. На ней лежала обязанность следить за физическим и нравственным воспитанием учениц этого знаменитого на всю Сибирь учебного заведения. Такое назначение всегда согласовывалось с императрицей. 2 декабря 1889 года Елена Дмитриевна Горемыкина получила телеграмму из Петербурга следующего содержания: «Иркутск. Супруге Генерал-Губернатора Елене Дмитриевне Горемыкиной.

30 ноября Всемилостивейше возложено на Ваше Превосходительство наблюдение за воспитанием девиц в Институте с правами, коими пользовалась Графиня Игнатьева. За главноуправляющего Зубов» (23).

Елена Дмитриевна, сама мать троих детей, старалась активно участвовать в жизни учебного заведения. Отдельные факты свидетельствуют, что она способствовала материальному положению учебного заведения. Так, не без ее участия известный меценат и предприниматель, Потомственный Почетный гражданин Немчинов пожертвовал институту дачу близ Иркутска. После переписки с императрицей этот дом использовался как помещение для воспитанниц, как загородная резиденция для отдыха и экскурсий.

Дочь Горемыкиных вышла замуж за Пфафиуса Андрея Евгеньевича, одного из четверых детей Евгения Вильгельмовича Пфафиуса, действительного статского советника. Он был женат на Анне Андреевне Пфафиус, урожденной Боборыкиной, которая после смерти мужа перебралась на жительство во Владикавказ.

У Пфафиусов, как уже отмечалось выше, было четверо детей: два сына — Константин и Андрей и две дочери — Екатерина и Мария. Отец семейства был фигурой неординарной. Он служил Кяхтинским Пограничным Комиссаром. Образование получил в Ровенской гимназии. Учился прекрасно и закончил образование с блестящими результатами, за что получил XV чин по Табели о рангах и золотую медаль. Службу начал в Тобольске в канцелярии Общего Губернского Управления в 1845 году. 10 декабря 1845 года утвержден в чине коллежского регистратора. Затем перебрался в Иркутск и вновь поступил на службу в канцелярию, на этот раз Главного Управления Восточной Сибири. Начинал с должности журналиста I–го отделения. Карьера шла в гору — помощник столоначальника, губернский секретарь, исправляющий должность столоначальника, коллежский секретарь и, наконец, столоначальник. В 1855 г., т. е. спустя десять лет после начала службы, Пфафиус получил чин титулярного советника, а еще через четыре года коллежского асессора, и в 1861 г. его назначили Кяхтинским пограничным Комиссаром. Кяхта, небольшой город на границе России и Китая, являлся важным торгово-экономическим центром — через него шла вся чайная торговля между двумя странами.

Судя по тому, что награды и благодарности по службе получались регулярно, им были довольны. Не забывали о нем и представители китайских торгово-промышленных кругов. В феврале 1866 года Пфафиусу разрешили принять от Китайского купечества и Кяхтинского Маймачена благодарственный адрес «за содействие, оказанное Комиссаром Пфафиусом к потушению пожара, бывшего в Маймачене в 1864 году». В 1868 году Китайский

богдыхан пожаловал ему золотую медаль с драгоценностями.

Пфафиус прославился также и тем, что во время беспорядков в Монголии в начале 70-х гг. XIX в. за «полезную деятельность» был жалован 500 рублями серебром. Сложно сейчас сказать, в чем проявилась эта полезная деятельность. Но, учитывая нахождение в этих местах Ургинского отряда, близкой границы, постоянных стычек пограничной стражи с контрабандистами, Пфафиус, вероятно, мог по дипломатическим каналам и личной инициативой обеспечивать безопасность отряда. Император жаловал его тогда перстнем с сапфиром.

Службу Евгений Пфафиус завершил в 1884 году.

Он исповедовал римско-католическую религию, был награжден рядом орденов (Св. Владимира 3 и 4 степени, св. Анны 2 и 3 степени, св. Станислава 2 степени с императорской короной и той же степени без короны), имел именные знаки благодарности в виде перстней, награды от китайских властей.

Горемыкины и Пфафиус породнились — дочь генерал-губернатора вышла замуж за его сына Андрея.

Андрей Евгеньевич Пфафиус служил делопроизводителем в канцелярии А. Д. Горемыкина и имел к 1899 г. чин надворного советника, а вскоре уехал в столицу, где занял должность старшего чиновника императорской Канцелярии по принятию прошений на высочайшее имя. Скорее всего, случилось это не без помощи А. Д. Горемыкина.

Судьба остальных детей Горемыкиных представляется пока лишь в общих чертах. Александр Александрович Горемыкин учился в Александровском лицее. В числе десяти выпускников 1883 года (39 выпуск) он закончил обучение с серебряной медалью. В конце XIX в. мы видим его в качестве товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты. О младшем сыне сведений пока не найдено, кроме того, что учился в престижном учебном заведении, был прилежным учеником и талантливым человеком.

Примечания

1. Евгений Шободоев. Во власти истории. Иркутск. 2009. С. 108–109.
2. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. М. 1890. Т. 2. С. 1.
3. Восточное обозрение. 1889. 21 мая.
4. Восточное обозрение. 1889. 1 октября.
5. Там же.
6. Ив. Блинов. Губернаторы. С.-Петербург. 1905. С. 263–265.
7. А. Н. Бикштаева. Механизм назначения губернаторов в России в первой половине XIX века. «Отечественная история». М. 2006. № 6. С. 33.
8. А. Н. Бикштаева. Механизм назначения губернаторов в России в первой половине XIX века. «Отечественная история». М. 2006. № 6. С. 33.
9. Отечественная история. М. 2005. № 4.С. 3.
10. Там же. С. 4.
11. А. А. Корнилов. Воспоминания. Вопросы истории. М. 1894. № 2. С. 148.
12. Родина. 2015. № 2. С. 36.
13. Н. В. Черникова. Власть и интеллект: нарастание конфликта. Вопросы истории. М. 2005. № 4. С. 59.
14. А. В. Ремнев. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – XX века //Проблемы регионального управления. Вопросы истории. М. 1994. № 2.С. 61; А. В. Ремнев. Сибирь в имперской географии власти XIX — начала XX веков. Омск. 2015. С.325.
15. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ. Д. 575. Л. 2.
16. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ. Д. 575. Л. 2.
17. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ. Д. 575. Л. 3-4.
18. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ. Д. 575. Л. 4.
19. ГА РФ. Ф. 5102. ОП. 1. Д. 523. Л. 9 об.
20. ГБНЛ. Ф. 1000. ОП. 2 Д. 343. Л. 3.
21. ГБНЛ. Ф. 1000. ОП. 2 Д. 343. Л. 3-3 об.
22. ГБНЛ. Ф. 1000. ОП. 2 Д. 343. Л. 6.
23. ГАИО. Ф. 25. ОП. 2. Д. 33. картон 121. Л. 2.

Ольга Сокольникова

В Черемуховой пади

Черемхово – город угольщиков – в нынешнем году отмечает 100-летие. Юбилей – это, прежде всего, подведение итогов и воссоздание значимых этапов пути – трудных и плодотворных, печальных и радостных.

История возникновения Черемховского поселения началась вместе с освоением Сибири — с постройкой острогов по берегам рек Ангары и Белой во второй половине XVII века. Тропа между Балаганским и Бельским острогами проходила через долину реки Черемшанки, над которой был проложен мост. Со временем тропа эта для пеших и верховых путников, а затем и для колесного транспорта превратилась в проселочную дорогу (1). На склоне горы выросло зимовье (в народе этот район называют «Вшивой горкой», так как в начале XX века здесь жили цыгане и беглый люд) (2). Острога здесь не ставили, потому как граница государева проходила южнее, за слиянием рек Белых (3).

В 1733 году Академией наук была организована экспедиция из профессоров и академиков для изучения Сибири. Ее начальнику Витусу Берингу, который должен был проследовать через всю Сибирь до Охотского порта, было поручено выбрать трассу будущей дороги, которая вошла в историю под названием Московский тракт (4).

В Российском Государственном архиве древних актов хранится ведомость 1736 года Иркутского боярского сына Петра Чемезова, в которой описывается дорога, выбранная Берингом в Иркутской губернии. В документе указано, что от Половинной пади до Баданова зимовья в Черемховской пади было 16 верст, от Баданова зимовья до речки Кутулик — 28 верст (1 верста равна 1,07 км) (5).

Зимовья в то время представляли собой небольшие избы с битыми из глины печами, широкими лавками и нарами. В них путники получали за определенную плату еду и фураж для лошадей. Это были, по существу, первые постоялые дворы, обслуживание которых вели предприимчивые крестьяне, чьими фамилиями они были названы. В летний период зимовья не использовались и потому не дали названия первым населенным пунктам (6).

Знаменитый Московский тракт, именуемый еще Сибирским почтовым трактом или Государевой дорогой, прокладывался в XVIII веке приблизительно с 1735 по 1770-е годы. Дорога протяженностью более восьми тысяч верст проходила через громадные сибирские территории к границам Китая. Путь был размечен на прогоны и укомплектован штатом ямщиков и смотрителей на почтовых станциях.

Указанные в ведомости Петра Чемезова зимовья послужили основаниями для ямских станов, строительство которых началось в 1743 году. Этому предшествовала работа местной власти, направленная на поиски людей, пожелавших бы переехать на новое место жительства. В Иркутской канцелярии были подготовлены указы, приглашавшие жителей провинции принять участие в заселении новых земель, выбранных под ямские станы; указывались льготы, которые должны были получить крестьяне, перешедшие в ямщики: наделение 15 десятинами пахотной земли, освобождение на три года от всех податей, возможность заниматься в свободное от ямщины время охотой, вести торговлю пушниной через выбранных десятников и дополнительно получать за перегоны плату, установленную казной. С этими указами во все остроги Иркутской провинции были отправлены комиссары для ведения агитации среди местного населения (7).

Согласно переписи 1762 года ямская станция Черемхово была основана в 1743 году тремя крестьянскими семьями: Никиты Чижухина, Степана Кабакова и Кирилла Гришева, которые прибыли на место Бадановского зимовья из Бельского и Идинского острогов (8). Старшим был поставлен С. Кабаков, который стал первым государственным человеком нашего города. «Ревизская сказка» XVIII века повествует: «В 1743 году по указу Иркутской канцелярии прописан он, Кабаков, на Черемховский станец в ямщики» (9). С этого момента и исчисляется история Черемховского поселения.

С 1748 по 1755 годы в Черемхово прибыло еще 28 семей из Иркутска, Идинского, Бельского и Илимского острогов, а также Нижнеилимской и Новоудинской слобод. В итоге в 1760 году Черемховский ямской стан насчитывал 32 двора, в которых проживало 233 человека. Название стан получил от особенностей местности — обильно растущей здесь черемухи (10).

Почти 20 лет числился в долине речушки Черемшанки «ям» (селение ямщиков на почтовом тракте), который в конце XVIII века превратился в Черемуховую слободу, с начала XIX века — в Черемховскую слободу, а затем — и село Черемховское (11, 12) .

По данным переписи «ревизских сказок» России (проходившей с 1747 по 1762 годы), в Иркутской губернии для обслуживания нового пути было основано 10 таких ямских станций: Тайтурка, Черемхово, Кутулик, Залари, Кимельтей, Зима, Куйтун, Шерагул и Тулун – в 1743 году; Китой - в 1749 году (13). Интересно, что все крестьяне, заселившие Московский тракт, были местными. Перепись населения не зафиксировала ни одного переселенца, который бы перебрался на эти земли из европейской части России (14).

Извоз. Художник О. Ю. Фролова

Так, с верстового столба и ямщицких изб, в заросшей черемухой пади, у речки, начала свою историю Черемховская ямская, а затем почтовая станция. Располагалась она между Кутуликской станцией с запада и Тайтуркой с востока. На момент официального открытия Московского сухопутного тракта в 1768 году от Черемхово до Кутулика было 28 верст, а до Тайтурки — 43 (15).

В XVIII веке почтовые станции были устроены в среднем через 25–30 верст и представляли собой усадьбу, огороженную заплотом. В усадьбе находились станционный дом, амбар, навесы и ямщицкая изба. Спустя столетие ямские станции уже строились по проекту, разработанному на основе государева указа о почтах. Станционный дом был крупных размеров и выходил длинной стороной на улицу. Одна его половина служила для отдыха и проживания проезжающих, а другая была жильем для служителя почты с отдельной комнатой-кладовкой для хранения корреспонденции. Особняк делил усадьбу на дворы: чистый (с амбарами, навесом и ямщицкой избой) и хозяйственные (с навесом и конюшней для лошадей, а также стайками и загонами для других животных). Надо сказать, что кроме казенных станций по тракту можно было встретить и частные, также занимающиеся обслуживанием и доставкой почты. По сему во второй половине XIX века в Иркутской губернии уже насчитывалось 28 почтовых станций на расстоянии 12–30 верст друг от друга.

Ямские станции в Сибири, как отмечали все проезжающие по тракту, оставившие письменные свидетельства, отличались порядком и чистотой. Так, проследовавший в 1862 году на службу в Восточную Сибирь революционер, ученый и публицист П. А. Кропоткин писал: «Чистота (на станциях) необыкновенная, полы, которые большей частью покрываются ковриками, чище стола подмосковного крестьянина, постройки прочны, аккуратны, щели везде замазаны <…> Посуда подается всегда чистая, на чистом подносе, самовар блестит» (16).

Еще раньше немецкий и русский ученый П. С. Паллас, проехавший по Московскому тракту в 1772 году, выделил иркутский участок как добротно обустроенный, с хорошим обслуживанием. В своей книге 1788 года «Путешествие по разным провинциям Российского государства» он написал: «Как скоро в Иркутскую губернию съедешь, то везде уже можно найти по дороге на всех станциях весьма богатые светлые и чистые дома для приятия приезжих, кои содержатся от деревень для их собственного облегчения» (17). А в его книге «Путешествие по Сибири, к востоку лежащей и до самой Даурии» встречается первое упоминание о нашей станции — в путевых записях 1772 года Петр Паллас отметил: «За Белую переплавляясь, поехал я далее прекрасными лугами, коих ровное поле под зеленью пестрело цветами даже до Черемховской станции…» (18). Здесь жил станционный смотритель с семьей, стояли сменные лошади, а рядом вдоль тракта селились крестьяне. В долине речки они распахивали поляны, растили хлеб, разводили домашний скот, охотились и вели торговлю.

Население росло в основном за счет пришлого люда. В XIX веке появились ремесленники: кузнецы и печники, сапожники и портные, коновалы (ветеринары) и батраки и многие другие. На трактовой улице открылись постоялые дома, а местные жители стали заниматься извозом (ямской гоньбой) и брать подряды на доставку припасов.

Вокруг нового селения росла густая сеть заимок с обширными пашнями, сотнями голов рогатого скота и табунами лошадей. Как отмечают авторы бесценного издания «Московский тракт», при заселении трактовых земель человек сам выбирал место под будущую заимку или деревню, по своему соображению и вкусу. Выбранная под заселение земля должна была обладать плодородием, а

место — раздольем, чтобы человек, поселившись здесь, не был стеснен ни в выгоне скота, ни в сенокосных угодьях, чтобы с домом соседствовали пашни и мир Божий открывался с разных сторон, наполняя душу красотой и гармонией. В понимании крестьян только такая жизнь была настоящей, угодной Богу и самими крестьянам. Чтобы жить так, они, освоив российские пространства, перешли за Урал, расселились по Западной, а затем и Восточной Сибири, в неимоверных трудах и лишениях обживая новые земли (19).

Как же смогли переселенцы за сравнительно небольшой период времени освоить Сибирь, обустроить Московский тракт и развить крепкие крестьянские хозяйства? Ответ на этот вопрос, по мнению иркутских исследователей А. Нефедьевой и В. Тихонова — авторов «Московского тракта», дают все те же «ревизские сказки» 1762 года. Это стало возможным прежде всего благодаря тому, что русские люди жили большими семьями. К примеру, в семье черемховского основателя Кирилла Гришева было 16 человек, а Никиты Чижухина — 17. Наличие в неразделенной семье большого количества работников, объединенных общим хозяйством, беспрекословное подчинение старшему в роде, способному к руководству и организации работ, обеспечивали успешное развитие экономики семьи и бесперебойное обслуживание тракта (20). Еще этому способствовали наличие плодородных земель, льготы для переселенцев и, конечно, огромное трудолюбие русских людей и умение приспособиться к тяготам жизни.

Село Черемховское росло вместе со всей Сибирью. В. Паршин в книге 1851 года «Описание пути от Иркутска до Москвы» указывает, что «Черемховское селение простирается по линии тракта с несколькими боковыми улицами», в нем до 400 домов (21). В конце XIX века здесь проживало более двух тысяч человек, действовали приходское училище (включающее мужское и женское отделения), аптека, сельская богадельня, 25 торговых лавок, мельница, 11 кузниц и несколько кабаков (22). Село было волостным центром и входило в Балаганский уезд.

На тракте шел обмен с кочующими племенами койтов, тунгусов и полуоседлыми бурятами. Живой струей текли обозы с товарами и государственными грузами. В столицу везли «ясак» — ценную пушнину-рухлядь: соболей, белок, куниц; сибирские купцы отправляли на российские ярмарки закупленный в Китае чай, а в обратном направлении шли обозы с хлебом, мануфактурой и разными товарами. Бежали почтовые повозки с государевой почтой, посылками дворян, ехали государственные чиновники и иные путники (23).

По дороге шли ссыльные — на каторгу или поселение. Известно, что в 1764 году смертная казнь в России была заменена на вечное поселение в Сибири и ссылка стала носить постоянный характер (24). Под конвоем шагали не только разбойники, но и бродяги, фальшивомонетчики, а с 1826 года политические государственные преступники, посягнувшие на царское самодержавие (25). Поэтому волостное село наше имело пересыльный пункт (этап), огороженный высоким частоколом. Количество ссыльных, поступающих в Восточную Сибирь, постоянно росло и во второй половине XIX века составляло 8 850 человек в год. А в нашем Балаганском уезде, по данным иркутского генерала-губернатора, в 1886 году на 27 803 крестьянина-мужика приходилось 26 213 ссыльных мужчин (26). Контингент переселенных ссыльных был неоднородным. Среди них было много людей, воспринимавших труд как наказание и не способных к каким-либо работам. Нуждаясь в пище, одежде и крове, они возвращались к прежним лихим занятиям. Огромная масса ссыльных не нашла здесь приюта. Многие дожидались в местах поселения теплого времени, чтобы пуститься в бега назад на родину.

По дороге, чтобы выжить, занимались попрошайничеством и воровством. Скитания стали для них образом жизни — «бездомный люд», бродивший по Сибири, осложнял и без того нелегкую жизнь крестьянства. И лишь небольшое количество ссыльных, составляющее одиннадцатую часть от общего числа, восприняло Сибирь как новую родину, в которой им предстояло жить постоянно, растить детей, трудиться (27).

Александр Середкин в книге «Их именами названы улицы Черемхово» писал: «Сколько известных и неизвестных, русских и нерусских проехало и прошло по «окаянной дороге» — ученых, историков, путешественников, декабристов, мореплавателей, писателей, первооткрывателей, военачальников, строителей! По Московскому тракту прошла вся история России, прошла она и по нашему городу» (28). В июне 1890 года побывал проездом в селе Черемховском Антон Павлович Чехов, следовавший на Сахалин (29).

«Три Кита» Российской империи — царь, православие и армия — в Черемховском были представлены приставом, священником и призывным участком, первым по Балаганскому округу (30).

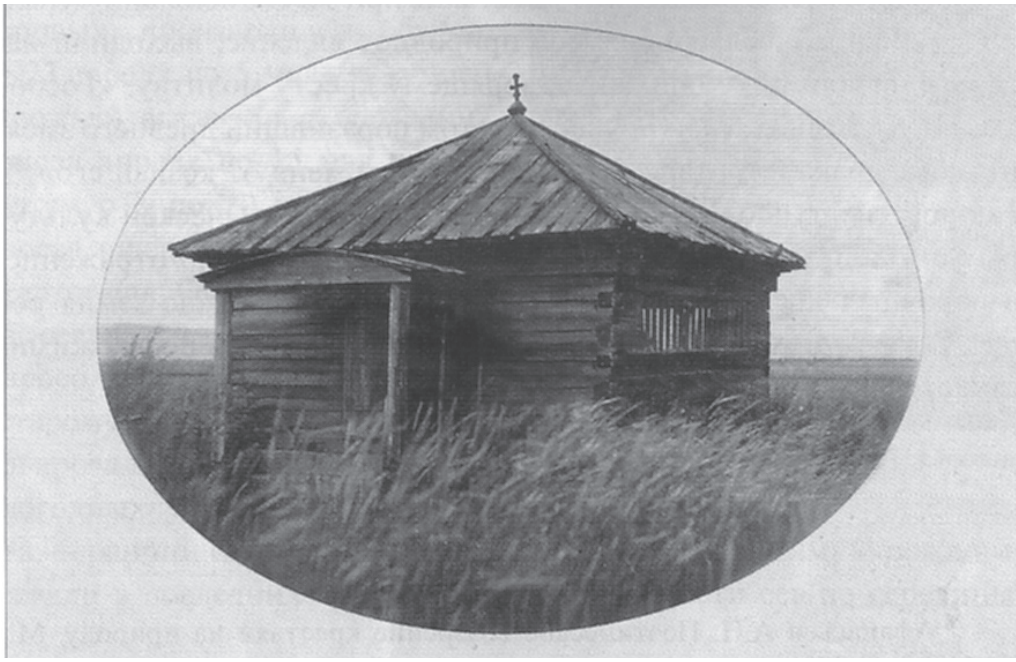
По данным Статистического комитета Иркутской губернии в 1911 году Черемховская волость состояла из села Черемховского (594 двора), трех деревень (Гришева, Макарьева и Котома) и 49-ти заимок (31).

Главным промыслом крестьян испокон веку было земледелие. Опыт, накопленный предками, неуклонно передавался новому поколению. Поэтому, несмотря на почти повальную безграмотность, крестьяне прекрасно владели народной агрономией, притом считали, что грамота пагубно влияет на крестьянина, портит его. «Грамотей не пахарь» (не работник), «Сохе грамота не на пользу» — свидетельствуют русские народные пословицы и утверждают, что в агротехнике нужно верить не ученому, а своему отцу:

Молебен на поле. Государственный архив Иркутской области

«Как отцы и деды наши жили, так и мы должны жить» (32).

Накануне сева крестьяне топили бани, мылись, и вся семья вечер посвящала молитве, наутро мужчины надевали чистую одежду. Считалось, что чистота пахаря передается земле и поле будет чистым, без сорняков. Утро начиналось с общественного моления. Крестьяне вместе со священником с хоругвью и иконами шли на поле и служили на нем молебен. По окончании его прихожане просили священника совершить почин — начать сев поля, и он, взяв лукошко с подвязанной к нему благовещенской просфорой, крестился на все четыре стороны, кланялся в пояс, разбрасывая зерно на восток, юг, запад. Этот обряд совершали крестьяне ежегодно и, чтобы Божья благодать сохранялась над полями во все времена, ставили на них часовни. В часовнях развешивали иконы, и при надобности — сильная засуха или какое-либо другое природное бедствие — молебны на поле у часовни велись и после сева. В некоторых местах полевую часовню заменял крест, установленный на поле (33).



Часовня на мальнинских полях.

Благодаря большим трудовым усилиям, смекалке и находчивости сельских тружеников трактовой зоны нашей губернии и в целом всей Сибири производство хлеба было поднято на высокий уровень. Иркутская губерния занимала первое место по урожайности зерновых (средний сбор урожая с десятины в 1913 году составил: озимой и яровой ржи — по 56 пудов, пшеницы — 64 пуда и овса — 72 пуда). Губерния снабжала хлебом все бесхлебные районы Сибири, поставляя избытки его в центральную Россию и за границу (34).

Вторым важным промыслом черемховских крестьян был извоз — перевозка людей, клади и почты. Почту законом предписывалось перевозить отдельно, без пассажиров, в кожаных чемоданах и разбирать ее лишь в городах (35). Развитие земледелия, промышленности и торговли вызвало увеличение объема

грузовых перевозок, который в 1888 году составлял в губернии 2 млн пудов в год. В перевозе его участвовали 15 тысяч крестьян из 63 тысяч человек, проживающих в округах, примыкающих к тракту (36).

Извоз в Иркутской губернии делился на две категории: дальний (1 560 верст артелью от Иркутска до Томска) и ближний (перевоз клади на одних лошадях на расстояние 200–300 верст). Работа ямщика была опасной и трудной. Ежесуточно преодолевая расстояние в 45–55 верст, шли они с обозами в любую погоду: в снег, ветер, мороз, торопясь привезти грузы к назначенному сроку (37).

В целом же извоз играл положительную роль в развитии селений и способствовал общему благополучию крестьян: получению прибыли от ямской гоньбы, а также от сбыта сена для лошадей и сельхозпродуктов для питания ямщиков.

Содействовал извоз и развитию сопутствующих промыслов: санно-тележного, шорного (изготовление ременной упряжи, седел, уздечек и других кожаных изделий), кузнечного и особенно дворничества (содержания постоялых дворов). По «Списку населенных мест Иркутской губернии» за 1878 год в крупных селениях, таких, как Черемхово, Зима, Тайтурка, Кимельтей, значилось от 14 до 23 постоялых дворов. В пути ямщикам нужно было согреться, поесть горячей пищи, накормить коней и дать небольшой отдых себе и лошадям (38, 39).

Ямщики обычно узнавали постоялые дворы по пучку сена или соломы, прикрепленному к воротам. Усадьбы крестьян, занимавшихся дворничеством постоянно, выделялись большими размерами и множеством хозяйственных построек. В большом дворе, как правило, стояли две избы — хозяйская и ямская, несколько амбаров для хранения овса, навесы для укрытия лошадей от непогоды (40). Многие крестьяне занимались обслуживанием ямщины сезонно, в свободное время от основного занятия — земледелия. В их средних и малых дворах отсутствовали

Часовня. Художник В. И. Преловский

отдельные избы для ямщиков и навесы для лошадей. Путников они размещали в своих домах. Кроме постоялых дворов на дорогах, где селений не было, предприимчивыми крестьянами ставились зимовья крупных размеров для обслуживания ямщины (41).

Тракт способствовал значительному развитию торговли. Большое количество крупных сел и промышленных селений и почти беспрерывное движение по тракту обусловили спрос на сельскохозяйственные продукты, мануфактурные, галантерейные и бакалейные изделия, инвентарь, посуду и многое другое (42). Основным товаром, которым торговало все взрослое население, был хлеб (43). Шумел по воскресным и ярмарочным дням сельскохозяйственный рынок и в селе Черемховском (44). Вследствие выгодного географического размещения наше трактовое село стало средоточи-

Зимовье для ямщиков

ем экономической жизни всей волости.

История черемховского селения неразделима с историей губернии и страны в целом. Трактовые села конца XIX века тянулись на несколько километров и пестрели крестьянскими избами и украшенными резьбой домами, общественными и торговыми постройками, над которыми возвышались церкви и этапные тюрьмы, выглядевшие неприступными крепостями. Живописно разбросанные вокруг сел изгороди вместе с окружавшей природой придавали им неповторимое очарование, что не раз было отмечено путниками, проезжавшими по тракту (45).

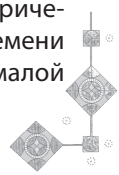
В последнее десятилетие XIX века — в период строительства Транссибирской железнодорожной магистрали — Московский колесный тракт использовался для перевозки большого количества строительных материалов и был сильно разрушен. С 1898 года, с начала движения в Иркутской губернии поездов, Великий тракт стал терять свое былое значение. В

Начало XX века. Село Черемховское

этот период в селе Черемховском зародилась новая отрасль — угольная, обеспечившая дальнейшее развитие нашей местности.

С годами менялся облик села Черемховского — многие дома стали строиться на городской манер, появилась даже гостиница (вторая из сел губернии была в Зиме) (46). Увеличивались территория и население, расширялся спектр занятий жителей. Вследствие сего в начале XX века трактовое село превратилось в небольшой город.

Сегодня о тех далеких временах рассказывают документальные фильмы, снятые черемховской студией телевидения, а также художественный фильм «Тара», недавно вышедший на большой экран; книги краеведов и, конечно, Музей истории Черембасса. У многих сохранились предметы домашней утвари — старинные самовары, утюги, прялки и иные вещи, которые передают дух ушедшей эпохи и являются семейными реликвиями. Все это вместе составляет историческую память — олицетворение времени основания и становления нашей малой родины.



Примечания

1. Черемховские были. Автор-составитель Т. В. Ковальская. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2015. С. 62.
2. Был станец средь черемух – стал город на угле… Сост. Т. В. Ковальская. Иркутск, 1993. С. 45.
3. Ковальская Т. Закатилось угольное солнце (К 85-летию города Черемхово) // Восточно-Сибирская правда. 22.08.2002.
4. Нефедьева А. К., Тихонов В. В. Московский тракт. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы», 2010. С. 91.
5. Там же. С. 91–93.
6. Там же. С. 119–120.
7. Там же. С. 94.
8. Там же. С. 98–100.
9. Был станец средь черемух – стал город на угле… Сост. Т. В. Ковальская. Иркутск, 1993. С. 2.
10. Нефедьева А. К., Тихонов В. В. Московский тракт. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы», 2010. С. 100.
11. Был станец средь черемух – стал город на угле… Сост. Т. В. Ковальская. Иркутск, 1993. С. 2.
12. Ковальская Т. Закатилось угольное солнце (К 85-летию города Черемхово) // Восточно-Сибирская правда. 22.08.2002.
13. Нефедьева А. К., Тихонов В. В. Московский тракт. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы», 2010. С. 119.
14. Там же. С.120.
15. Там же. С.124.
16. Там же. С.221–222.
17. Там же. С.124.
18. И так идет за веком век: История города Черемхово. Сост. Т. В. Ковальская. Восточно–Сибирское книжное издательство, 1999. С. 9.
19. Нефедьева А. К., Тихонов В. В. Московский тракт. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы», 2010. С. 150–151.
20. Там же. С.122–123.
21. Там же. С.139–140.
22. Черемхово — город угольщиков. Историко-экономический очерк. Ред. Н .Г. Сеппинг. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. С. 10.
23. Был станец средь черемух – стал город на угле… Сост. Т. В. Ковальская. Иркутск, 1993. С. 4–5.
24. Нефедьева А. К., Тихонов В. В. Московский тракт. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы», 2010. С. 176.
25. Был станец средь черемух – стал город на угле… Сост. Т. В. Ковальская. Иркутск, 1993. С. 4.
26. Нефедьева А. К., Тихонов В. В. Московский тракт. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы», 2010. С. 181.
27. Там же. С.181–189.
28. Середкин А. Их именами названы улицы Черемхово. Черемхово: Типография МУП «Черемховский рабочий», 2010. С. 39.
29. Там же. С. 23, 77.
30. Был станец средь черемух – стал город на угле… Сост. Т. В. Ковальская. Иркутск, 1993. С. 4.
31. Нефедьева А. К., Тихонов В. В. Московский тракт. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы», 2010. С. 151, 172–174.
32. Там же. С.195–196.
33. Там же. С.200–202.
34. Там же. С.214–215.
35. Там же. С.222.
36. Там же. С.225.
37. Там же. С.226–228, 232.
38. Там же. С.241.
39. Зубарев Н. К. Очерки истории Черемховского района. Иркутск: Издательский центр журнала «Сибирь», 2004. С. 34–35.
40. Нефедьева А. К., Тихонов В. В. Московский тракт. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы», 2010. С. 242.
41. Там же. С.243–244.
43. Там же. С.245.
44. Там же. С.247.
45. Там же. С.249, 285.
46. Там же. С.294–295.
47. Там же. С.285.

Ольга Сокольникова

Через тернии – к звездам!

«Без угольной промышленности никакая современная промышленность, никакие фабрики и заводы немыслимы. Уголь — это настоящий хлеб промышленности».

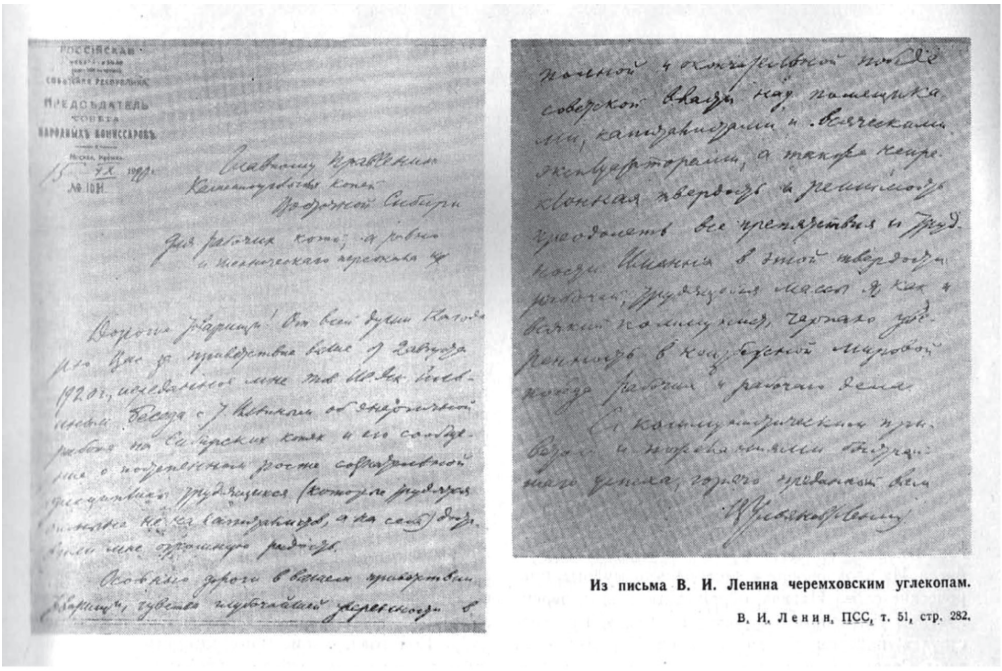
В. Ленин

Начало прошлого века было сложнейшим историческим периодом для России — революционное движение, Первая мировая (1914–1918 гг.) и Гражданская (1918–1922 гг.) войны принесли тяжелейшие испытания для жителей страны. Архивные документы свидетельствуют, что на шахты прибыли рабочие с фронта (1), вернулись пленные из Германии (2), Австрии (3), Англии (4), Франции (5) и Польши (6). Многие отбывали каторжные работы (7), находились в ссылке (8). Разруха, перебои с продовольствием, бездействующий транспорт — такой была Россия начала прошлого века. Люди терпели жестокую нужду, страдали от голода и холода.

Гражданская война развела людей, любящих родину и готовых проливать за нее кровь, в разные стороны… Красные и белые самоотверженно сражались и на территории нашего района, а после окончания войны вернулись к мирному труду. Согласно материалам архива, в 1918–1922 годах на шахты поступили бывшие солдаты армии Колчака (9), Семёнова (10) и Красной армии (11); вернувшиеся из партизанских отрядов (12); из плена А. Деникина (13), Г. Семенова (14) и А. Колчака (15). Эти разные по идейным убеждениям люди вместе жили в бараках, трудились бок о бок на копях и в мастерских, строили будущее страны (16).

Двадцатые годы в жизни черемховцев были особым периодом неопределенности и надежд, войны и мира, страданий и труда. Это революционное движение, сплотившее массы, митинги, лозунги, субботники, призывы и — работа ударными темпами!

Необычайно деятельно и продуктивно бурлила общественная жизнь города в 1920 году, когда в Сибири окончательно установилась Советская власть и произошла полная национализация копей (17). 13 февраля в Черемхово была создана первая в Иркутской губернии комсомольская организация, молодые участники которой показывали пример самоотверженного труда и жизненной позиции. 7 мая горняки выдвинули лозунг «Восстановим шахты родного Черембасса ко 2 августа — дню открытия 1-й районной партийной конференции» и обещание выполнили — 2 августа всем шеститысячным коллективом собрались на митинг, посвященный окончанию восстановления копей. В этот день 45 шахтеров написали письмо от всего коллектива углекопов председателю Совета Народных Комиссаров, вождю и учителю В. И. Ленину и в сентябре получили ответ (с содержанием этих писем читатели могут ознакомиться в книге 1971 года «Черемхово — город угольщиков»). Вдохновленные ленинскими словами, горняки делали все возможное для восстановления шахт и других предприятий города. 17 ноября лидеры города избрали В. И. Ленина почетным членом Черемховского городского Совета рабочих депутатов и направили ему приветственную телеграмму. И позже горняки сообщали вождю мирового пролетариата о трудовых буднях и успехах: папка с бюллетенями «Трудовой кочегарки», посвященными первомайской трудовой неделе, и сегодня хранится в личной библиотеке В. И. Ленина, являющейся составной частью музея «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле» (18).



Из письма В. И. Ленина черемховским углекопам.

В. И. Ленин, ПСС, т. 51, стр. 282.

Письмо В. И. Ленина черемховским углекопам, 1920 год

В то же время, во второй половине ноября, на агитпоезде «Октябрьская революция» в Черемхово прибыл соратник Ильича, председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и пламенный пропагандист М. И. Калинин. На вокзале его встречали тысячи шахтеров, которые собрались на митинг вместе с семьями. Михаил Иванович выступил на механическом заводе, на торжественном собрании горсовета и в клубе металлистов (19).

Внимание партийных лидеров было неслучайным — горняки Черембасса представляли промышленный авангард Сибири первой половины прошлого века. Общение с членами Советского правительства, в свою очередь, вызвало у шахтеров горячее желание работать еще лучше.

Нельзя не сказать и о создании 5 сентября пионерской организации «Красная звездочка» — первой в Иркутской губернии. В декабре 1920 года ее ребята тоже написали яркое, эмоциональное письмо В. Ленину (20).

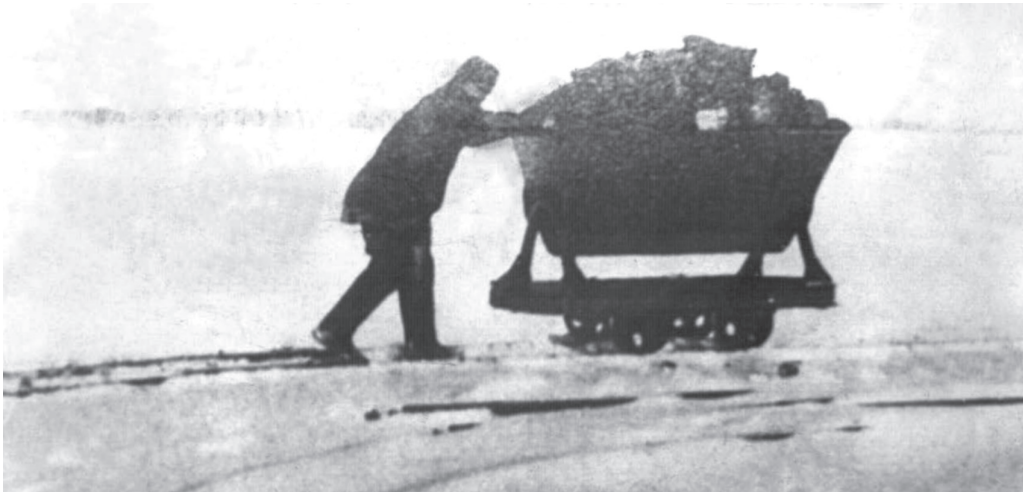
Развивалось и культурное строительство. 12 августа 1920 года вышел первый номер рабочей газеты «Красный углекоп». К слову сказать, уровень грамотности в то время был очень низким: в списках рабочих и служащих городского архива самые распространенные записи в этой графе — «неграмотный» и «малограмотный». Посему газета открывалась призывом, который завершался словами: «Грамотный, прочти газету неграмотному» (21).

В этом же 1920 году произошло важное изменение в организации угледобычи — 15 мая все угольные предприятия Черембасса были объединены в Главное управление копей Черемховского угольного бассейна Иркутской губернии «Ируголь» (22).

С установлением советской власти осуществляется перестройка системы управления копями. В феврале 1921 года шахтам были присвоены номера, а улицы и площади города в ознаменование трехлетия низвержения самодержавия были переименованы в память о выдающихся

революционных событиях и деятелях революции (23).

В копях в это время применялась столбовая система работ с обрушением кровли. Откатка по главным штрекам была конная, а от забоев — ручная, в вагонетках (24). Каждый день шахтеров ожидали тяжелейший труд и постоянная опасность. А бытовые условия, к сожалению, были более чем скромными. Жилья не хватало, строили его мало и очень плохого качества, люди страдали от тесноты и холода. Медицинское обслуживание только начало создаваться, не хватало квалифицированных кадров, медикаментов и больничных площадей (25).



Так возили уголь в 1920 году

Группа рабочих и технического персонала, 1921 год

И все же, несмотря на трудности того времени — острую нехватку квалифицированных кадров, инструментов и оборудования, большое количество несчастных случаев — шахтеры работали с полной отдачей сил.

С 1925 года начался устойчивый рост добычи угля — промышленность страны восстанавливалась после долгих лет войны и разрухи, в Союзе стартовало экономическое строительство. Соревнуясь в 1924–1927 годах с Кузбассом, Черемховский бассейн добился лучших результатов. Среднемесячная производительность шахтера Черембасса, например, в 1927 году составила 1 480 пудов (24,2 тонны) угля, а шахтера Кузбасса — 846 (13,8 тонны). Уже в 1925–1926 годах Черембасстрест, признанный организацией союзного значения, входил в число лучших угольных бассейнов страны. В Черемхово стали приезжать делегации из других угольных бассейнов и даже из Донбасса для ознакомления с опытом снижения себестоимости угля (26).

В 1927 году началась техническая реконструкция старых предприятий, повсеместная механизация производства, электрификация и телефонизация рудников. А с 1928-го Черембасс вместе со всей страной начал отсчет ударных трудовых пятилеток, с каждой из которых Советский Союз наращивал экономическую мощь.

Вместе с повышением производительности труда руководство Черембасса уделяло внимание снижению себестоимости угля. В 20-е годы с этой целью были закрыты или законсервированы старые и убыточные копи, происходила концентрация производства. Важным достижением можно считать сокращение рабочего дня до восьми часов.

В целом 20-е годы в Черемхово — это очень трудное, но идейно наполненное время. В апреле 1929 года в Черембассе началось соцсоревнование, а в декабре наши шахтеры участвовали в первом Всесоюзном съезде ударных бригад (27).

Празднование десятилетия Октября. Колонна на ул. Декабрьских событий, 1927 год

Наилучшим образом решился вопрос подготовки квалифицированных кадров — в 1930 году открыл свои двери для студентов горный техникум, разместившийся в усадьбе его основателя — углепромышленника и мецената Петра Карповича Щелкунова.

Наряду с реконструкцией действовавших шахт в начале первой пятилетки приступили к строительству новых. С этой целью в 1929 году в Черемхово была создана специальная контора «Шахтстрой». С этого же года начала свою работу шахта № 7, а в 1931 году вступили в строй шахты № 5-бис, 8, 10/16 («Касьяновка») и «Малый Артем». В 1933 году была сдана в эксплуатацию крупнейшая в СССР Шахта им. XVI партсъезда (переименованная в 1935 году по просьбе шахтеров в Шахту имени С. М. Кирова). В 1939 году начала свою работу шахта «Забитуй», а в 1940-м — шахты № 5 и «Владимир» (28).

Материалы архива — приказы по Черемховскому Рудоуправлению «Востсибугля» и его предприятиям, а с 1932 года по Тресту «Востсибуголь» — отражают работу и жизнь шахтеров прошлого века (29).

В приказе № 177 от 15 сентября 1932 года говорится: «К 15-й годовщине Октябрьской революции, к моменту завершения первой великой пятилетки в четыре года, к вступлению в период зимы черемховские ударники-строители имеют все необходимое для того, чтобы под руководством большевиков делом откликнуться на призывы рабочих города Ленина, города — колыбели Октябрьской революции, и достичь новых и больших побед в нашей борьбе за социалистическое преобразование и развитие Черемховского угольного бассейна — индустриальной базы Восточно-Сибирского края» (30).

Характерно, что в документах тех лет фамилию человека непременно предваряло доброе и универсальное «товарищ». А еще часто употреблялось слово «полагать»: назначенным на должность… переведенным на шахту №… больным… убывших в очередной отпуск и т. д. — «полагать в таковом», а возвратившихся, к примеру, из служебной командировки — «полагать налицо».

Во главу угла ставилось планирование. «Выполнение ПРОМФИНПЛАНА рабочим (бригадой), горным мастером, десятником, техником, инженером, хозяйственником, шахтой (цехом, отделом) в целом невозможно без осуществления во всяком деле (во всякой даже маленькой части нашей работы) ПЛАНИРОВАНИЯ: из ПЛАНА исходить, по ПЛАНУ работать, ПЛАН ВЫПОЛНЯТЬ и перевыполнять — такова задача и обязанность всех нас и каждого из нас. Первостепенное значение ПЛАНА заключается в том, что ПЛАН обеспечивает и решает работу без прорыва», — пишется в приказе № 3 от 25 ноября 1932 года (31).

Горняки старались изо всех сил. К 1933 году удельный вес шахтеров — ударников труда по Черембассу составил 46,3 процента! (32).

Заведующий Шахтой им. Сталина в приказе № 8 от 1 апреля 1933 года констатирует: «Бурный рост социалистической промышленности на основе неимоверного энтузиазма ударников-большевиков под непосредственным руководством партии ВКП(б) и ее Ленинского ЦК превращает старую Россию из раздробленной аграрной в страну индустриальную мировую…» (33).

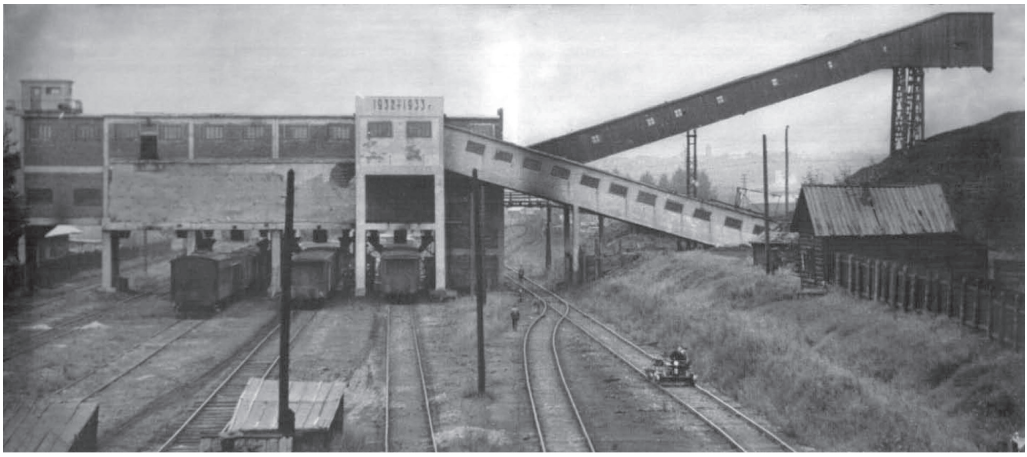
С апреля 1933 года на черемховских шахтах начался конкурс на лучшую бригаду, первенство в котором одержала бригада Г. Удачина, перевыполнившая годовое задание в 4,4 раза. Время требовало высоких достижений и совершенствования всех сторон производства. Приказ № 63 от 13 мая 1933 года гласит: «Фундаментальная и центральная директива правительства и партии… заключается в освоении нами новой техники и в поднятии производительности труда, в этих целях мы обязаны поднять механизацию, освоить ее, мы обязаны остановить текучесть, выучить новых и переучить старых рабочих в надежные постоянные, квалифициро-

ванные кадры, способные работать высокопроизводительно; этим обеспечивается ликвидация прорыва и наше успешное дальнейшее хозяйственное – социалистическое развитие» (34).

Работали, не считаясь со временем. В пункте 15 этого же приказа Управляющий Трестом «Востсибуголь» И. Бойков пишет: «Запрещаю на шахтах и в цехах собрания и совещания после 11 ч. ночи, за исключением компанейских и союзных посменных собраний».

Со страниц документов лились лозунги. Так, в приказе № 88 от 19 июня 1933 года Бойков призывает: «Выше знамя соцсоревнования, шире фронт ударничества, крепче удар по элементам расхлябанности, недисциплинированности, некультурности!» (35).

Это было время внедрения большевистских темпов в угольной промышленности, развития социалистического соревнования, ударничества, развертывания борьбы за повышение производительности труда, за укрепление социалистической дисциплины.



Шахта имени С. М. Кирова (1933–1978 гг.) — самое механизированное угледобывающее предприятие Черембасса

Шахтерами Черембасса в 30-е годы прошлого века были в основном спецпереселенцы — раскулаченные в ходе коллективизации и высланные в административном порядке из мест проживания крестьяне. По запросу Рудоуправления они прибывали практически из всех районов страны — от Башкирии, Украины и районов Черноземья до Приморского края. Как отметил писатель Игорь Золотусский: «В 1930 году был срыт и отброшен в тернии, на голый камень самый плодородный слой народа — трудящееся крестьянство. Это была та часть народа, что кормила, одевала и обувала Россию, а литературу одаривала золотой россыпью языка» (36). Миллионы крестьян были сосланы в 1930–1937 годах в Сибирь и объявлены «классово-чуждыми элементами»… (37). В документах говорится, что на производстве «имеются случаи необоснованного обвинения их в симуляции, вредительстве и других деяниях, порочащих их как работников, на основе которых они отстраняются от работы» (38). Сельские труженики, потерявшие все и под прицелом оружия доставленные в вагонах в Сибирь, вынуждены были терпеть страдания, унижения и душевную боль. Здесь, на черемховской земле, их ждала тяжелая доля — люди ютились в тесных, холодных бараках и землянках, страдали от недостатка питьевой воды, недоедали. Неудовлетворительными были и санитарные условия жизни. Приказом № 96 от 9 июля 1933 года «О мерах предупреждения эпидемических заболеваний» предполагались: обязательная дезосанобра-

ботка казарм, квартир, общежитий и т. д., всех вновь приезжающих; строительство новых бань и прачечных, оборудование их дезинсекторами для систематической санобработки спецовок, вещей и одежды рабочих и членов их семей; организация душевых установок во всех крупных цехах (39). Однако, как говорится в приказе № 357 от 16 декабря 1937 года, «на шахтах не обеспечиваются элементарные санитарные условия труда» (40).

Горняки и их семьи жили в условиях, не позволявших восстанавливать затраченные на производстве усилия и подорванное здоровье. Усталые, изможденные люди приходили в свои переполненные бараки, не имевшие элементарных удобств. Однообразное, несбалансированное питание, невысокий уровень районного здравоохранения провоцировали частые болезни и составляли неотъемлемую часть быта черемховцев.

Тем не менее угольщики старались сохранять бодрость духа и жить полноценной жизнью — учились грамоте и шахтерскому ремеслу, принимали активное участие в общественной деятельности, весело проводили досуг, украшали и облагораживали свой быт как могли.

Во второй половине тридцатых годов на шахтах и других предприятиях Черемхово развернулось стахановское движение, получившее свое название от фамилии донбасского забойщика Алексея Стаханова. По советским данным, в ночь с 30 на 31 августа 1935 года он за 5 часов 45 минут вырубил советским отбойным молотком 102 тонны угля при норме семь тонн. А в сентябре установил новый рекорд, добыв 227 тонн угля за смену! Трудовой подвиг Стаханова стал достоянием страны, получил поддержку советского правительства, и за короткое время движение охватило все отрасли промышленности, транспорта, строительства и сельского хозяйства (41).

Черемховские шахтеры с воодушевлением приняли трудовую инициативу забойщиков Донбасса — волна трудового энтузиазма охватила все шахты и предприятия. Первым стахановцем Черембасса и всей Восточной Сибири стал молодой шахтер, машинист врубовой машины Аркадий Костецкий. Готовясь к работе по-новому, он по-деловому взвесил, насколько рационально используется им каждая минута рабочего времени, и на основании глубокого анализа пришел к выводу, что сможет работать так, что одна врубовая машина заменит три. И поставил всесоюзный рекорд (42). В приказе № 123 от 21 сентября 1935 года сказано: «17 сентября на шахте № 7 врубовой машинист Костецкий А. П. подрубил за смену 4 лавы с общим фронтом 183 тонны и с выходом угля 800 тонн, выполнив норму на 350 процентов; 18 сентября на шахте им. Кирова ударная бригада Негрозова (3 человека) отбила, погрузила в вагоны и откатила 42 тонны, выполнив норму на 271%; 20 сентября на шахте № 8 забойщик Поповкин в нарезном штреке вручную отбил 19,5 тонн, погрузил в вагоны и откатил, закрепил забой, выполнив норму на 630 %; 21 сентября на шахте № 7 бригада Зудилкина (20 человек) выдала из лав № 1 и № 2 за смену 450 тонн с креплением и навалкой угля на конвейеры, выполнив норму на 270%» (43).

Так в Черембассе началось стахановское движение. В него моментально влились бригады, участки и целые шахты. 27 сентября стал днем стахановских рекордов — не было такой шахты, горняки которой не перевыполнили бы своих норм! (44). В ноябре 1935 года черемховцы приняли участие в 1-м Всесоюзном совещании стахановцев.

Шахтеров, выполнивших две и более нормы за смену, называли двухсотниками, а выполнивших пять норм — пятисотниками. В нашем городе есть улицы Двухсотниц и Пятисотниц, названные в честь лидеров угледобычи (45). Согласно приказу № 45 от 28 февраля 1936 года проводились стахановские пятидневки и декады. Передовикам производства объявляли благодарности, их награждали премиями (46).

Стахановцы

С 1 мая 1936 года лучшим стахановцам Черембасса, выполнившим норму на 200% и выше, присваивалось звание «Мастер угля», на 300% и выше — «Мастер угля первого класса». В зависимости от специальности звание именовалось «мастер забоя; откатки; крепления; машинист врубовой машины» и т. д. В случае же невыполнения нормы в течение последующих трех месяцев рабочие звания лишались, а при дальнейшем выполнении нормы на 200% и выше в течение двух месяцев подряд вновь восстанавливались в звании (47). Стоит сказать, что наряду с выполнением нормы для получения звания требовалось отличное знание обслуживаемого механизма, соблюдение требований в отношении состояния забоя, техники безопасности и безаварийной работы.

В стране царил дух соревнования. 27 марта 1936 года горняки рапортовали: «На основе внедрения СТАХАНОВСКОГО мето-

да работы «Краснознаменная шахта № 5» 26-го марта с/г в 12 часов ночи досрочно выполнила квартальный план угледобычи, дав стране 70 207 тонн угля. За оставшиеся пять дней обязуемся дать сверх плана 4 000 тонн» (48). Руководители старались вдохновить шахтеров, поднять общественный и трудовой дух. Управляющий Трестом «Востсибуголь» Я. Калюжный в приказе № 271 от 9 сентября 1936 года пишет лозунг: «Бойцы комсомольской вахты! 200% технической нормы — показатель, дающий право быть участником в несении комсомольской вахты» (49). Люди работали самоотверженно, на пределе сил и возможностей. Уже к концу 1936 года из 6 869 рабочих Черемховского угольного бассейна свыше тысячи были стахановцами, 2,5 тысячи ударниками труда и 80 — мастерами угля (50).

В Приложении к приказу № 210 от 19 декабря 1940 года передовикам дается такая характеристика: «Стахановцы — это люди, в совершенстве овладевшие механизмами и технологическим процессом производства, умеющие и то и другое поставить на службу высокой производительности». Стахановское движение стало яркой страницей истории не только Черембасса, но и всей страны (51).

Большое внимание уделялось вопросам изобретательства и рационализации, повышению профессионального уровня горняков — на всех шахтах и предприятиях активно проводилась производственно-техническая пропаганда, важнейшим элементом которой было массовое обязательное техническое обучение рабочих. Управляющий Трестом «ВСУ» в приказе № 117 от 7 мая 1938 года распоряжался: «Всех рабочих, вновь принимаемых на шахту, в обязательном порядке пропускать через краткосрочные курсы тех-учебы по ознакомлению с техникой безопасности и работой в шахте» (52).

Приказ № 160 от 29 сентября 1939 года гласит: «Массовое техническое обучение рабочих без отрыва от производства является одним из крупнейших завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции. Массовая техническая учеба является первой ступенью в деле выращивания и воспитания технической интеллигенции на предприятиях тяжелой индустрии. Тысячи рабочих-стахановцев, ударников овладели на тех или иных курсах новыми техническими знаниями, подвели под свой практический опыт теоретическую базу. Техническая учеба способствует расширению и углублению общеобразовательных, общетехнических и специальных знаний рабочих, открывает перед ними перспективу дальнейшего совершенствования на производстве». Далее § 1 данного приказа говорит: «Первые два выпуска с курсов мастеров социалистического труда дали нашим шахтам новое пополнение квалифицированных кадров, которые, без сомнения, оправдают высокое звание мастера социалистического труда» (53).

Командный состав Треста, как отражается в приказе № 166 от 10 октября 1939 года, проходил заочное обучение в Московском и Донецком горных институтах (54).

А приказ № 210 от 19 декабря 1940 года рассказывает об организации стахановских школ, когда передовики производства на протяжении 1,5 часов после рабочего дня обучали горняков своим навыкам работы (55).

Согласно приказу № 211 от 20 декабря 1940 года слушателям курсов социалистического труда шахты им. С. М. Кирова, успешно выполнившим свои контрольно-выпускные экзамены, присваивалось звание мастеров социалистического труда (56).

Одновременно с увеличением добычи «черного золота» руководство Черембасса большое внимание уделяло снижению его себестоимости. Приказ по народному комиссариату тяжелой промышленности от 5 января 1936 года № 29 гласит: «Угольная промышленность Союза в 1935 году имеет ряд достижений, особенно в четвертом квартале, когда на

основе стахановского движения резко повысились суточная добыча, производительность труда и механизмов… Все командиры угольного производства… должны усвоить, что организация стахановского движения должна иметь в этих отраслях основной своей целью как максимальное увеличение производства, так и снижение его стоимости (резолюция пленума ЦК ВКП(б) от 25 декабря 1935 года). НКТП считает, что ни один участок в шахте или шахта в целом не может считаться стахановским, если себестоимость — результативный показатель ее деятельности — не находится на уровне плана или ниже его» (57). Этой цели служит и приказ № 47 от 11 февраля 1937 года, который призывает «на борьбу за снижение себестоимости мобилизовать все хозяйственные, технические и общественные организации. Каждая шахта, предприятие, добившись снижения себестоимости против плана, тем самым улучшает свое хозяйственное положение и бытовые условия трудящихся» (58).

Поднялась зарплата горняков. Люди со всей страны потянулись в шахтерский город. С мая 1937 года в Черембасс стали массово прибывать промпереселенцы — вербованные граждане, которые направлялись на строительство промышленных предприятий. В приказе № 125 от 19 мая 1937 года, касающемся прибытия пятисот семей промпереселенцев, есть следующее распоряжение: «Руководителям предприятий под их личную ответственность обеспечить полностью размещение людей, подготовив все помещения, выделенные для этой цели не позже чем 25 мая с. г. Помещения должны быть оборудованы кроватями, столами, табуретами, бочками, ведрами, подвезены — уголь, дрова, вода» (59). Тем не менее условия жизни промпереселенцев (как и остальных тружеников) были далеки от этой картины. Появились массовые жалобы на «неправильность расценок норм и зарплаты начисления, а также коммунальное и бытовое обслуживание…» (60)

Люди десятилетиями жили в землянках, саманных бараках, построенных из глины, навоза и воды, квартирах, общежитиях. В распоряжении № 8 Председателя Исполнительного Комитета Черемховского городского Совета депутатов трудящихся от 16 апреля 1940 года говорится: «Согласно поданной докладной записке депутата Городского Совета тов. Ромаданова видно, что землянки на шахте Касьяновка, где проживают трудящиеся — пришли в негодность на 80% и угрожают опасностью живущим в этих землянках» (61).

Не лучше была ситуация и в шахтах. Документы свидетельствуют о бедствиях шахтеров на производстве — завалах лав, авариях шахтных механизмов… Приказ № 105 от 27 мая 1934 года сообщает, что «за последнее время участились случаи травматизма по шахтам, главным образом — за счет обрушения кровли…» (62). В последующие годы ситуация усугубилась еще больше. Приказ № 15 от 26 января 1939 года констатирует: «… мы имеем в 1938 году рост общего травматизма на 35% против 1937 года. <...> При более детальном рассмотрении оказывается, что имевшийся огромный рост травматизма происходил, главным образом, за счет несчастных случаев при обрушениях и ушибах кусками угля и породы» (63). Также причинами трагедий рабочих были повреждения при взрывных работах и на транспорте, поражения электротоком, падения в выработки. Уголь давался труженикам дорогой ценой…

Вместе с шахтерами на износ трудились и лошади — верные и многовековые помощники человека в радости и горе, сражениях и труде. «По данным, имеющимся в Тресте на первое февраля 1934 года, за 1933 год всего убыло по Черемховскому Рудоуправлению 180 лошадей; из них 133 пало по болезни, 48 искалечено в шахте, 14 украдено, пять убито током», — говорится в приказе № 49 от 22 марта 1934 года (64).

Кони массово болели пироплазмозом или клещевой лихорадкой, когда

скрытый период длился 6–11 дней, а затем при проявлении признаков в течение 3-х дней животные погибали (65). Питание их было более чем скудным. Согласно приказу № 171 от 29 декабря 1935 года «… ухудшением транспорта являются также перебои с сеном, из-за чего кормежка соломой лошадей истощает и выводит их из строя» (66).

В последующие годы доля трудовых лошадей стала более тяжкой — приказ № 115 от 8 мая 1938 года свидетельствует о том, что «…за 4 месяца 1938 года по всему конскому поголовью Треста имело место 303 случая травматизма, в том числе 21 лошадь пала и была забита в результате полученных травматических повреждений. Рабочий день лошади на отдельных шахтах доходит до 18 часов» (67). Это подтверждает и приказ № 58 от 29 ноября 1938 года: «Из наблюдений по шахтам видно, что подземные лошади работают с большим перегрузом. На отдых лошади приходится четыре–пять часов в сутки» (68). И люди, и животные страдали в то время от голода, переутомления и болезней.

Добыча угля велась круглосуточно, в три смены (69). Горняки проводили проветривание забоев, боролись с подземными пожарами, с весенними паводками и затоплением шахт. Осуществлялась серьезная работа по повышению качества угля.

Стоял вопрос трудовой дисциплины. Так, в приказе № 20 от 10 февраля 1936 года говорится: «В связи с мощным стахановским движением по освоению новых социалистических форм труда и новых методов работы, базирующихся на высокой сознательной труддисциплине, технической оснащенности машинами-механизмами шахт и значительном улучшении материально-бытовых условий рабочих, ИТР и служащих Треста «Востсибуголь», вопрос трудовой дисциплины должен быть поднят на принципиальную политическую высоту» (70). Шла активная «борьба с лодырями, хроническими пьяницами и симулянтами, прячущимися в шахтерки и рабочие блузы…» Их немедленно увольняли, выселяли из квартир, налагали запрет на прием на предприятия Треста «Востсибуголь» и публиковали в печати их фамилии.

Страна была заинтересована в людях героического труда. С чувством гордости в 1939 году черемховцы восприняли Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении шахтеров орденами и медалями.

Группа рабочих и технического персонала, 1940 год

В 1939 году был введен в строй разрез «Храмцовский», с которого в Советском Союзе началась добыча угля открытым способом. Трест «Востсибуголь» наращивал обороты. В приказе № 43 от 12 марта 1941 года констатировались «досрочное выполнение годового плана за 1940 год и достигнутые успехи в социалистическом соревновании» (71).

Развитие Черемховского угольного бассейна вызвало быстрый рост населения. Если в 1926 году в городе жило 14 485 человек, то в 1932-м — уже 23 240, а в 1939-м году численность населения Черемхово достигла 55 700 человек, а всего района — 65 907 (72).

Рядом с шахтами жили, а точнее выживали ссыльные, спец- и промпереселенцы, крестьяне. 1920-е и 1930-е годы — это тяжелое, противоречивое время контрастов, когда на одной чаше весов лежали аресты, ссылки, лагеря и каторга невинных, трудолюбивых людей, тяжелые жилищно-бытовые условия, нищета, голод, а на другой — идейная эйфория и радость труда на благо светлого будущего. Шло истребление собственного народа посредством «чисток» партии от антисоветского, «чуждого элемента» в 1928–1930 годах, ночных арестов 1937-го и многих других способов (73). Приказы № 341 и 361 от 28 ноября и 28 декабря 1937 года свидетельствуют о «вредительстве» и аресте «врагов народа» (74). Наряду с максимальным физическим напряжением горняки переживали тяжелейший моральный гнет — страдания и боль, осуждение невинных, потерю близких…

И что удивительно и парадоксально, люди, с трудом выжившие в суровое довоенное время, не озлобились на Советскую власть, а наоборот — сохранили лучшие человеческие качества, являясь примером для нынешних поколений. В Черемхово в 2005 году открыт памятник жертвам политических репрессий — черный камень долерит, на котором изображен символ крестьянского труда — пучок колосьев с серпом и слова: «В память о раскулаченных крестьянах-спецпереселенцах, великих тружениках и защитниках Отечества». Установлен он у железнодо-

рожного вокзала, от которого и начинался путь ссыльных по черемховской земле. Ежегодно 30 октября — в День памяти репрессированных — здесь проходит митинг, на который приходят потомки пострадавших в те годы людей, школьники, краеведы — все, кто помнит трагедии сталинского режима.

Ю. Зуляр в книге «И так идет за веком век» пишет: «Атмосфера страха и ожидания новой прекрасной жизни наполняла будни и праздники черемховцев 30-х. Искренний энтузиазм и чистая вера в правильность и справедливость того дела, которому служили, были умело направлены в производственную деятельность. Черембасс, в котором в 20-е годы работали четыре шахты, превратился в «главную кочегарку Восточной Сибири», обеспечивая две трети всей региональной угледобычи. Быстрыми темпами строились шахты, внедрялись новые методы и способы добычи угля, использовалась все более мощная и передовая техника. К концу десятилетия в Черембассе работали передовые угледобывающие комплексы, была достигнута самая высокая производительность труда по отрасли, а добываемый уголь был самым дешевым в стране.

Тридцатые годы — свидетели той огромной энергии и целеустремленности, заложенной в черемховцах, которые за десять лет фактически заново создали город и современные предприятия угледобычи» (75).

Благодаря массовому движению ударников труда и стахановцев за 20 лет (с 1920-го по 1940 годы) объем добываемой продукции на Черемховском месторождении увеличился в 10 раз — с 500 тысяч до пяти миллионов тонн! В целом же весь Черембасс — пионер промышленной добычи угля Восточной Сибири — прочно утвердился среди ведущих угледобывающих районов России (76).

Фото из архива
Музея истории Черембасса

Примечания

1. МКУ «Архив города Черемхово», Ф. 41, О. 1 – Л, Д. 4, Л. 27; Д. 8, Л. 21; Д 12, Л. 40; Д 20, Л. 114; Д. 23, Л. 157; Д. 24, Л. 7, 163; Д. 25, Л. 45, 164.
2. Там же, Д. 8, Л. 40; Д. 9, Л. 50; Д. 12, Л. 69; Д. 14, Л. 72; Д. 20, Л. 136; Д. 21, Л. 92; Д. 22, Л. 76; Д. 23, Л. 14, 93, 106, 160; Д. 24, Л. 100,136; Д. 25, Л. 5, 6, 43; Д. 26, Л. 57.
3. Там же, Д. 8, Л. 45; Д. 18, Л. 25; Д. 22, Л. 64; Д. 23, Л. 96; Д. 25, Л. 110, Д. 26, Л. 58.
4. Там же, Д. 20, Л. 8.
5. Там же, Д. 25, Л. 78.
6. Там же, Д. 20, Л. 152.
7. Там же, Д. 2, Л.18, 43; Д. 8, Л. 19, 29, 33, 43; Д. 9, Л. 42; Д. 14, Л. 61, 281; Д. 21, Л. 49; Д. 22, Л. 7, 68, 70; Д. 23, Л. 3, 19, 53, 68, 149, 157; Д. 24, Л. 15 – 17, 55, 76, 78, 113, 130, 142; Д. 25, Л. 11, 29, 37, 63, 97, 162; Д. 26, Л. 69.
8. Там же, Д. 2, Л. 7, 13, 27, 42, 64; Д. 4, Л. 7, 16, 19, 23, 28, 41, 43, 48, 49; Д. 12, Л. 18, 25, 58, 64; Д. 14, Л. 71, 84, 87, 126; Д. 22, Л. 30; Д. 23, Л. 7, 35, 61, 90, 93, 154; Д. 24, Л. 12, 24, 27, 37, 71, 90, 153, 162, 171, 172; Д. 25, Л. 4, 14, 89, 146; Д. 26, Л. 92.
9. Там же, Д. 8, Л. 11; Д. 9, Л. 15; Д. 21, Л. 36; Д. 22, Л. 77, 97; Д. 23, Л. 131; Д. 24, Л. 81, 95; Д.25, Л. 17, 105; Д. 26, Л. 88.
10. Там же, Д. 23, Л. 95; Д. 25, Л. 33.
11. Там же, Д. 1, Л. 46, 48 – 49, 115; Д. 2, Л. 60, 102, 103; Д. 4, Л. 99; Д.8, Л. 16, 23, 27, 44, 47; Д. 9, Л. 6, 10, 11, 14, 21, 26, 28, 29, 30, 34, 35, 46, 54; Д. 12, Л. 27, 31, 34, 42, 51, 56, 59; Д. 14, Л. 72, 89, 94, 142 – 146; Д. 21, Л. 106; Д. 24, Л. 81, 122, 188 и др.
12. Там же, Д. 8, Л. 21, 37; Д. 24, Л. 145; Д. 25, Л. 105.
13. Там же, Д. 24, Л. 55
14. Там же, Д. 12, Л. 14.
15. Там же, Д. 9, Л. 10, 14, 33, 56; Д. 24, Л. 78, 127, 154; Д. 25, Л.13.
16. Там же, Д. 24, Л. 81.
17. Черемхово — город угольщиков. Историко-экономический очерк / Ред. Н. Г. Сеппинг. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. С. 94–95.
18. И так идет за веком век: История города Черемхово / Сост. Ковальская Т. В. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1999. С. 107–108. Черемхово — город угольщиков. Историко-экономический очерк / Ред. Н. Г. Сеппинг. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. С. 35–38. Середкин А. Их именами названы улицы Черемхово. Черемхово: Типография МУП «Черемховский рабочий», 2010. С. 140–143.
19. Середкин А. Их именами названы улицы Черемхово. Черемхово: Типография МУП «Черемховский рабочий», 2010. С. 68. И так идет за веком век: История города Черемхово / Сост. Ковальская Т.В. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1999. С. 108. Черемхово — город угольщиков. Историко-экономический очерк / Ред. Н. Г. Сеппинг. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. С. 38.
20. Черемхово — город угольщиков. Историко-экономический очерк / Ред. Н. Г. Сеппинг. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. С. 34.
21. Черемхово — город угольщиков. Историко-экономический очерк / Ред. Н. Г. Сеппинг. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. С. 42, 95. И так идет за веком век: История города Черемхово / Сост. Ковальская Т.В. Восточно-Сибирское книжное изда-

тельство, 1999. С. 108. Был станец средь черемух — стал город на угле… / Сост. Т. В. Ковальская. Иркутск, 1993. С. 46. Черемховские были / автор-составитель Т. В. Ковальская. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2015. С. 104–106.
22. Орбиты угольной Вселенной / Отв. ред. А. В. Гимельштейн. ООО «ВостСибкнига». 2010. С. 183.
23. Ярина Я. Терриконик черемховских судеб. Иркутск, ООО «Областная типография № 1», 2012. С. 40–41.
24. И так идет за веком век: История города Черемхово / Сост. Ковальская Т.В. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1999. С. 127.
25. Там же, с. 136–137.
26. Стахановское движение в Черембассе. Док-т из фондов музея истории Черембасса, с. 2. Черемхово — город угольщиков. Историко-экономический очерк / Ред. Н. Г. Сеппинг. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. С. 39–40.
27. И так идет за веком век: История города Черемхово / Сост. Ковальская Т.В. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1999. С. 152.
28. Ковальская Т. Закатилось угольное солнце (К 85-летию города Черемхово) // Восточно-Сибирская правда, 22.08. 2002. МКУ «Архив города Черемхово», Ф. Л – 62, О. 1 – Л; Ф. Л – 25, О. 1 – Л; Ф. Л – 49, О. 1 – Л; Ф. Л – 67, О. 1 – Л; Ф. Л – 21, О. 1 – Л; Ф. Р – 20, О. 1 – Л; Ф. Л – 52, О. 1 – Л; Ф. Л – 39, О. 1 – Л; Ф. Л – 20, О. 1 – Л.
29. МКУ «Архив города Черемхово», Ф. 41, О. 1 – Л.
30. Там же, Ф. Л – 41, О. 1 – Л, Д. 43, Л. 73.
31. Там же, Д. 45, Л. 118.
32. Стахановское движение в Черембассе. Док-т из фондов музея истории Черембасса, с. 2.
33. Там же, Д. 50, л. 10.
34. Там же, Д. 45, л. 60.
35. Там же, Д. 148, Л. 162.
36. Кулиш Т. Г. Репрессии. Как это было. Иркутск: ООО «Областная типография № 1», 2010. С. 271.
37. МКУ «Архив города Черемхово», Ф. Л – 41, О. 1 – Л, Д. 48, Л. 49, приказ № 186 от 22 октября 1933 г.
38. Там же, Д. 48, Л.173, приказ № 79 от 11 июня 1933 г.
39. Там же, Д. 48, л. 155.
40. Там же, Д. 55, л. 317.
41. Середкин А. Их именами названы улицы Черемхово. Черемхово: Типография МУП «Черемховский рабочий», 2010. С. 15–18. «Уголь — это победа». К 70-летию стахановского движения // Черемховский рабочий, 26.01.2006. И так идет за веком век: История города Черемхово / Сост. Ковальская Т. В. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1999. С. 152–153. Черемхово — город угольщиков. Историко-экономический очерк / Ред. Н .Г. Сеппинг. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. С. 43. Стахановское движение в Черембассе. Док-т из фондов музея истории Черембасса, с. 1.
42. Стахановское движение в Черембассе. Док-т из фондов музея истории Черембасса, с. 3.
43. МКУ «Архив города Черемхово», Ф Л - 41, О. 1 – Л, Д. 52, Л. 56.
44. Стахановское движение в Черембассе. Док-т из фондов музея истории Черембасса, с. 4.
45. «Уголь — это победа». К 70-летию стахановского движения // Черемховский рабочий, 26.01.2006.
46. МКУ «Архив города Черемхово», Ф Л - 41, О. 1 – Л, Д. 53, Л. 109.
47. Там же, Д. 54, Л. 198-199, Приложение к приказу № 155 от 26 апреля 1936 года. Соглашение, заключенное между Главуглем и ЦК Профсоюза Рабочих Каменноугольной Промышленности Восточных районов.
48. Там же, Д. 53, л. 68.
49. Там же, Д. 54, л. 44.
50. Стахановское движение в Черембассе. Док-т из фондов музея истории Черембасса, с. 7.
51. МКУ «Архив города Черемхово», Ф Л - 41, О. 1 – Л, Д. 60, Л. 206.
52. Там же, Д. 56, Л. 166.
53. Там же, Д. 58, Л. 215.
54. Там же, Д. 59, Л. 327.
55. Там же, Д. 60, Л. 206.
56. Там же, Д. 60, Л. 207.
57. Там же, Д. 53, Л. 144.
58. Там же, Д. 55, Л. 58.
59. Там же, Д. 55, Л. 152.
60. Там же, Д. 55, Л. 216, Приказ № 175 от 23 августа 1937 года.
61. Там же, Д. 63, Л. 393.
62. Там же, Д. 51, Л. 116.
63. Там же, Д. 59, Л. 28.
64. Там же, Д. 51, Л. 50.
65. Там же, Д. 51, Л. 95, Приказ № 86 от 3 мая 1934 года.
66. Там же, Д. 52, Л. 3.
67. Там же, Д. 56, Л. 159.
68. Там же, Д. 57, Л. 12.
69. Там же, Д. 59, Л. 334, Приказ № 171 от 22 октября 1939 года.
70. Там же, Д. 53, Л. 133.
71. Там же, Д. 64, Л. 73.
72. Черемхово — город угольщиков. Историко-экономический очерк / Ред. Н .Г. Сеппинг. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. С.42, 96.
73. И так идет за веком век: История города Черемхово / Сост. Ковальская Т. В. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1999. С. 122–123, 140–141.
74. МКУ «Архив города Черемхово», Ф Л - 41, О. 1 – Л, Д. 55, Л. 298 и 323.
75. И так идет за веком век: История города Черемхово / Сост. Ковальская Т. В. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1999. С. 160–161.
76. Черемховское угольное месторождение (технико-экономический очерк) Ред. Л. Н. Вольман: Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1968. С. 35. Черемхово — город угольщиков. Историко-экономический очерк / Ред. Н. Г. Сеппинг. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. С. 43.

Ольга Сокольникова

Город на угле

Развитие города Черемхово связано с добычей угля. Об этом «горючем камне» местные жители знали с давних пор. В XVIII столетии кузнецы использовали его в своем деле, а веком спустя, в 1895 году, горный инженер Шейнцвит заложил две первые разведочные шахты. Через год горный техник В. Центнерович в районе заимки Гришево заложил следующие четыре. Так, в 1896 году было добыто 4 800 тонн каменного угля (1). Началась промышленная разработка месторождения, открылась новая страница в истории города и района.

Согласно архивному фонду, первым рабочим, поступившим на копи в 1895 году, был забойщик Изот Ступин — 22-летний житель заимки Бабушкина (2). В течение 26 лет, до 1921 года, трудился он на Гришевских копях, пройдя все трудности организационного периода. В 1916 году к нему, также в качестве забойщика, присоединился сын, 16-летний Филипп Изотович. Возможно, это была первая династия черемховских шахтеров.

В первое время уголь использовался как топливо для пароходов, совершающих рейсы по Ангаре. Само же возникновение масштабной каменноугольной промышленности на Черемховском месторождении, безусловно, связано с прокладкой в 1898 году Транссибирской железной дороги, которая и стала основным потребителем «черного золота», дав толчок всему развитию Сибири (3). В начале XX столетия — к 1910-му году — в бассейне было уже порядка двадцати шахт от одиннадцати предприятий (4):

— «Товарищество А. М. Маркевич и К°», образованное в 1898 г. (Натальинский, Александровский и Андреевский рудники);

— «П. К. Щелкунов и К°»;

— «Московско-Сибирское горнопромышленное товарищество Д. Кузнец и К°» (Забитуйские копи);

— «Владимирское товарищество»;

— «Головинское горнопромышленное товарищество»;

— «Русско-Азиатское товарищество И. В. Комаровского и И. И. Собещанского» (Комаровские копи);

— «Товарищество В. А. Рассушин и К°»;

— «Ивано-Матвеевское товарищество» (Касьяновские копи);

— «Гришевское каменноугольное и промышленное акционерное общество»;

— мелкие предприятия Кириковой, Томашевского, Трухина, Трещетенкова, работавшие только в годы наибольшего спроса (1905–1906 и 1914–1915 гг.);

— «Н. А. Цевловский» (Велестовские копи);

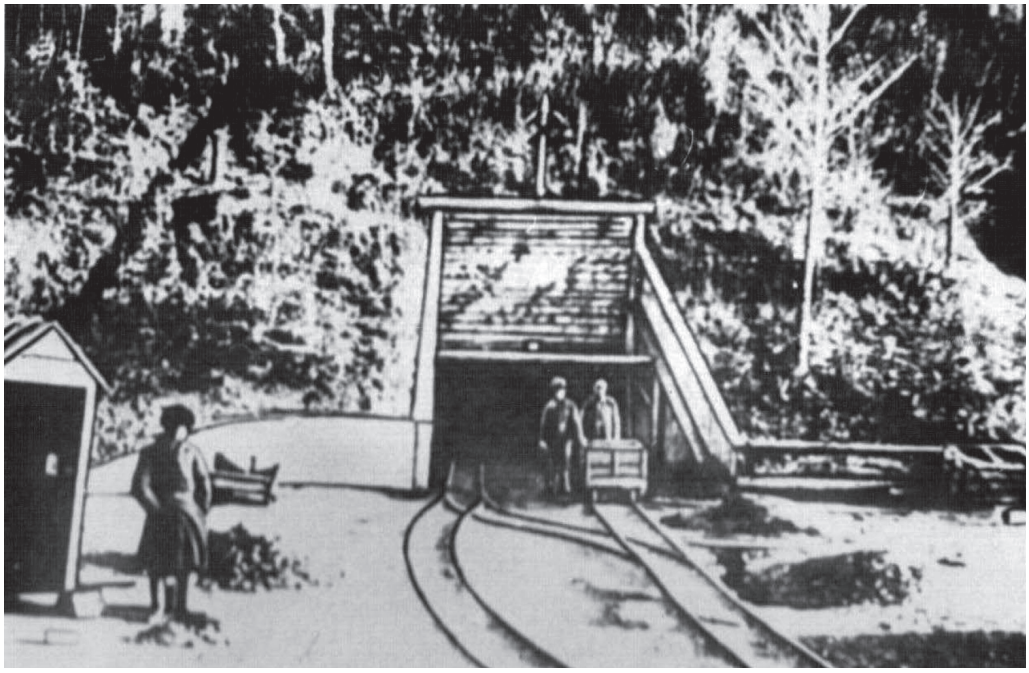
— Товарищество «Г. М. Мильнер и К°».

Основная масса рабочих Черембасса прибыла из центральных промышленных районов страны. Вследствие ссылки, каторги и массового переселения крестьян только к 1914 году в Сибирь перебрались 4 миллиона человек — почти столько же, сколько в ней было своего населения.

По словам Валентина Распутина, «колонизация Сибири прежде всего была народной, и раньше тех, кого правительство направляло «по выбору» и «по указу», сюда пробирались отряды «вольноохочих». В Сибирь шли люди, уходившие от ограничений и притеснений и искавшие свободы всех толков — религиозной, общественной, нравственной, деловой и личной. Сюда двинулись и те, кто не в ладах был с законом, чтобы скрыться в зауральских глубинах от наказания, и те, кто искал справедливого общинного закона, который бы противостоял административному гнету, и те, кто мечтал о сторонушке, где бы вовсе не водилось никаких законов. Рядом с авантюристом шагал праведник, рядом с

тружеником — пустожил и пройдоха» (5).

Поэтому социальный состав черемховских шахтеров был довольно разнородным — первыми рабочими были бывшие донецкие шахтеры и приискатели с сибирских золотых приисков (из крестьян и ссыльнопоселенцев). В 1903–1904 годах на рудниках изолированно работало около 400 каторжных Александровского централа. Затем, в процессе формирования рабочего коллектива Черембасса, в него влились крестьяне — как местные, так и те, которые после разорения шли в Сибирь в поисках лучшей доли. Они, как правило, работали в зимнее время и на поверхности земли (отвозили пустую породу и уголь, используя своих лошадей, работали на вскрыше и пр.). После окончания строительства Сибирской и Кругобайкальской железных дорог их рабочие также пополнили ряды горняков (в 1905 году у нас трудились более 60 итальянцев, которые, по всей вероятности, были наняты после завершения строительства сложных железнодорожных сооружений в байкальских горах). В 1916–1917 годах на копях работало около 300 «реквизированных инородцев» (мобилизованных представителей коренных народностей Сибири и Средней Азии), более 500 военнопленных и около 900 китайцев (6).



Бархатовский рудник

Согласно архивным данным, на копях трудились люди более 15 национальностей: украинцы и белорусы, поляки и эстонцы, немцы и финны, китайцы и корейцы, татары и буряты и даже индусы и евреи. Занятно, что в 1914–1922 годах о приехавших из губерний, лежащих западнее Урала, часто писали «Прибыл из России» (7). А о тех, кто поступал на шахты из Забайкалья и Дальнего Востока (это в основном бывшие строители Китайско–Восточной железной дороги), сообщали: «Прибыл из ДВР». Так в 1920–1922 годах обозначалась Дальневосточная республика (8).

Были и занимательные истории. Во время русско-японской войны появился спрос на черемховский уголь. На копях не хватало рабочих рук для того, чтобы удовлетворить потребность в топливе. Углепромышленники отправили вербовщиков

рабочей силы на Урал и в Прикамье — в Казанскую и Уфимскую губернии. В начале 1904 года в Черемхово прибыло около 300 татар, башкир и чувашей. Плохо одетые, изголодавшиеся в долгом пути крестьяне (21 день ехали они на поезде через Сибирь) никогда не видели шахту и пришли в ужас при виде темных сырых подземелий. Вместо обещанных высокой заработной платы, хороших жилищных условий и дешевых продуктов питания рабочие увидели противоположную картину… 4 апреля прибывшие категорически отказались работать. Вспыхнула первая в Черембассе забастовка. Вначале рабочие потребовали увеличить заработную плату, а затем, видя неуступчивость начальства, уволить их и отправить на родину. Переполох среди администраций угольных копей был столь велик, что пришлось вызвать из Иркутска военных на усмирение забастовщиков и объявить на копях военное положение. В течение 12 дней, с 4 по 16 апреля 1904 года, рабочие держались стойко и вскоре почти все они уехали из Сибири. Но все же часть переселенцев осталась. В последующие годы, когда копи стали более оборудованными, татары и башкиры прибывали вновь и оседали на черемховской земле (9).

В годы первой мировой войны в район прибыли в большом количестве китайские рабочие, в 1917 году их было здесь 870 человек (10). Русские капиталисты и царское правительство ввозили их не только как дешевую рабочую силу, но и для борьбы с рабочим классом России, для «разжижения» его сил. Однако китайцы постепенно усвоили русский язык и под влиянием рабочего движения горняков активно включились в борьбу против капиталистической же эксплуатации. В годы гражданской войны китайские добровольческие батальоны мужественно сражались за Советскую власть (11).

Чем же занимались люди до поступления на копи? Чаще всего — хлебопашеством (12), батрачеством у зажиточных крестьян (13); о молодых людях писали: «дома при родителях» (14), «при матери» (15), «при отце» (16); о домохозяйках — «жила при муже» (17). Есть и интересные записи: «в прислугах» (18), «на пароходе» (19), «с детства на конях» (20). О прибывшем в 1905 году из Тамбовской губернии сказано: «У себя в России крестьянствовал» (21). В графе «Семейное положение» девушки до 20-ти лет часто именовались «девицами» (22). О поступивших в 1918 и 1920 годах мужчинах из Енисейской губернии сообщается, что они были «в бегах» (23). Многие приехали в наш край после отбывания тюремного заключения (24). Так в начале прошлого века при поступлении на работу записывали основные данные человека. Сегодня эти «учетные книги» (а точнее, списки рабочих и служащих), бережно хранящиеся в архиве, — настоящий кладезь и первоисточник информации о том трудном и далеком и времени.

В начале XX века хозяевами Черемховских копей были купцы, инженеры, военные, адвокаты, подрядчики, крупные чиновники и даже члены царской фамилии (25). Примечательно, что среди них был человек, который ставил своей целью не только получение прибыли, но и в большей степени развитие местности — создание инфраструктуры для производства и условий для благоприятной жизни людей. Это купец первой гильдии Петр Карпович Щелкунов, проявивший себя настоящим патриотом, меценатом и прогрессивно мыслящим руководителем.

Начав в конце XIX века разработку угольных отводов, он не только построил несколько рудников и больницу (оснастив их по последнему слову техники), но и механический цех, литейную и столярную мастерские, кузницу и кирпичный завод. На шахтах он построил центральную электрическую станцию, первый в России закупил большой паровой котел, первый построил электровозную откатку угля, электрическую подъемную машину, применил систему вентиляции и водоотлива с электрическими насосами и вентиляторами. От электродвигателя действовала лесопильная рама.

Петр Карпович Щелкунов в семейном кругу

Будучи человеком высокообразованным, Петр Щелкунов проявил выдающуюся склонность к просвещению черемховцев: открыл школу для детей рабочих и служащих, первое в Сибири частное коммерческое училище (подготавливающее специалистов для угольных шахт) и разработал проект государственного техникума, чтобы иметь техников на всех участках и цехах. В 1930 году такое учебное заведение — Черемховский горный техникум — разместилось в усадьбе Щелкунова (26).

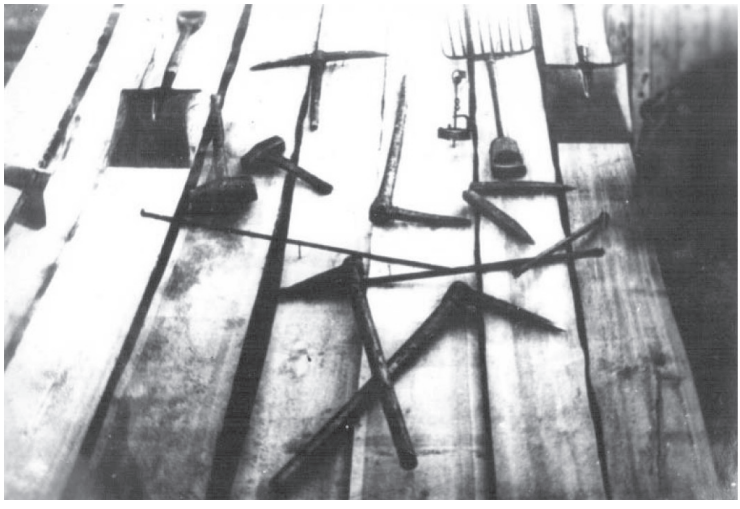
Петр Карпович был прогрессивным интеллигентом, совмещающим в делах своих образование и производство, предпринимательство и меценатство. Созданные им проекты имеют непреходящее общественное значение. Этот выдающийся человек внес огромный вклад в развитие города и, безусловно, достоин памяти и уважения потомков.

Глубина черемховских шахт была 25 метров, на некоторых из них добыча велась открытым способом (для сравнения: в Донбассе глубина всех вертикальных шахт в 1914 году равнялась 125 метрам) (27).

Разработка первых рудников стала самой тяжелой страницей в истории нашей малой родины. Большинство копей были кустарными, а условия труда на них — поистине каторжными. Олицетворением подземной работы были сырость, темнота, узкие забои и постоянная угроза обвалов, унесших немало жизней углекопов. Основными орудиями производства были кайло, кувалда, обушок, лопата и клинья. Шахты освещались открытыми лампами, наполняемыми маслом и керосином, или стеариновыми свечами–блендерами. Вентиляция под землей отсутствовала. Подъем угля, откатка осуществлялись мускульной силой людей или конным воротом. Рабочий день доходил до 12–14 часов (28).

Старейший шахтер, каторжанин Ф. В. Емелин рассказывал: «В 1905 году я был доставлен царскими властями в Восточную Сибирь и определен на шахты… Почти на каждом углу — кабачок или питейная лавка. Помню свой первый спуск в шахту. Пока я в ней находился, меня не покидало ощущение, что я попал в какую-то грязную, мокрую и вонючую дыру. В адских условиях приходилось трудиться рабочим. Шахта представляла собой широкий колодец, в котором двигались большие бадьи — одна вверх, другая вниз. Поднимались эти бадьи

конным воротом. В шахтах можно было наблюдать такую картину: человек без рубахи, обливаясь потом, полусогнувшись, почти на четвереньках тянет волоком к бадьям огромные санки, груженные углем. Это саночник. Нелегко ему, но не легче и его товарищам. В руках у них незамысловатый инструмент — железный клин, балда, кайло и лопата. Вначале они отбивают уголь клином, а потом размельчают его кайлом и грузят в санки. Воду откачивают сами, на своих плечах доставляют лес. В забое полутемно, еле-еле мерцает керосиновая коптилка» (29).



Инструменты подземной работы

Также профессию саночника, который возил уголь ползком на коленях и с лампой на шее или во рту, в свое время ярко обрисовал известный русский писатель В. Вересаев в очерке «Подземное царство»: «По проходу быстро, как кошка, прополз на четвереньках рабочий, таща за собой нагруженные углем сани. Это — «саночник»; всю свою двенадцатичасовую упряжку он ползет взад и вперед по норе в двадцать пять сажен длиной, отвозя на себе уголь из лавы в продольную…»

Саночник

Иркутская газета «Сибирь» в 1914 году сообщала: «Шахты Черемховских копей оборудованы самым примитивным способом. В забоях повсюду копоть, грязь, лужи… никаких канав для стока воды нет. Воздух в шахтах спертый, сырой. Хорошей питьевой воды нет. В большинстве случаев рабочие пьют воду, по которой сами ходят грязными ногами. Эта же вода выкачивается на поверхность и развозится по рабочим баракам».

В таких шахтах с 6 часов утра до 6–7 часов вечера шахтеру приходилось отбивать уголь, стоя на корточках, а когда пласт был тонок, то лежа на боку.

Большевистская газета «Звезда» писала: «В некоторых забоях шахтеры работают целый день мокрые (так как в шахте льется вода), и мокрые же от спуска в шахту проходят несколько саженей (при сорокоградусном морозе) по открытому воздуху до помещения, где можно обсушиться».

Никакой техники безопасности на копях в те годы не существовало. Забойщики спускались в шахты опять же по мокрым (зимой по обледенелым) лестницам, срывались с них и разбивались. Под землей дышали угольной пылью с примесью вредных газов. Главными причинами смерти и увечий являлись обрушения и обвалы породы, ушибы и ожоги. Притчей во языцех в Черембассе был производственный транспорт — вагончики для угля катились под подземный уклон сами собой, тормозом им служили простые палки. Вагоны часто наскакивали друг на друга и калечили рабочих.

Такие невыносимые условия труда и

крайне примитивное оборудование влекли за собой высокий уровень травматизма. К примеру, в 1904 году было официально зарегистрировано 675 несчастных случаев. Шахтеры получали тяжелые повреждения, полностью теряли трудоспособность, погибали (30).

В листовке Иркутского комитета РСДРП в 1906 году писалось: «Сплошь и рядом шахтеров поднимают наверх в бесчувственном состоянии с ужасным выражением мук на лице. Страшно и говорить, до чего доходят бедствия рабочих» (31).

Скульптурные композиции выполнены старейшим почетным шахтером г. Черемхово Г. И. Кошелевым

Страшно и говорить, до чего доходят бедствия рабочих» .

Не лучше было положение и поверхностных рабочих. «Над ними целый день висел хозяйский кнут в лице десятников (в виду того, что они работают поденно, то строгое наблюдение необходимо, чтобы рабочий лишний раз не остановился закурить да вытереть пот), — писала «Звезда», — которые все время прикрикивают: «Работай скорее», «чего стал», «штраф запишу».

Многие не выдерживали таких условий и отказывались выходить на работу (32), пускались в бега (33). Так, в архивных документах в графе об увольнении есть записи «уехал на Родину» (34), «дезертир» (35), а о 22-летнем возчике угля, прибывшем из Томской губернии, написано «Бежал неизвестно куда» (36).

За свой тяжелый каторжный труд шахтеры получали (часто с задержкой) жалкие гроши, из которых они обязаны были за свой счет освещать забои стеариновыми свечами, ставить крепежный лес, ремонтировать инструменты, приобретать обувь и дорогостоящие взрывчатые материалы. Страшным бичом для мизерного бюджета рабочего являлись штрафы. Штрафовали по самым различным поводам: за сланец и породу, которые трудно отделить в полутемных шахтах, за неявку на работу по болезни, за ослушание штейгера и десятника и т. д. А чтобы получить пенсию по инвалидности за полученные увечья (которая не обеспечивала даже минимального

прожиточного уровня), рабочим зачастую приходилось подолгу хлопотать в Иркутском окружном суде. В довершение всего в рудничных лавках, существовавших при копях, в счет зарплаты отпускались рабочим продукты и предметы первой необходимости по ценам гораздо выше рыночных. При этом качество продуктов было в них низким — мясо было зачастую протухшим, а хлеб привозили в грязных телегах. Но так как рабочим требовались деньги на приобретение предметов первой необходимости, они брали продукты в рудничных лавках и перепродавали их на базаре по более низким ценам (37).

В итоге горняки и их семьи влачили полуголодное существование, вели нищенский образ жизни. Поэтому на копях вынуждены были трудиться женщины и дети. По данным архива, самыми юными горняками были 7-летний Вася Воробьев и 9-летний Миша Ефонов, работавшие спускщиками вагонеток на Забитуйских копях. В 10 лет Клава Ефанова была подсыпщицей угольного слада, Саша Семячкин — конногоном, а Вова Усачев — кайлоносом (38). Дети с 11 лет трудились чернорабочими, забойщиками, смазчиками подъема, монтерами, литейщиками, стрелочниками, слесарями. С 17-ти лет полностью выполняли работу взрослых шахтеров. Женщины, дети и подростки работали по 10–12 часов в день, и труд их оплачивался особенно низко.

Рабочие на шахтах села Черемховского до революции

Тяжелыми были и жилищные условия, которые, к сожалению, в Сибири были хуже, чем в других районах страны. Горняки ютились в холодных и убогих бараках на 60–100 человек (с двухэтажными нарами вдоль стен и печью в центре), в землянках и ветхих халупах, где царили грязь, теснота и удушливый воздух (39). 31 января 1905 года даже иркутский губернатор отмечал: «Избы и бараки переполнены, в последних, кроме того, сыро, холодно и темно, так что, по мнению врача, возможны заболевания» (40).

И действительно, невыносимые условия труда и быта рабочих вели к высокой заболеваемости. Обычными последствиями воздействия угольной пыли и сырости, систематического недоедания

были катар дыхательных путей, бронхиты, воспаления легких, плевриты, ревматизмы, заболевания органов пищеварения, паралич глазных мышц, нервные болезни. Антисанитарные условия жизни способствовали распространению заразных болезней. Медицинское обслуживание, к сожалению, было неудовлетворительным.

В результате многие горняки после беспрерывной работы на шахтах в течение 8–10 лет делались полными инвалидами. Их не принимали в артели, и они или вынуждены были приискивать себе более легкую работу или же совершенно «выбывали из строя», пополняя собою ряды безработных и нищих людей (41).

В таких неимоверно трудных условиях жили и трудились черемховские шахтеры. Таким было положение рабочих во всей Сибири и России.

Вход в шахту

Чудовищные условия труда, жестокая эксплуатация, нищенская жизнь вызывали недовольство, сплачивали рабочих и поднимали их на борьбу за свои права. Первая забастовка, как говорилось ранее, вспыхнула в апреле 1904 года, а в следующие три года забастовочное движение приняло массовый характер. Черемховские шахтеры были организаторами первых выступлений горняков Восточной Сибири против произвола и эксплуатации со стороны шахтовладельцев. Их борьба за экономические и политические права не прекращалась до Октябрьской революции. С 1904 по 1917 год на копях Черемховского угольного бассейна было проведено 66 забастовок и стачек, в которых участвовало около 8 тысяч шахтеров (42).

Важно сказать, что черемховские рабочие принимали активнейшее участие в исторических событиях России — 4 (17) ноября 1917 года они первыми в Иркутской губернии провозгласили власть Советов, а в декабре героически сражались в Иркутске с мятежниками–юнкерами. На подавление этого восстания черемховские горняки также поднялись одними из первых — семь эшелонов Красной гвардии направилось тогда в губернский город. В результате тяжелых девятидневных боев власть в Иркутске полностью перешла в руки Советов, и черемховские шахтеры вернулись к мирному труду. 1 января 1918 года в начале Каменской улицы (ныне улица Декабрьских событий, названная в честь этого восстания) в братской могиле были похоронены 18 красногвардейцев, погибших тогда за власть Советов. Спустя два года, в конце декабря 1919-го, шахтеры Черембасса первыми в губернии подняли восстание против А. Колчака и приняли участие в задержании адмирала, его окружения и «золотого эшелона» — золотого запаса страны, захваченного белогвардейцами в августе 1918 года в кладовых банка в Казани. Позже представители черемховских горняков участвовали в сопровождении «золотого эшелона» обратно в Казань (43).

Так, в начале XX века в Черемховском угольном бассейне был сосредоточен многочисленный отряд рабочего класса, сыгравший выдающуюся роль в борьбе за победу социалистической революции в Восточной Сибири (44).

Люди жили, трудились, боролись, строили город, создавали семьи, защищали их… Прибывали со всей страны. Если в 1899 году на копях трудилось около 200 человек, то в 1917-м — более 5 тысяч (численность шахтеров в течение года варьировалась, поскольку многие крестьяне с наступлением весенних полевых работ уходили с рудников и возвращались на них лишь поздней осенью). Следовательно, росла и добыча угля — за этот период она увеличилась в 65 раз — с 19 тыс. до 1,2 млн тонн (45).

В то время росту угледобычи способствовали войны: в Китае (1900 год), русско-японская война (1904–1905 гг.), Первая мировая и Гражданская. В эти тяжелые годы к обычной работе железной дороги добавлялись перевозки войск, военных грузов и продовольствия, что значительно увеличивало объем перевозок и, соответственно, спрос на уголь.

С 1903 года на шахтах стали появляться вагонетки, прокладываться рельсы. Постепенно на производственных операциях (откачке воды, подъеме и сортировке угля, отвозке пустой породы и других) начали применяться паровые, керосиновые, электрические двигатели, котлы и механизмы. Рудники стали освещаться при помощи электричества.

Приятно отметить, что Черембассу до революции принадлежало одно из первых мест по количеству трудящихся среди рабочих районов Восточной Сибири (46). Село росло, развивалось. При копях строились больницы и школы, пекарни и магазины, жилые бараки и дома, училища и мастерские и даже клубы и театры.

Поистине победным стал 1917 год: 3 июня с населением более 10 тысяч человек село получило статус города, в декабре копи перешли в руки рабочих,

а по итогам года шахты дали рекордную для Сибири цифру по добыче угля — 76,8 млн пудов (1,2 млн тонн)! (47).

Так Черембасс менее чем за четверть века из земледельческого села превратился в крупный промышленный район Иркутской губернии. Пережил «угольный бум», создание одиннадцати предприятий, резкие спады и подъемы производства, образование черемховского угольного синдиката (Черемховского Сибирского торгово-промышленного общества) — единственной за Уралом монополии в угольной промышленности. Ценой неимоверных человеческих усилий превратился в основной угледобывающий бассейн востока страны и третий по объему добычи бассейн Российской империи (48).

Фото из архива
Музея истории Черембасса

Примечания

1. Черемхово — город угольщиков. Историко-экономический очерк / Ред. Н. Г. Сеппинг. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. С. 10.
2. МКУ «Архив города Черемхово», Ф. 41, ОП. 1 – Л, Д. 20, Л. 96.
3. Черемхово — город угольщиков. Историко-экономический очерк / Ред. Н. Г. Сеппинг. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. С. 11–12.
4. Был станец средь черемух — стал город на угле… / Сост. Т. Ковальская, Иркутск, 1993. С. 18–22. Орбиты угольной Вселенной / Отв. ред. А. В. Гимельштейн. ООО «ВостСибкнига». 2010. С. 22–27. Черемховский углепромышленный район. С-Петербург. Типография Министерства Путей сообщения / Товарищества И. Н. Кушнеров и К°. Фонтанка, 17. 1907. С. 10–19. Тагаров З. Рабочее движение в Черемховском угольном районе. Иркутское книжное издательство, 1959. С. 8–9, 27. Ковальская Т. Закатилось угольное солнце (К 85-летию города Черемхово) // Восточно-Сибирская правда, 22.08. 2002. МКУ «Архив города Черемхово», Ф. 41, О. 1 – Л, Д. 1 – 27.
5. Распутин В. Г. Сибирь, Сибирь… / Фотоил. Б. Дмитриева – Иркутск: ООО «Артиздат», 2000. –С. 21.
6. И так идет за веком век: История города Черемхово / Сост. Ковальская Т.В. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1999. С. 37–38, 51. Тагаров З. Рабочее движение в Черемховском угольном районе. Иркутское книжное издательство, 1959. С. 25–26.
7. МКУ «Архив города Черемхово», Ф. 41, О. 1 – Л, Д. 6, Л. 3, 6 – 7, 12, 14 – 15, 18, 22 – 23, 49; Д. 8, Л. 29, Д. 9, Л. 35; Д. 12, Л. 17; Д. 13, Л. 44, 291, 295, 296, 297, 299, 300, 301, 302; Д. 20, Л. 23, 24, 44, 46, 51, 74, 92, 158, 164, 165, 167; Д. 21, Л. 159, 161, 163, 164; Д. 26, Л. 25, 127, 129 и др.
8. Там же, Ф. 41, О. 1 – Л, Д. 6, Л. 6 – 8, 13, 22, 28, 31 – 33, 35, 38 – 41, 47 – 48, 53 – 54; Д. 21, Л. 81 – 82, 116, 118, 141, 144, 148; Д. 24, Л. 146; Д. 26, Л. 9, 41, 89, 97 – 98, 101, 103 – 104, 108, 117, 140, 142, 144 и др.
9. Был станец средь черемух – стал город на угле… / Сост. Т. Ковальская, Иркутск, 1993. С. 23. Черемхово — город угольщиков. Историко-экономический очерк / Ред. Н. Г. Сеппинг. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. С. 17. И так идет за веком век: История города Черемхово / Сост. Ковальская Т.В. Восточно- Сибирское книжное издательство, 1999. С. 60–61. Тагаров З. Рабочее движение в Черемховском угольном районе. Иркутское книжное издательство, 1959. С. 45–48. Владимир Рассушин: из Иркутска в Харбин: сборник науч. работ участников межрегион. науч.-практич. конференции «Рассушинские чтения». Иркутск, 3 апреля — 16 мая 2015 г. Иркутск: На Чехова, 2015. С. 60. Черемховский горно - технический колледж: в ногу со временем / Сост. А. И. Бурмакина. Саянск: ООО «Паритет», 2005. С. 8.
10. И так идет за веком век: История города Черемхово / Сост. Ковальская Т.В. Восточно- Сибирское книжное издательство, 1999. С. 51.
11. Тагаров З. Рабочее движение в Черемховском угольном районе. Иркутское книжное издательство, 1959. С. 25–26.
12. МКУ «Архив города Черемхово», Ф. 41, О. 1 – Л, Д. 6, Л. 136; Д. 17, Л. 46; Д. 21, Л. 33 – 34, 37, 48, 120; Д. 23, Л. 3, 65, 85, 93, 100, 106, 125 и др.
13. Там же, Д. 1, Л. 40 – 41, 49, 64, 115 – 116, 132; Д. 4, Л. 88; Д. 5, Л. 59; Д. 22, Л. 114 и др.
14. Там же, Д. 14, Л. 72, 88, 97; Д. 20, Л. 113; Д. 23, Л. 3, 6, 7, 61, 93, 149; Д. 24, Л. 4, 24, 51; Д. 25, Л. 4, 90, 107, 127, 131 и др.
15. Там же, Д. 25, Л. 162.
16. Там же, Д. 21, Л. 53, 55, 138; Д. 22, Л. 94, Д. 23, Л. 151; Д. 24, Л. 54, 76, 134; Д. 25, Л. 168; Д. 26, Л. 128 и др.
17. Там же, Д. 21, Л. 48; Д. 23, Л. 17 и др.
18. Там же, Д. 2, Л. 61, Д. 24, Л. 73; Д. 25, Л. 13, 69, 91, 147.
19. Там же, Д. 2, Л. 44, 61.
20. Там же, Д. 22, Л. 114.
21. Там же, Д. 24, Л. 13.
22. Там же, Д. 2, Л. 7, 17, 21, 36, 38, 44 – 46, 51, 53, 61, 70, 76 – 77; Д. 5, Л. 7, 11, 14 – 15, 19 – 20, 22, 30, 44; Д. 6, Л. 165; Д. 10, Л. 4, 8 – 11, 15, 20, 39, 61 и др.
23. Там же, Д. 24, Л. 8 – 9; Д. 25, Л. 64.
24. Там же, Д. 6, Л. 9, 16; Д. 22, Л. 114; Д. 24, л. 127; Д. 25, Л. 64, 67, 90, 105 и др.
25. Черемхово — город угольщиков. Историко-экономический очерк / Ред. Н. Г. Сеппинг. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. С. 11.
26. Орбиты угольной Вселенной / Отв. Ред. А. В. Гимельштейн. ООО «ВостСибкнига». 2010. С. 24. Черемховский горно-технический колледж: в ногу со временем / Сост. А. И. Бурмакина. Саянск: ООО «Паритет», 2005. С. 6–19. Ковальская Т. Петр Щелкунов и другие // Александровский централ, 22.04. 1990. Ковальская Т. Закатилось угольное солнце (К 85-летию города Черемхово) // Восточно-Сибирская правда, 22.08. 2002. Нефедьева А. К., Тихонов В. В. Московский тракт. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы», 2010. С. 245. Середкин А. Их именами названы улицы Черемхово. Черемхово: Типография МУП «Черемховский рабочий», 2010. С. 25.

27. И так идет за веком век: История города Черемхово / Сост. Ковальская Т.В. Восточно- Сибирское книжное издательство, 1999. С. 34.
28. Тагаров З. Рабочее движение в Черемховском угольном районе. Иркутское книжное издательство, 1959. С. 28.
29. Черемхово — город угольщиков. Историко-экономический очерк / Ред. Н. Г. Сеппинг. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. С. 12.
30. Тагаров З. Рабочее движение в Черемховском угольном районе. Иркутское книжное издательство, 1959. С. 28–29.
31. Черемхово — город угольщиков. Историко-экономический очерк / Ред. Н. Г. Сеппинг. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. С. 13.
32. МКУ «Архив города Черемхово», Ф. 41, О. 1 – Л, Д. 1, Л. 37 – 38, 64, 71, 75, 133, 161, 169 – 173; Д. 6, Л. 126, 165; Д 11, Л. 61, 74, 84 – 88; Д. 13, Л. 13, 120, 213, 242; Д. 17, Л. 25 – 28, 33 – 34; Д 19, Л. 3 – 149; Д. 25, Л. 13 и др.
33. Там же, Д. 26, Л. 148.
34. Там же, Д. 6, Л. 44, 76, 87; Д 17, Л. 35 и др.
35. Там же, Д. 21, Л. 86, 124, 156; Д. 23, Л. 108; Д. 26 , Л. 9, 74, 114, 145 и др.
36. Там же, Д. 25, Л. 13.
37. Тагаров З. Рабочее движение в Черемховском угольном районе. Иркутское книжное издательство, 1959. С. 29–35.
38. МКУ «Архив города Черемхово», Ф. 41, О. 1 – Л, Д. 24, Л. 54, 133, 134; Д. 25, Л. 103, 162.
39. И так идет за веком век: История города Черемхово / Сост. Ковальская Т.В. Восточно–Сибирское книжное издательство, 1999. С. 46. Был станец средь черемух — стал город на угле… / Сост. Т. Ковальская, Иркутск, 1993. С. 18. Черемховский углепромышленный район. С-Петербург. Типография Министерства Путей сообщения / Товарищества И. Н. Кушнеров и К°) Фонтанка, 17. 1907. С. 7.
40. Тагаров З. Рабочее движение в Черемховском угольном районе. Иркутское книжное издательство, 1959. С. 37–38.
41. Там же, с. 39–40.
42. Черемхово — город угольщиков. Историко-экономический очерк / Ред. Н. Г. Сеппинг. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. С. 21.
43. Там же, с. 23 – 24, 29, 31. И так идет за веком век: История города Черемхово / Сост. Ковальская Т.В. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1999. С. 90, 101. Середкин А. Их именами названы улицы Черемхово. Черемхово: Типография МУП «Черемховский рабочий», 2010. С. 92.
44. Тагаров З. Рабочее движение в Черемховском угольном районе. Иркутское книжное издательство, 1959. С.23.
45. Там же, с. 10, 12, 23–24.
46. Там же, с. 24.
47. Был станец средь черемух — стал город на угле… / Сост. Т. Ковальская, Иркутск, 1993. С. 22.
48. И так идет за веком век: История города Черемхово / Сост. Ковальская Т.В. Восточно–Сибирское книжное издательство, 1999. С. 49.

«Глазковский некрополь» – удивительное рядом

Всего в нескольких минутах от исторического центра Иркутска находится всемирно известный памятник каменного века. Имя ему «Глазковский некрополь», находится он на территории парка им. Парижской коммуны. Немногие иркутяне знают об этом удивительном памятнике. А между тем он — единственный в мире сохранившийся в центре города, входит в число 100 уникальных археологических памятников планеты, на более чем 2 000 лет древнее египетских пирамид, описан во всех археологических справочниках мира, в ближайшем будущем будет включен в перечень исторического и культурного наследия ЮНЕСКО!

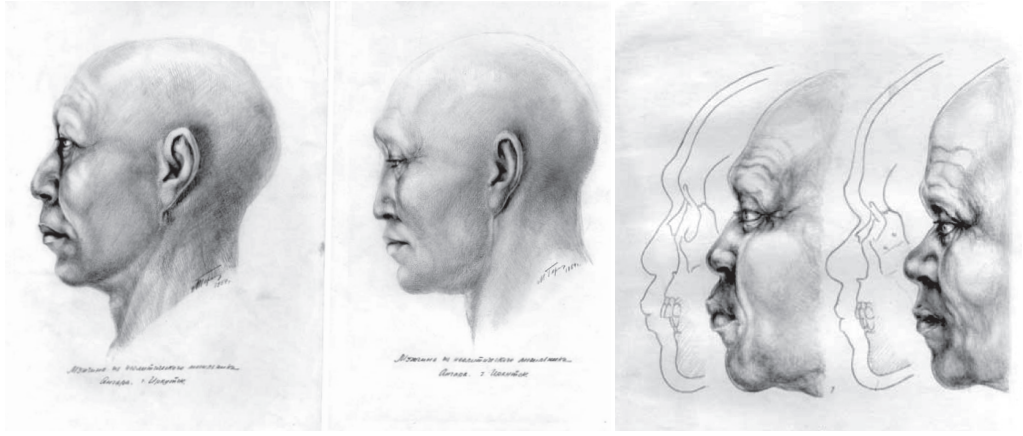
Стоит также добавить, что «Глазковский некрополь» донес до нас свидетельства существования таинственной и загадочной «китойской культуры». Вот уже на протяжении трех веков археологи и антропологи не могут однозначно ответить на вопросы: откуда пришли «китойцы», почему прожили здесь свыше двух тысячелетий и вдруг бесследно исчезли?

В фондах Иркутского областного краеведческого музея хранится 93 коллекции, насчитывающие почти 2 000 артефактов «Глазковского некрополя». Предлагаем вашему вниманию некоторые из них.

Термин «китойская культура» стал употребляться с 1904 года по предложению М. П. Овчинникова, одного из первых ученых замечательной плеяды сибирских археологов. Представлена данная культура в виде обрядовых погребений на Кайской горе левобережного района города. Первые археологические раскопки этой культуры относятся к 80-м годам XIX века, на разных этапах в них принимали участие ученые с мировым именем, такие как: Б. Э. Петри, А. П. Окладников, М. М. Герасимов, Г. И. Медведев, М. П. Аксёнов, В. И. Базалийский, Савельев Н. А. За все время этих раскопок были исследованы 71 захоронение и 115 погребенных в них.

Парк им. Парижской коммуны, вид с правого берега Ангары

Вскрытое погребение людей «китойской культуры»



Зарисовки людей загадочной культуры, сделанные М. М. Герасимовым

Вот так выглядели погребенные в некрополе «китойские» мужчины. По мнению ученых, это были физически очень сильные люди, средний рост их составлял 145–170 см. Генетический анализ дает возможность предположить, что «китойцы» являются далекими предками коренных народов Кореи, Японии и индейцев Северной Америки. Отсюда выводы о том, что место современного расположения Иркутска было неким перекрестком, откуда древние люди переселялись на Восток и в Северную Америку.

В основе погребального обряда «китойской культуры» лежали анимистические представления, исходя из которых умершего сородича наделяли всем необходимым для жизни в потустороннем мире. Предметы эти укладывались в сумки за головой, возле рук и ног. Умерших погребали в овальные или прямоугольные ямы глубиной от 0,3 до 1,8 метра (в зависимости от времени года?) и обильно посыпали охрой. Эта природная минеральная краска красного цвета называется «кровавик». В основе ритуала,

по мнению ученых, лежит представление древних людей о красной краске как источнике жизни и средстве воскрешения покойников в «полуночной» стране. У 40% погребенных голова отделена от туловища, что тоже является частью ритуального обряда, и, очевидно, тайна его так и останется в глубине многотысячелетней истории загадочной культуры. Погребальный инвентарь составляли шлифованные нефритовые и сланцевые ножи и тёсла, кремневые вкладыши к ножам и другие изделия из камня и кости. Самую многочисленную серию предметов составляют стерженьки рыболовных крючков. В отдельных могилах их насчитывается свыше 150 штук. Интересно отметить, что долгое время предназначение их было неясным, и лишь в 1928 году М. М. Герасимов впервые четко обозначил их как составные части рыболовных крючков. Несложно сделать следующий вывод — основным занятием этих людей было рыболовство. Наряду с этим они занимались охотой и собирательством, что характерно для людей каменного века.

Гарпун

Составной крючок

Также в погребениях обнаружены уникальные украшения: подвески из клыков кабана и благородного оленя, кольца из редких минералов. Найденные там же скульптурные изображения голов лосей и рыб, вырезанных из кости, а также рыбок-приманок из сланца говорят о высокоразвитом искусстве древних мастеров «китойской культуры». Многие из этих вещей сделаны специально для захоронений, они не сломаны, не сточены и в хорошем состоянии.

Голова лося и бусы

Детальный анализ многочисленных погребений свидетельствовал об имущественном различии погребенных. Академик Окладников утверждал, что «у древних «иркутян» существовало рабство, при котором, если умирал хозяин, то вместе с ним убивали одного или несколько слуг, которые сопровождали бы его в царство усопших».

Среди прочих загадок и открытий «Глазковского некрополя» есть еще одна, до сих пор непостижимая для ученого сообщества. Это единственный в мире случай захоронения волка, в лапах которого лежал череп человека. Этому захоронению 7,8 тысяч лет, но самое интересное то, что японские специалисты провели радиоуглеродный анализ костей и пришли к сенсационному выводу — человеческие останки более чем на 400 лет старше, чем скелет волка!

Вот уже почти 100 лет авторитетные ученые с мировыми именами бьются за то, чтобы на территории современного парка им. Парижской Коммуны был поставлен комплексный музей-памятник редчайшего исторического наследия каменного века. Единственный в своем роде — не только в России, но и во всем мире! Разработан и проект будущего музея, названного «Байкальский центр изучения человека», об-

Остроконечник и нож из нефрита

щей площадью не менее 10 тысяч кв. м. Планируется разместить экспозиции как в здании, так и под открытым небом.

В 2014 г. Минкультуры РФ и Институт Археологии РАН поддержали создание музейного комплекса, была организована творческая группа по реализации проекта, в состав которой вошли скульптор Даши Намдаков и режиссер Сергей Бодров-старший. Создание музея имеет неоценимое значение для Иркутска и послужило бы весомым вкладом в перспективу становления его как одного из привлекательнейших городов Северной Азии. Без всякого сомнения — это достойный восхищения проект, столь значимый для нашего любимого Иркутска.

Хотелось бы на этом и закончить рассказ об уникальнейшем памятнике каменного века в Иркутске, но будет ли воплощен в жизнь столь грандиозный и нужный городу, России и всему мировому культурному наследию проект музея? Пока дальше макетных эскизов дело не пошло.

Макет музейного центра «Байкальский центр изучения человека»

ISBN
УДК
ББК

КРАЕВЕД ПРИАНГАРЬЯ

Журнал краеведов Приангарья

Редактор-составитель
С. Гольдфарб

Редакционная коллегия:
Н. Николаев
(председатель)
С. Гольдфарб
(заместитель председателя)
А. Петров
(ответственный секретарь)
А. Елизарьев
В. Шахеров
М. Синчурина

Художник *Сергей Григорьев*
Верстка *Алла Овчинникова*
Корректор *Анна Асеева*

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»
664047, г. Иркутск, ул. А. Невского, 99/2.
Тел. (3952) 540-940.

В номере 1 журнала «Краевед Приангарья» при оформлении обложки, не было указано: «Автор центрального фрагмента Ю. Ружникова». Приносим ей свои извинения.